

Великая ложь XX века

Юрген Граф

- [Homo fidens](#)
- [Об этом написано в книгах](#)
- [Слон-невидимка](#)
- [Историки-ревизионисты](#)
- [Политика Гитлера в отношении евреев](#)
- [Концлагеря](#)
- [О людских мельницах и огненных рвах](#)
- [Обвинение и доказательства](#)
- [Газовые камеры на территории Рейха](#)
- [Три главных свидетеля Освенцима](#)
- [Силезский золотой зуб](#)

- [Показания очевидцев](#)
- [История лжи нашего века](#)
- [Процессы](#)
- [Треблинка или паралич разума](#)
- [Белзец, Хелмно, Собибор](#)
- [Куда делись миллионы?](#)
- [Второе вавилонское пленение](#)
- [Рассеяние](#)
- [Отдельные судьбы](#)
- [Четыре пути к цели](#)
- [Фальсификаторы за работой](#)
- [Зулус и эскимос](#)
- [Кому ложь выгодна](#)
- [Красная птица дунайской дельты](#)
- [Грядущее падение идола](#)
- [Дополнение](#)
- [Список литературы](#)

Предисловие: Письмо от 22 марта 1993г. проф. Роберта Фориссона автору книги

Я еще не читал Вашу книгу и потому не могу – как намеревался – написать к ней предисловие. Это, как Вы знаете, не наша с Вами вина. Виновны интеллектуальный террор и цензура, которые в наших странах – у Вас в Швейцарии, у меня во Франции – используются против публикаций ревизионистов. В истории ревизионизм запрещен во Франции по закону Фабиуса-Гейсо от 13 июля 1990, одобренному социалистами и коммунистами, который влечет за собой денежные штрафы, наказания и лишение гражданских прав, что в последнем случае связано также с запретом на профессию. По этому закону ревизионистов – преподавателей университета, исследователей, инженеров, техников, студентов – преследовали уже приблизительно 30 раз. Вероятно, очень скоро подобный закон вступит в силу и в Швейцарии, затруднив опубликование Вашего труда. Чтобы выиграть время у этого закона-намордника, Вам крайне необходимо поспешить с выходом Вашей книги, ее надо напечатать как можно быстрее, чтобы я вовремя мог получить гранки.

Вы еще молоды, горячи и буквально задыхаетесь от возмущения при виде чудовищной исторической лжи, которая преподносится евреям в мифе о холокосте. Ваши молодость, горячность и негодование, вероятно, отразятся на Вашей книге и определяют ее достоинства и недостатки. Я завидую Вашим

достоинствам. Недостатки же я бы охотно исправил со всей известной Вам строгостью и устранил бы некоторые Ваши неизбежные ошибки. Однако обстоятельства не позволяют это сделать. Следовательно, Ваша книга, которую хотелось бы видеть, елико возможно, строго исторической, будет своеобразным свидетельством, свидетельством несколько чересчур искреннего и импульсивного человека, который, столкнувшись с неожиданной истиной, хочет, как можно быстрее, убедить в ней окружающих.

Выше я употребил выражение, которое вроде бы не приличествует объективному историку. Я сказал о «чудовищной исторической лжи, которая преподносится евреям в мифе о холокосте». Обдумайте эти слова! Я говорю не просто о лжи и ни в коем случае не считаю лжецами тех, кто утверждает, что верит в холокост. Я говорю об «исторической лжи», т.е. о легенде или мифе, укоренившемся в истории точно также, как есть другие мифы или легенды, за которые цепляются весьма ревностно, поскольку похоже верят в них также, как все. Телевидение и радио, влияющие в определенной степени на взгляды многих из нас, неустанно вдавливают, что во время Второй мировой войны немцы проводили в отношении евреев политику, которую можно представить в следующем виде: в соответствии с преступным приказом и планом немцы якобы стремились физически уничтожить евреев главным образом посредством нового орудия уничтожения, а именно посредством химических фабрик смерти, именуемых «газовыми камерами» или точнее «камерами казни при помощи газа». Общее число евреев, погибших в этих камерах, а также от массовых расстрелов, голода и эпидемий, достигает якобы 6 миллионов, что равно приблизительно населению Швейцарии. Все это неправда. Мы имеем дело с выдумкой, созданной военной пропагандой и ненавистью. С окончанием войн эта пропаганда, казалось бы, должна была прекратиться, но она парадоксальным образом усиливается тем больше, чем больше отдалается от нас война.

Верно, однако, положение, что немецкая политика была антиеврейской. Ее целью было «окончательное территориальное решение еврейского вопроса», которое, в меру возможного, осуществлялось путем эмиграции евреев, или – в сил необходимости – путем эвакуации, изгнания или депортации. Во время войны немцы отправили большое число европейских евреев в концентрационные, рабочие или транзитные лагеря. После окончания войны, после «освобождения» евреев (это выражение взято из протокола совещания в Ваннзее) немцы, учитывая интерес арабского мира, хотели создать для евреев национальное государство не в Палестине, а на Мадагаскаре или в другом месте.

Во многих лагерях свирепствовали страшные эпидемии и ныне всем известны снимки умерших или умирающих от тифа людей, которых нашли в переполненных лагерях опустошенной войной Германии. Пока неизвестно подлинное число жертв среди евреев, поскольку никто не пытался установить его научно при помощи методов, существующих в эпоху ЭВМ. Очень многие

люди или группы настаивают на цифре в 6 млн., которую даже историки-евреи называют лишь «символической». Ответственность за сокрытие правды в этом вопросе, несомненно, несет определенное ведомство: Международное розыскное бюро в Арользене-Вальдеке. Хотя это бюро находится в Германии, подчиняется оно Международному Красному Кресту в Женеве.

До 1978 года при нем имелось отделение истории, доступное для ученых. Но едва выяснилось, что миф о газовых камерах, истреблении евреев и шести миллионах зашатался из-за огромного количества документации в Арользене, Международное розыскное бюро под давлением со стороны закрыло отделение истории, сократило число публикаций и заявило, что впредь станет обслуживать исключительно «жертвы национал-социализма». В это бюро должны обращаться миллионы «выживших» и имеющих претензии, чтобы получить до 2030 года (многие уже получили) от немецких налогоплательщиков «возмещение убытков». Я часто называю Арользен одним из четырех «бастионов лжи в Германии». Три другие – Людвигсбург, где находится «Главное бюро земельных отделов юстиции по преследованию нацистских преступников», Мюнхен с его Институтом современной истории, и Бонн, где заседает правительство и Министерство юстиции.

Есть основания предполагать, что из 40 – 50 млн. погибших во Вторую мировую войну евреи составляли около одного миллиона. Международный военный трибунал в Нюрнберге считал, что в Освенциме погибло 4 млн. евреев и неевреев (документ СССР-008, называемый «доказательство по обязанности», так как пункт 21 Нюрнбергского устава гласил: 'Трибунал не должен требовать доказательств: общеизвестных фактов, а должен принимать их по обязанности; это относится к официальным правительственным документам и докладам ООН, а также к действиям и документам комитетов, занятых в разных союзных державах расследованием военных преступлений, включая сюда протоколы и решения военных и иных судов любой из Объединенных Наций").

До апреля 1990 года бесчисленные посетители Освенцима видели названную цифру, блестящую в бронзе на 19 языках на памятнике, перед которым склоняли головы великие мира сего. В апреле 1990 года по приказу дирекции музея Освенцима надпись была удалена. Началось долгое препирательство относительно новой цифры. Сейчас, в марте 1993 года, есть некоторые указания на то, что будет принята цифра в 1,5 миллиона. Однако придет день, когда все согласятся, что в Освенциме на самом деле погибло около 150 000 человек. Никто, ни в Освенциме, ни в другом месте, не погиб от циклона Б, а если бы его у немцев было больше, то эков умерло бы меньше, потому что циклон использовался для дезинфекции и обеззараживания. Можно напомнить известное высказывание: «В Освенциме от газа погибли только вши». (Поэтому нет ничего ужасного в том, что в Освенциме, в здании театра, где немцы раньше хранили банки с «Циклоном», сейчас живут монахини. Они живут не там, где хранилось страшное смертоносное вещество,

а в здании, где под эгидой Красного Креста был складирован гигиенический материал).

Немаловажное значение имеет, конечно, как число жертв, так и способ и средство, посредством коих они умерщвлялись. В конце концов, материальные факторы надо тщательнейше изучить и на них следует строить комментарии и выводы. Прежде чем обвинять немцев в истреблении людей в газовых камерах, следовало бы доказать наличие смертоносного орудия. Но ни один суд, ни один историк этого не сделал.

Когда на основе наших изысканий мы утверждаем, что газовых камер вообще не было и не могло быть в свете современных научных знаний, то при этом опираемся на ряд доказательств: физики, химии, топографии (имея в виду местоположение Освенцима, Треблинки и т. д.), архитектуры (например, крематориев, где якобы рядом с печами находились и камеры по умерщвлению газом), документалистики и истории. Аргументы ревизионистов имеют солидную базу. В 1981 году один профессор истории из Принстона (США) с гневом обрушился на филолога Ноама Хамского, который отстаивал мое право на сомнение и свободное исследование. Этот профессор Арно Майер, как и Хомский – еврей. В 1988 году, через семь лет после нападок на Хомского, Майер написал труд о судьбе европейских евреев во Второй мировой войне под заглавием "Почему рухнули небеса? Окончательное решение «в истории», который вышел в Нью-Йорке в издательстве «Пэнтеон букс». Приведу из него два отрывка, которые должны заставить задуматься противников ревизионизма:

О газовых камерах (С. 362): «Sources for the study of the gas chambers are at once rare and unreliable» – «Источники изучения газовых камер одновременно и малочисленны и ненадежны». А до сих пор нам всегда твердили, будто имеется огромное количество совершенно надежных источников.

О жертвах в лагерях (С. 365): «Besides, from 1942 to 1945, certainly in Auschwitz, but probably overall, more Jews were killed by so called „natural causes“ than by „unnatural ones“» – «Впрочем, с 1942 по 1945 годы в Освенциме, несомненно, больше евреев погибло от т.н. „естественных“, а не от „неестественных причин“ и, вероятно, так было и в других лагерях». А ведь мы постоянно слышали прямо противоположное!

По задуманному в Швейцарии закону против расизма (*он принят осенью 1994 года – примечание переводчика*) за процитированные высказывания пришлось бы, очевидно, отвечать. В то время как американские ученые типа Майера могут беспрепятственно заниматься исследованиями и публиковать их результаты, швейцарским историкам в будущем не грозит сия многотрудная работа: пусть он заглянут в талмуд Нюрнбергского трибунала. Если они не согласны с его содержанием, за ними сохраняется право держать язык за зубами.

Не было холокоста, была трагедия евреев. Ее нужно рассматривать в связи с Второй мировой войной, когда трагедий было много. В Европе разыгрывались

прежде всего немецкая и русская трагедии, на Дальнем Востоке – японская и сама) пожалуй, страшная – китайская. Все без исключения жертвы этих трагедий заслуживают нашего сочувствия, охватывающего истинные страдания всех жертв Второй мировой войны. По моему мнению, выражение «холокост», означающее буквально «жертва все소жжения», справедливо в отношении немецких и японских крупных городов, где гражданское население систематически гибло в пламени фосфорных и атомных бомб, сбрасываемых на него английскими и американским летчиками.

Возмущаясь ложью в истории, надо быть искренним. В истории полно выдумок, которые наполняют ее так же, как военная пропаганда – войну. Но использование подобной лжи, которое к тому же связано еще с преследованием клеймящих это использование, – несравненно более серьезное явление. Имеются евреи, которые критикуют эксплуатацию холокоста (или «шоа») в целях политической пропаганды) или получения финансовых выгод. Начиная с 1970-х годов, они часто говорят иронией: «There's no business like Shoa business» («Нет бизнеса лучше шоа»). В противоположность этим здравомыслящим евреям многие еврейские группировки занимаются бесстыдной спекуляцией на подлинных и выдуманных страданиях перенесенных евреями Европы полвека назад. Руководителей этих группировок отличает беспредел. Швейцарский ревизионист, известный своими меткими характеристиками, называет подобных евреев, типа Симона Визенталя, «максималистами».

При заклании духов (заметьте, я не говорю о «заговоре») успех таких личностей просто ошеломляет. На одном примере можно убедиться, как они после 1945 года ослепили и обманули миллиарды людей, пользуясь средствами массовой информации. Вернемся к мифическим газовым камерам, противоречащим законам физики и химии. Логично, казалось бы, что в наш век, который считаете, материалистическим и характеризуется как век образов, должен был бы по данному вопросу возникнуть огромный скепсис, поскольку ни один человек не видел газовых камер нацистов и никто не знает, как они были устроены и работали. Однако общее мнение считает иначе: одни воображают, будто знают, как функционировало это страшное смертоносное оружие; другие полагают, что могут его описать; кое-кто считает, что находился у газовой камеры или убежден, что не раз видел газовые камеры в документальных телефильмах.

Дело однако обстоит совсем иначе. Демонстрируемые этим людям в Освенциме или в других местах якобы нацистские газовые камеры (в первоначальном виде, в реконструкции или во фрагментах) – это совершенно безобидные помещения, которые произвольно названы «газовыми камерами». Это – душевые, морги или подвалы для трупов, бомбоубежища, где убийство людей «Циклоном-Б» было невозможно по незыблемым законам физики и химии и вызвало бы в самом лагере катастрофу. Нет также ни одной настоящей фотографии нацистских газовых камер.

Позвольте мне вкратце рассказать, как я, будучи литературоведом, натолкнулся на мысль о несоответствии газовых камер законам физики и химии. Сегодня всем ревизионистам известна аргументация по данному вопросу, однако я помню, что в 1970-е годы над ним никто не задумывался. Прочтя работы Рассинье и других авторов-ревизионистов, таких как Батц, я собрал в 1960-76 гг. множество документальных и исторических доказательств против существования газовых камер. В 1975 и 1976 годах я побывал в Освенциме и там увидел много недостоверного с точки зрения физики и много подлогов. Я первый обратил внимание на планы освенцимских крематориев, где якобы имелись газовые камеры, и опубликовал их. Однако это не решало дела.

Мне присуща своеобразная одержимость при разгадке смысла слов. И однажды я понял, что, уже много лет интересуясь проблемой газовых камер, я никогда не задавался вопросом: «А что, собственно, такое газовая камера?» Тогда я понял, что наряду с большинством людей полагал, будто можно сделать газовой камерой любое помещение, подведя к нему газ. То было заблуждением. Казнь в газовой камере я путал с самоубийством или несчастным случаем, вызванным газом. Убивающий с помощью газа сам не хочет быть убитым или отравленным. Вот где зарыта собака! После этого все предстало в другом свете. Газовое оружие контролировать особенно трудно и это в значительной мере относится к циклону или цианисто-водородному газу.

И я занялся «Циклоном-Б». Я узнал, что это запатентованное в 1922 году вещество использовалось для борьбы с насекомыми-паразитами. Я прочел множество технических трудов и статей по данному вопросу. Чем больше я им занимался, тем труднее себе представлял, как «Циклоном-Б» можно убить одного человека, не говоря уже о множестве людей. Для того чтобы нацистские газовые камеры работали, от них требовались: безупречная изоляция, особая схема подвода и распределения газа, фантастическая система вентиляции камер после каждого сеанса массового уничтожения, устройство по нейтрализации использованного газа и, наконец, невероятно продуманный механизм обеззараживания на трупах остаточного газа, делающего опасным прикосновение к ним и транспортировку. Циклон Б долго не исчезает с зараженной поверхности. Его вентиляция и удаление длительны и трудоемки. Газ держится на теле и проникает в него столь сильно, что к трупу человека, убитого большой дозой цианистого газа, нельзя прикасаться голыми руками. Одного прикосновения достаточно для заражения.

Читая т.н. «Записки» коменданта Освенцима Гёсса (Höss), я обратил внимание, что в них почти нет описания «газовых» камер. Сравнив затем два разных отрывка «Записок», я, к моему изумлению, обнаружил, что зондеркоманды из евреев, выносившие трупы после газовой экзекуции, делали эту страшную работу, по словам Гёсса, голыми руками и без противогазов, после открытия дверей, а они отворялись «сразу» после гибели жертв. Это было совершенно невозможно! Данный отрывок, как и разные

другие, Гёсс, очевидно, вставил в написанные в тюрьме «Записки» по указке своих палачей-коммунистов.

Как случилось, спрашивал я себя в 1977 году, что в таком народе, как немцы, выдвинувшем столько замечательных инженеров и химиков, вроде бы нет ни одного инженера, химика или криминалиста, который бы указал на данную абсолютную техническую нелепость?

Затем я задумался над тем, как казнят газом заключенных американцы, и начал заниматься газовыми камерами в их тюрьмах, где казнь производится при помощи цианистого водорода.

Я посетил газовую камеру балтиморской тюрьмы и получил информацию процессе казни. Перед этим я обратился с запросом во все американские тюрьмы, где применяется данный процесс. Полученные ответы и мои собственные изыскания на месте подтвердили, что казнь посредством цианистого водорода необычайно сложна, и это вызвано самой природой газа. Потом я опубликовал снимки, сопоставив которые, можно было убедиться в несомненном: нас считают идиотами, выдавая за «газовые камеры» в Освенциме и других местах жалкие, совершенно безобидные помещения. И вновь я пришел в полное недоумение: «Как вообще возможно, – спрашивал я себя, – что в Америке, где находятся эти тюрьмы и газовые камеры, никто, в том числе представители ревизионизма, не догадался, что чрезвычайная техническая сложность казни одного единственного человека при помощи циклона Б делает фантастикой газовые камеры нацистов, где этим газом якобы убивали тысячи людей?»

Благодаря моей переписке 70-х годов с тюрьмами в США Эрнст Цюндел разыскал в 1988 году Фреда Лейхтера, специалиста по американским газовым камерам, которого я посетил в Бостоне. Никогда не забуду момента, когда я выяснил, что этот весьма сообразительный человек никогда не задумывался о существовании и работе нацистских газовых камер. Он верил в них, потому что верили все. Как вам известно, под впечатлением представленной мною документации он принял предложение съездить в Освенцим и Майданек и провести исследование на месте.

Ныне всем интересующимся холокостом известна знаменитая экспертиз Лейхтера, полностью подтверждающая тезисы ревизионистов. В дальнейшее достоверность доклада Лейхтера была подкреплена другими экспертизами. На мой взгляд, эти дополнительные экспертизы не принесли ничего существенно нового. Мне, конечно, приятно, что немецкие и австрийские ученые подкрепляют своими экспертизами наши открытия, но, позвольте, где немцы и австрийцы были раньше? Отчего нам, всеми отринутыми, приходилось долгое время в трудиться одиночку области естественных наук, пока на помощь не пришли непосредственно задетые ложью о газовых камерах? И почему немецкие ревизионисты, которые, наподобие Вильгельма Штеглиха, прежде всего сражались посредством исторических и юридических аргументов, раньше не получили поддержки соотечественников, которые могли бы им

оказать неоценимую помощь в области физики и химии?

Парадоксальная особенность трудов, пытавшихся в прошлые годы любой ценой доказать абсурдность тезиса о существовании газовых камер, заключается в том, что ни в одной из них нет конкретного материала относительно этих газовых камерах. Нет ни одной фотографии, ни одного чертежа, ни одного макета, которые демонстрировали бы читателю общий вид хотя бы одной единственной газовой камеры и помогали ему понять, как она функционирует технически. Последняя в этом плане попытка экстерминистров, т.е. сторонников холокоста, относится к 1989 году. Сердж и Беата Кларсфельды поступили тогда неосмотрительно, опубликовав по-английски огромный труд французского фармацевта Жана-Клода Прессака "Техника и функционирование газовых камер в Освенциме".

Название книги не соответствует ее содержанию. В этом монументальном труде нет даже слабого намека на то, как же все-таки выглядит газовая камера и как она работала.

Многие ревизионисты не понимают, что достаточно задать их противникам один простой вопрос: «Покажите или нарисуйте мне газовую камеру нацистов!», равнозначный вопросу: «Покажите или нарисуйте мне платье (на самом деле голого) короля!» или «Покажите или нарисуйте мне физический объект, в наличие которого я должен поверить». И потом, только потом, можно вести спор, существует или нет это поразительное орудие уничтожения.

Имеется куча информации для желающего узнать, что такое, например, дом, мотор, оружие, атомная электростанция, печи крематория, газоокуривающая камера для обучения новобранцев обращению с противогазом, дезинфекционная камера для одежды, газовая камера для фруктов... Интересующийся может воспользоваться обычной или технической литературой, посмотреть специальные или общие справочники и энциклопедии. Он найдет в них снимки, макеты и технические описания. Но если человек, обвиняющий немцев в изобретении и применении орудия массового уничтожения, самого страшного из когда-либо придуманным человеческим разумом, захочет узнать, как все-таки это орудие выглядело, то он ничего... не найдет! Ничего кроме, пожалуй, нескольких снимков или эскизов с простеньким пояснением – «газовая камера». Подобное молчание исторических, научных и технических трудов, справочников и энциклопедий говорит само за себя.

Массы не знают, что их обманывают. Они не знают, что они никогда не видели газовых камер нацистов. Судьи, выносящие ревизионистам приговоры, налагающие на нас штрафы, сроки и другие санкции за то, что мы не верим в существование некоего определенного физического объекта, сами не в состоянии нам показать или описать его.

Описанный феномен всеобщего невежества, ослепления и легковерия выражается также в готовности слишком доверчиво относиться к «бесчисленным свидетельствам выживших». Чтобы у человека открылись

глаза, надо в данном случае заставить его задуматься. «Бесчисленное число выживших» в «лагерю уничтожения» уже ясно противоречит утверждению, будто немцы годами отправляли в лагеря евреев на уничтожение. Поскольку каждый из «выживших» считает, что он спасся чудом, а многие из них побывали в нескольких «лагерях уничтожения», то чудо делается на удивление обыденным. Если из месяца в месяц мы узнали бы из книг, газет и телевидения о все новых и новых чудесах в Лурде, то читатели и телезрители явно стали бы скептиками. Обыкновенное чудо – уже не чудо, а лишь одно из проявлений нормального закона природы.

Спасшиеся удивительным образом евреи-заключенные ведут себя так, что чем больше становится чудес по спасению, тем безогляднее верят они в собственное чудо. Поскольку лагеря, как известно, делились на концентрационные, трудовые и транзитные, то вполне естественно, что спустя полвека после своего интернирования живы и здоровы бывшие ээки концлагерей: Симон Визенталь, Симона Вейль, Сэмюэль Писар, Эли Визель, Анри Красуцкий и многие другие, награждающие себя титулом «выживший». Они – не главные очевидцы холокоста, а живое доказательство того, что его не было. Выражение «выживший» тут вообще непричем. Разве русские и немецкие фронтовики, побывавшие в Сталинграде, не являются «выжившими»? И разве не «выжили» все мы, гражданские лица и солдаты перенесшие бойню 1939-45 годов? Почему, повинувшись некоему приобретенному} рефлексу, мы, едва речь заходит о «выживших», всегда вспоминаем одних евреев и всегда немцев (и их союзников в последней войне) – при разговорах о «военных преступниках»?

Нет просто-напросто ни одного свидетеля, который может доказать существование и действие газовых камер нацистов. После войны отдельные авантюристы пытались разыгрывать из себя очевидцев и были даже выпущены книги, написанные якобы «свидетелями газовых камер». Обманщикам было нетрудно до бесконечности повторять свои показания перед судами, ибо ни один судья, прокурор и защитник не решались подвергнуть их перекрестному допросу, как это принято на процессах, дабы они описали место, объект и конкретный процесс в самой предполагаемой газовой камере и вне ее. Впервые свидетель был подвергнут такому допросу лишь в 1985 году. Это случилось в Торонто, в Канаде, во время первого процесса над Цюндедем. Свидетель был первоклассный, обвинение не могло пожелать лучшего, – д-р Рудольф Врба, который стоял у колыбели «Освенцимских протоколов» и «War Refugee Board Report», опубликованного в 1944 году в Вашингтоне. Адвокатом Цюндедея был Дуглас Кристи.

Я был консультантом и во время долгого перекрестного допроса передавал Кристи вопросы на маленьких желтых кусочках бумаги. Для афериста Врбы все закончилось полным фиаско. Загнанный в угол, он в конце концов сознался, что в своей т.н. «записке о пережитом» под названием «Не могу простить», везде восхваляемой за стопроцентную достоверность и

необычайную точность, он использовал прием, стыдливо названный им «поэтической вольностью». На том же процессе обнаружилась также несостоятельность проф. Рауля Гильберга, лучшего представителя теории холокоста, автора классического труда «Уничтожение евреев Европы». Я и в этом случае был консультантом адвоката Кристи, который за свое невероятно активное поведение получил почетное прозвище «the battling barrister».

Во время процессов над собой я порой встречаюсь в зале суда с евреями, которые выдают себя за «очевидцев газовых камер». К сожалению, они не решаются давать показания суду. Иногда я поступаю следующим образом: смотрю «свидетелям» в глаза и обращаюсь к ним с нарочно простым вопросом: «Опишите мне виденную Вами газовую камеру и процесс уничтожения». Они сразу дают задний ход и отвечают, что если бы они видели, то не стояли бы сейчас передо мною. Из этого я делаю вывод, что имею дело чаще всего со свидетелями-аферистами. Другой вывод: из слов названных личностей вытекает, что очевидцев газовых камер вообще нет, и посему Мартин Грей и Филип Мюллер тоже обманщики. В 1983 Симона Вейль признала поражение, заявив: «Всем известно, что нацисты разрушили газовые камеры и систематически уничтожали всех свидетелей» («Франс-суар магазин» 7.5.83. С. 47). Не буду здесь обсуждать эту отговорку, но желал бы закрепить признание Вейль: свидетелей т.н. «массовых убийств газом» в Освенциме и других лагерях НЕТ.

Одна неслыханная в истории ложь потянула за собой великое множество мелкой лжи, клеветы и нелепых обвинений, которые повлияли на общественное сознание из-за своего многообразия и неустанного повторения. Сколь долго будет дальше жить эта ложь и отвратительная манипуляция людьми? Опасаюсь, что долго. Но это уже другой вопрос, который я не хочу затрагивать. Во всяком случае я считаю, что холокост принимает все более религиозный характер, поскольку ревизионисты окончательно решили в свою пользу исторический спор с экстерминистами. Ревизионистам следуют поэтому приготовиться ко все более жестким репрессиям, но в долгосрочной перспективе ревизионизм будет неизбежно распространяться.

Ибо он, как однажды сказал один французский адвокат, – «великое интеллектуальное дерзание конца нашего столетия». Ревизионизм опасно притягателен и потому влечет к себе все больше молодых энтузиастов, бескорыстных душой, таких, как Вы".

Homo fidens

2 августа 1990 года иракские войска вошли в Кувейт. В попытке обеспечить поддержку своей военной акции по освобождению эмирата, США вскоре после вторжения встретились с сопротивлением, ибо поначалу большинство стран настаивало на применении против Ирака долгосрочных санкций. Эта позиция

однако резко изменилась после того, как молодая беженка и хирург из Кувейта со слезами на глазах поведали американской комиссии, что натворили иракские варвары в больнице занятой ими столицы: они разбили инкубаторы для новорожденных, выбросили их на пол и оставили там умирать. Это сообщение, возмущив мировое общественное мнение, привело к тому, что верх в конце концов взяли сторонники силового варианта.

Описанный трюк был разоблачен в марте 1992 года. Историю с инкубаторами выдумало одно нью-йоркское рекламное агентство и бежавший из Кувейта эмир заплатил за нее 10 млн. долларов. «Хирурга» вообще не было, а молодую беженку сыграла дочь кувейтского дипломата в США. Оба они целыми днями тренировались, давая «показания очевидцев» и обучаясь для этой цели английскому языку. Не часто 10 млн. долларов приносят такую, как в данном случае, прибыль. [4]

Можно легко предположить, что лишь небольшая часть из миллионов телезрителей и читателей газет, узнавших в свое время об уничтоженных инкубаторах, подвергла сомнению достоверность данной истории. Абсурдной кажется и сама мысль, что ее мог кто-то выдумать. Еще убедительнее выглядит следующее рассуждение.

Мы доверяем тем, от кого зависим, – таковы, по крайней мере принципы человеческой жизни. Каждый из нас полагает, что лечащий врач знает свое дело; что новое жилье, в которое мы въезжаем, архитектором построено прочно и не рухнет при первом порыве ветра; что летчик самолета, в котором мы летим, – не наркоман. Учителя знают, что школьники чаще всего задают один вопрос: «Откуда Вы это знаете?» Разве наши дети могли бы учиться, если бы им пришлось проверять достоверность получаемых от учителя знаний?

Школьник думает, что учитель говорит ему правду, и мы тоже верим, что сообщения в средствах массовой информации – хотя бы в общих чертах – соответствуют истине. Разумеется, интеллектуалы, поклонники «Шпигеля», «Нью-Йорк таймса» или «Монда» могут презрительно морщиться, видя легкое верие, с каким простолюдины, читающие бульварную прессу, постоянно проглатывают поставляемые им благоглупости, хотя нередко они и сами склоняются перед авторитетами. Авторитеты – это прежде всего уважаемые люди, независимо от того, на чем зиждется их репутация: на подлинных заслугах или чисто внешних атрибутах, таких, как, например, титул. Лебон в своей все еще актуальной книге «Психология толпы» пишет [5]:

«Принц или маркиз производит впечатление даже на самого закоренелого социалиста и при помощи титула можно одурачить продавца, что, как правило, и делается».

На место принца или маркиза можно поставить врача, профессора, судью священника или – для левых кругов – теоретика социализма или партизанской вожака. Зачастую все исходящее от подобных авторитетов воспринимается некритически.

Почтение к авторитетам распространяется не только на высокопоставленных

особ, но в еще большей степени – на принципы и условности. Человек – необычайно сложное существо: он расщепляет атом, посылает к Сатурну ракеты, и одновременно готов, как и его далекие предки, жертвовать своим острым разумом ради какой-нибудь бессмысленной догмы, религиозной или политической. На характерное для человека раздвоение духа на рациональную и иррациональную сферы постоянно указывал Артур Кестлер, особенно выразительно в своем последнем произведении само название которого – «Янус», говорит об этом свойстве.

Ацтеки – этот высококультурный народ – ежегодно веками приносили в жертву богу Солнца тысячи человек. Эти гекатомбы свершались во благо людей, ибо иначе солнце перестало бы светить. И разве ацтеки не соглашались с этой мыслью жрецов? Разве хоть один свободомыслящий ацтек предложил – хотя бы на время – остановить массовые жертвоприношения? Нам об этом ничего неизвестно, однако можно предположить, что, если бы такой человек нашелся, то ему быстро бы заткнули рот.

Пятнадцать веков вся Европа верила, будто мир создан милостивым и всеблагим Отцом Небесным, Который после Страшного суда пошлет большинство людей на вечную муку и будет с удовольствием взирать со Своего небесного престола, как мучаются в аду Его творения. В это верила не только тупая чернь, но также Данте. Ньютон, Лейбниц. Перед нами – наиболее страшный пример готовности человека принимать как неопровержимую истину даже самую чудовищную нелепость, если она упорно в него вдалбливается. Верующий во всеблагое Бога-Отца, сотворившего вечный адский огонь, способен поверить и в любую иную, еще более жестокую бессмыслицу – манипулировать человеком можно беспредельно.

Представьте себе, что в средневековой Европе, в аудитории какого-нибудь университета, вдруг встал бы студент и заявил, что ведьм нет. Профессор и сотоварищи уставились бы на нахала, и не поверили бы своим ушам, только что услышавшим невероятную дерзость! Пусть, возможно, не все присутствующие когда-либо сами видели ведьму, однако каждый знал кого-то, кто однажды ее лицезрел, или по крайней мере знал того, кто был знаком с видевшим ведьму. Разве ученые не написали толстые труды, где заклеямили гнусные проделки ведьм; разве все не читали «Молот ведьм», замечательную книгу, сочиненную инквизиторами-доминиканцами Инститорисом и Шпренгером, которую благословил сам папа Иннокентий VIII и в которой подробно описано, как узнать ведьму: по горбу или носу крючком (иногда покрытому бородавками)?

Мало того, разве сами ведьмы не сознавались во время бесчисленных процессов в своих подлых делах? Не рассказывали ли они, что летали в Вальпургиеву ночь на метле, встречались на Брокене с рогатым и совокуплялись с ним? Разве они не утверждали, будто член дьявола покрыт, как у рыбы, чешуей и его семя холодно как лед? Разве разумный человек после таких неопровержимых доказательств мог сомневаться в том, что

ведьмы существуют? Отрицать существование ведьм было действительно долгое время опасно и, если вера в ведьм в конце концов исчезла, то не потому, что ее сторонники стали вдруг рационалистами, а потому что они постепенно вымерли, а последующие поколения уже не верили прежним страшным историям.

Наряду с верой в авторитеты другой особенностью человеческой природы является легкость, с какой мы поддаемся массовым галлюцинациям. Лебон описывает такой случай:

В Париже нашли труп мальчика, в котором другой мальчик узнал Филибера Шавандре, своего приятеля по играм. Труп показали матери и та залилась горькими слезами. Затем пришел ее шурин и принялся неустанно причитать: «Ах, бедный Филибер!» Филибера опознало множество соседей, а учитель погибшего мальчика был страшно расстроен, увидев труп своего ученика. Однако через некоторое время выяснилось, что мертвый мальчик был родом из Бордо и никто из семьи Шавандре с ним не был знаком [6].

Подобные казусы показывают, сколь легко мы поддаемся внушениям и слухам. И можно представить, сколь велика сила подобных внушений и слухов в экстремальной ситуации: на войне, в тюрьме и концлагере.

Об этом написано в книгах

Спросите у европейского или американского школьника, кто были Сталин, Пол Пот или Иди Амин? Не имея четкого понятия, все, вероятно, слышали о Стадии зато о Пол Поте и Иди Амине расскажут мало. Спросите тех же школьников, кем был Гитлер, и в ответ услышите: Гитлер убивал в газовых камерах евреев. В истории нет другого факта, который с такой силой закрепился бы в сознании западного человека, как убийство национал-социалистами шести миллионов евреев.

Цифра в 6 миллионов обсуждению не подлежит. Рауль Гильберг в своем классическом труде «Уничтожение евреев в Европе» называет 5,1 млн.; Леон Поляке в «Краткой энциклопедии ненависти» определяет их количество в 5-7 млн Джеральд Рейтлинджер, более сдержанный в своих оценках, дабы даже заинтересованные круги не обвинили его в преувеличении, говорит «Окончательном решении» как о минимуме о 4,2 млн. жертв. Однако цифра в млн. настолько прочно засела в массовом сознании, что впредь мы будем исходить из нее, не упоминая всякий раз, что она, возможно, чрезмерно завышена. Мы будем постоянно называть цифру в 6 млн. «убитых» евреев, не касаясь и спорной проблеме, что какая-то их часть погибла не от газа или пули, а скончалась в гетто и концлагеря от эпидемий, голода и истощения.

Ни один серьезный историк больше уже не спорит, что жестокий большевистский режим привел к гораздо большим жертвам, чем режим национал-социалистов. Хот цифра в 60 млн., называемая некоторыми

авторами, скорее всего преувеличен; все говорят не меньше, чем о 18 млн., а большинство современных русских историков утверждает, что политика коммунистов стоила советскому народу 25-35 млн погибших (жертвы в Восточной Европе, Китае и Камбодже в эту цифру, разумеется, не включены). Миллионы советских граждан были казнены, миллионы умерли от искусственно вызванного голода в лагерях ГУЛАГа или при депортации, многие не вынесли бесчеловечных допросов. Хотя красный террор свирепствовал и при Ленине, больше всего из названных 25-35 млн. погибло при его приемнике Сталине.

Несмотря на все преступления, у Сталина, по сравнению с Гитлером, репутация не столь мрачная. Причины этого таковы:

В отличие от немецкого советский диктатор никогда не приказывал истреблять целый народ, включая стариков, женщин и детей безотносительно к каждому отдельному случаю. Например, крымские татары, руководители которых сотрудничали с немцами, не были все расстреляны или умерщвлены в газовых камерах, а сосланы в Сибирь. Кремлевского деспота едва ли волновало то, что половина татар быстро погибла, в лагерях умирали от голода, холода или истощения, а при длительной транспортировке в товарных вагонах – от жажды и скученности. Как бы то ни было, к массовой гибели вели неблагоприятные условия и она была запланирована. Понятно, что это вряд ли было большим утешением для задохнувшихся, погибших от жажды, голода и холода крымских татар и для их близких.

Гитлер сделался объектом презрения в гораздо большей степени, чем Сталин или Пол Пот, страшный властелин Камбоджи, не потому, что он развязал Вторую мировую войну. Даже если согласиться с расхожим утверждением, будто за войну несет главную ответственность одна Германия, то ведь наступательные войны всегда существовали! Как, если не при помощи ряда наступательных войн, англичане и французы создали огромные колониальные империи, а русские покорили Сибирь? Не связана кровавая слава Гитлера и с тем, что немцы совершили множество военных преступлений, в качестве примера которых можно назвать Лидице и Орадур. Страшное случается на любой войне и на совести союзников тоже немало военных преступлений, вспомним Катынь, Дрезден, Хиросиму и Нагасаки.

И причина тут не в концлагерях, которые покрыли несмываемым позором нацистский режим, а вместе с ним и немецкий народ, который – по крайней мере какое-то время – несомненно, целиком и полностью поддерживал своих вождей. И дело, конечно, не в «обычных» лагерях типа Дахау и Бухенвальда. Если даже в Бухенвальде от сыпняка умерло бы еще столько же заключенных и казнили бы еще около 1100 человек, то и тогда не было бы ничего исторически небывалого. В советских лагерях, или во французской штрафной колонии на Чертовом острове обращение вряд ли было гуманнее, чем в Бухенвальде. Нет, особое преступление Гитлера и нацистов – это не развязывание войны и не устройство «обычных» концлагерей, а холокост, планомерное физическое уничтожение европейских евреев.

Слово «холокост» означает по-древнегречески «жертва всежжения». До 1979 года оно не было известно в немецком языке и быстро проникло в него после демонстрации одноименного американского художественного фильма. Многие евреи вместо «холокоста» предпочитают употреблять еврейское слово «шоа», т.е. катастрофа. С холокостом связаны названия шести лагерей смерти, где нашли свой страшный конец большинство евреев Германии и оккупированных стран, которые вовремя не сумели спастись. Евреев умерщвляли газом на фабриках смерти: в Освенциме, Майданеке, Белзеце, Собиборе, Трешлинке и Хелмно, которые все ныне находятся на территории Польши. В Хелмно для уничтожения применялись душегубки, в других пяти центрах смерти – стационарные газовые камеры.

В книге «Мастер из Германии – смерть» Эберхард Иекель и Леа Рош описывают Освенцим и Майданек как «смешанные лагеря», где прибывавших евреев сразу сортировали. Трудоспособных временно оставляли в живых, чтобы они вкалывали на нацистов, а больных и нетрудоспособных тотчас отправляли в газовые камеры. В отличие от них, Белзец, Собибор, Трешлинка и Хелмно были лагерями уничтожения. Названные авторы пишут о Собиборе [7]:

«Лагерь уничтожения означал: в восемь – прибытие, в десять – газовая камера, в одиннадцать – кремация. Жить в лагере не предусматривалось.»

Жить, но не более нескольких недель, в этих четырех лагерях могли только т.н. «евреи-рабочие», занятые на подсобных работах. По соображениям безопасности и этих евреев через какое-то время отправляли в газовые камеры, заменяя их новыми. Как пишет в «Шоа» Клод Ланцман, по этой причине из 400 000 привезенных в Хелмно евреев уцелели на Голгофе лишь двое [8], а в Белзеце и 600 000 – один-единственный [9].

Символом ужаса стали, однако, не названные лагеря, а лагерь, где у узника бы хоть какой-то шанс выжить. Собибор, Хелмно, Белзец неизвестны даже тем и наших современников, кто интересуется историей. И тем более зловеще в истории нашего кровавого века пылает имя Освенцим.

Освенцим – самое ужасное слово, известное в языке! Освенцим – это символ всеобщего варварства, возведенного в принцип! Освенцим означает беспредельную гнусность, на которую было способно человечество! Как сказал Адорно, после Освенцима нельзя больше писать стихи. По словам Гюнтера Грасса [10]:

«Хотя некоторые историки пытаются привести похожие примеры, дабы исторически оценить несчастный, как утверждается, период немецкой истории чудовищность того, что связано с названием Освенцима всегда признавалась и осуждалась, однако из-за чувства вины именовалась – и в моей речи тоже непостижимой, но поскольку аналогий этому нет в истории и все это не покрываете никаким признанием вины, и потому стало умолчанием, то напрашивается смысл – саму историю человечества и наше понимание человеческой жизни датировать событиями, случившимися до и после

Освенцима».

Слон-невидимка

"Я не вижу слона в своем погребке. Если бы он там был, я бы его наверняка увидел. Следовательно, слона в погребке нет".
Артур Ватц [11]

Обращаясь к доказательствам истребления немцами шести миллионов евреев, мы сразу сталкиваемся с совершенно необъяснимым фактом.

От Третьего рейха сохранились тысячи тонн документации. Нацисты довели до крайности пресловутую немецкую основательность – они фиксировали всё и вся. Потому неудивительно, что в документах полно отражены многочисленные акции по уничтожению, проводившиеся по приказу Гитлера.

Приказ Гитлера о умерщвлении неизлечимо больных? Пожалуйста, документ имеется – распоряжение отдано 1 сентября 1939 года, в первый день войны с Польшей: если с фронта поступят раненые, то для них в больницах уже есть свободные койки. Приказ Гитлера об уничтожении после взятия Сталинграда части мужского населения? Документы тоже налицо! Приказ о казни сбитых американских летчиков? Пожалуйста, вот документы! Приказ Гитлера о физическом истреблении евреев и создании газовых камер? Ничего. Ни строчки!

Англичанин Дэвид Ирвинг занимался, как мало кто из ученых, личностью немецкого диктатора. Он перерыл горы документов, недоступных исследователям, зафиксировав результаты поисков на 13 000 карточках. И через десять лет Ирвинг пришел к такому поразительному выводу относительно геноцида евреев [12]:

«Закончив черновик биографии Гитлера, я понял, что ничего не выяснил по поводу геноцида евреев, опираясь исключительно на подлинные документы. Так как я не обнаружил ни одного документа, который бы подтверждал причастность к геноциду Гитлера, то это меня сильно заинтересовало. Я снова взялся за поиски. Я просто не мог поверить очевидному факту, что документа, доказывающего холокост, нет».

Впав в отчаяние, Ирвинг даже определил неплохое вознаграждение тому, кто при помощи письменного документа докажет ему, что Гитлер хотя бы знал об убийстве евреев. Пока никто не получил это вознаграждение. Наконец, Ирвинг выдвинул смелую гипотезу, что «окончательное решение» было разработано и проведено за спиной диктатора группой эсэсовцев-экстремистов и рейхсфюрером Гиммлером. Эта гипотеза была однако отвергнута международным сообществом историков. По мнению Себастьяна

Гафнера, Третий рейх был настолько строго иерархически организован, что подобное, чреватое последствиями, решение было немыслимо без ведома высшего руководителя [13]. Однако в книге "Война Гитлера" Ирвинг рьяно защищал свою концепцию [14]:

«Моя гипотеза, изложенная в нескольких главах, где я хронологически описываю все усиливающееся преследование и уничтожение евреев Европы, состоит в следующем: уничтожение вызвано было спешкой и было, как говорят немцы, „вынужденным решением“ – выходом из неприятной альтернативы, с которой подчиненные инстанции столкнулись на оккупированных нацистами восточных территориях. Отчасти оно базировалось на безжалостном искажении эсэсовским руководством антисемитских указаний Гитлера Факт, что Гитлер приказал выселить европейских евреев на Восток. На основе этого приказа были разработаны этапы его выполнения. Однако эсэсовские инстанции, гауляйтеры, местные руководители, генерал-губернаторы на Востоке не сумели во время войны справиться с проблемами, вызванными массовой эвакуацией. Составы доставляли евреев в гетто, которые были уже переполнены и плохо снабжены всем необходимым. Местные нацистские власти – частично по взаимному согласию, частично независимо друг от друга – ликвидировали прибывших, едва приходил новый транспорт, и это со временем стало системой и организационно более совершенным».

Английский историк и позже главным ответственным за массовые убийства называл Гимmlера [15]. В апреле 1988 года Ирвинг при драматических обстоятельствах отрекся от всего прежде сказанного по данному вопросу. Действительно, гипотеза, будто геноцид проводился Гимmlером и кровопийцами-эсэсовцами за спиной Гитлера, несостоятельна потому, что и в бумагах Гимmlера нет ни одного соответствующего документа, нет ничего! Нет ни одного приказа Гимmlера комендантам концлагерей, ни одного, абсолютно ни одного! Миллионы и миллионы нацистских документов молчат о величайшем преступлении в истории человечества. Еврей Леон Поляков, специалист по холокосту, пишет об этом так [16]:

«Благодаря архивам Третьего рейха, заявлениям и отчетам нацистских вождей можно детально восстановить возникновение и развитие планов завоевания, вторжений и весь спектр мероприятий, с помощью которых нацисты думали переделать мир на свой лад. Лишь истребление евреев остается во мраке, в том, что касается плана в целом, так и многих его деталей. Посредством умозаключений, психологических выкладок, информации из третьих и четвертых рук мы, конечно, можем реконструировать приблизительно развитие этого плана. Многие подробности однако навсегда останутся для нас неизвестными. В живых уже нет трех-четырёх главных исполнителей плана полного истребления. Не осталось ни одного документа, и, возможно, их вообще не было».

Как можно истребить миллионы евреев, не планируя столь масштабную

операцию и не зафиксировав план в письменном виде? Для чего вообще все это нужно было прятать?

Лишь один ответ выглядит правдоподобным: нацисты хотели скрыть геноцид от мировой общественности и приказы об уничтожении отдавали только устно и по телефону или «кивком», как считает Кристофер Браунинг, американский исследователь холокоста [17]. Письменные же документы, если они имелись, вовремя ликвидировались. Стремлением скрыть геноцид – говорят историки, объясняется и тот факт, что нет массовых захоронений жертв холокоста. Трупы сжигали, а пепел рассеивали.

В этом случае напрашивается один мысленный эксперимент. Предположим, правительство Швейцарии по каким-то соображениям решило уничтожить проживающие в стране 1,4 миллиона иностранцев. Для выполнения плана оно отдает приказы только устно, по телефону или кивком и трупы требует немедленно сжигать. Разве подобное убийство не открылось бы? Разве никто бы не заметил, что в Швейцарии больше нет ни одного иностранца?

Не достаточно ли этого примера? Проиграй или победи Германия в войне, уничтожение евреев все равно обнаружилось бы. Так зачем было вообще заниматься этой смешной возней по сокрытию?

Невероятно, но факт; целый ряд нацистских бонз, оказавшихся после окончания войны в плену у союзников, всячески клялись, будто ничего не знали о планомерном истреблении евреев. Если Шпеер, когда ему представили показания Рудольфа Гёсса, коменданта Освенцима, и другие доказательства, проявил благоразумие и признал соучастие в геноциде, поскольку он не знал о судьбе этапированных евреев, то Геринг до самого своего самоубийства в нюрнбергской тюрьме продолжал утверждать, что весь этот ужас выдуман или невероятно преувеличен. В связи с этим нельзя исключить, что и Гиммлер, организация которого несла ответственность за выполнение «окончательного решения», отрицал бы, что знал о геноциде, если бы его допросили (он умер при невыясненных обстоятельствах сразу после окончания войны). Не так ли бы поступил бы и фюрер?

Ситуация выглядит абсурдной: ужасная правда открылась, а немцы клянутся – то ли по упрямству, то ли от отчаяния, – будто ничего не знали, а поэтому можно ли им вообще верить? Тогда, возможно, ничего не знал и главный нацист, единственный, не могущий отговориться, будто во всем виновны его подчиненные? Ну уж это сюжет для сюрреалистической комедии, причем не одной!

Однако пока нет ответа на вопрос: как можно было истребить столько миллионов без письменных инструкций по масштабному убийству? Можно только в недоумении пожать плечами и сказать: раз холокост имел место, то, вероятно, не нужны были ни планы, ни приказы на бумаге и всю документацию можно было полностью уничтожить. Но сомнения тем не менее остаются.

Они усилятся, если вспомнить, что относительно геноцида нет ни только ни

одного официального, но даже неофициального документа. И хотя в письмах, как жертв, так и исполнителей, сообщается об убийствах евреев и других людей, не найдено ни одного письма или дневниковой записи, где была бы описана газовая камера, во всяком случае, газовая камера по уничтожению людей. Когда врач-эсэсовец проф. д-р Иоганн Пауль Кремер, служивший в Освенциме в августе-ноябре 1942 года, записывал в дневнике: «Днем был при обработке блока циклоном Б», то за этой фразой следуют слова «от вшей». Профессор имел в виду уничтожение вшей в дезинфекционной камере [19].

Мало того: евреи, которым грозило истребление, не упоминают о нем в своих письмах и дневниках. Еврейка Люси Давидович, специалист по холокосту, так объясняет сей факт: в гетто царил такой террор, что евреи просто не решались – даже на иврите – поверять бумаге свои мысли и опасения [20].

Все это превращается в какую-то жуть, если учесть следующие обстоятельства: Уже с 1942 года британской спецслужбе удалось подслушивать радиопереговоры между лагерями и штаб-квартирой СС в Берлине и разгадать шифр. В ежедневных сводках сообщалось о смертных случаях в лагерях. Большинство из них было вызвано болезнями, но имелись и смертные приговоры через повешение и расстрел. И нет ни слова об уничтожении в газовых камерах! Даже в Освенциме!

Проф. Хинсли, ныне доцент кафедры истории в Кембридже, работал во время войны в «Правительственной штаб-квартире связи», занимавшейся расшифровкой вражеских кодов. В своей книге «Интеллидженс Сервис во время Второй мировой войны» он четко констатирует, что в немецких радиопереговорах не было «никаких сведений о уничтожении в газовых камерах» [21]. Чем это объясняется? Остается дать тот же ответ, как и в случае с недостающими документами: нацисты-де понимали, что враг может расшифровать их коды и потому в своих радиопереговорах избегали упоминать газовые камеры. Ну, а о расстрелах и повешениях можно было информировать врага?

Теперь займемся вопросом, что знало перед концом войны население Германии, нейтральных и союзных стран об убийстве евреев. В отношении Германии все ясно Джеральду Рейтлинджеру, историку-еврею из Англии, который наряду с Раулем Гильбертом является главным исследователем холокоста. Вот что он пишет в своем монументальном труде «Окончательное решение» [22]:

'Трудно поверить, будто в Германии или оккупированной немцами части Европы имелся человек, который, находясь в духовном здравии, не знал бы в последние два года войны об исчезновении большинства евреев или не слышал бы об их расстрелах или уничтожении в газовых камерах. Еще менее для меня вероятно, что имелись люди, у которых не было бы приятеля, знавшего кого-либо из видевших убийства".

Что же знали жители такой нейтральной страны как Швейцария? Автор

обладает копией письма, написанного старейшиной швейцарской историографии Эдгаром Бонжуром одному пенсионеру, который интересовался современной историей. На вопрос пенсионера, когда Бонжур услышал впервые о геноциде евреев, тот 20 сентября 1988 года ответил так:

«Еще до конца войны, где-то в феврале 1945 года, я обнаружил в своем почтовом ящике машинописную копию с трудом читаемого письма, без марки и даты, с сообщением о существовании в Германии газовых камер для уничтожения нежелательных личностей. Я поговорил об этом с моими коллегами. Они были единодушны, что это сообщение выдумал какой-то безумный фанатик. Лишь после окончания войны я узнал страшную правду».

Сходным образом ответил указанному пенсионеру Рудольф фон Салис, другой старейший швейцарский историк:

«Лишь в апреле 1945 года, после занятия концлагерей наступающей армией союзников, общественность узнала об ужасных преступлениях... Прошло еще много месяцев, прежде чем выяснилась вся правда... Благодаря разведке руководство союзников знало, очевидно, уже в 1944 году о преступлениях. Но, по неведомым пока причинам, оно держало это в секрете и скрывало от общественности. Мы имеем дело с необычным фактом, до конца войны мир, а также и большая часть немецкого народа, ничего не знали о названных преступлениях».

А союзники? Что знали в Москве, Лондоне и Вашингтоне об «окончательном решении»? Разве не было у них агентурной сети в оккупированных странах и в самой Германии и разве глава абвера адмирал Канарис не состоял у англичан на содержании? Что же предприняли для спасения евреев англичане, американцы и русские?

Уолтер Лакер, историк-еврей из Англии, в своей книге «Чего никто не хотел знать» занялся выяснением вопроса, что знали и предпринимали союзники, а также такие наднациональные структуры как Международный Красный Крест и Ватикан. Он пришел к удивительным выводам, которые излагаем вкратце:

Сразу после нападения на Советский Союз айнзатц-команды подряд провели целую серию страшных убийств евреев. Конечно, Кремль был досконально осведомлен о положении на оккупированных территориях, однако эти оргии смерти похоже не особенно его взволновали, в ноте от 6 января 1942 года, врученной послам зарубежных стран, говорилось о страданиях «русских, украинцев, латышей, армян, узбеков и евреев», а о том, что среди перечисленных народов только евреям грозит физическое уничтожение, министр иностранных дел Молотов не считает нужным даже упомянуть. Правда, в другом месте Молотов клеймит репрессии айнзатц-команд, но называет Цифру в 90 000 жертв, тогда как она было в пять раз больше. 27 апреля и 14 октября 1942 года Молотов распространил другие ноты о зверствах нацистов. Лишь в первой ноте – и то в одном ряду с русскими, украинцами и молдаванами – были названы и евреи, а во второй о них нет ни слова! Вначале ни английское, ни американское правительства не

верили постоянным тревожным сообщениям еврейских групп о геноциде, а когда горькую правду уже нельзя было скрывать, то еврейский вопрос рассматривали в Лондоне и Вашингтоне как второстепенный, ради алиби удовлетворившись несколькими слабыми протестами. Красный Крест с самого начала прикрылся своим мнимым бессилием и для спасения евреев ничего серьезного не делал. Ватикан также проявил неприглядное равнодушие, потому что жертвы не были католиками.

В книге Лакера выдвинуто пламенное обвинение не только против нацистов, но и против СССР, западных держав, Красного Креста и Ватикана – виновными оказываются не одни убийцы, но и те, кто ничего не сделал для предотвращения убийств. Почему же ничего не делалось? По мнению Лакера, при помощи решительных действий можно было бы спасти, если не большинство, то наверняка несколько сотен тысяч евреев. Однако все сидели, сложа руки, и потому сотни тысяч, отчаянно, до последнего надеявшихся на спасение, должны были пойти страшным путем в газовые камеры Треблинки, Собибора и Освенцима.

Разберем поведение Советского Союза. Можно только гадать, отчего режим Сталина стремился долгое время не драматизировать зверства немцев. Лакер считает, что Москва, мол, прекрасно зная об антисемитских настроениях в оккупированных областях (Латвии, Литве, Белоруссии и Украине), не хотела подливать масла в огонь. Данный аргумент явно притянут за уши, но лучше такой шаткий аргумент, чем никакой. Но и это слабое объяснение недостаточно раскрывает советскую позицию, которая описана ниже, – тут можно лишь хранить молчание, оставаясь при своем мнении.

Летом 1944 Красная армия вступила в «генерал-губернаторство», т.е. в оккупированную Польшу, и 24 июля освободила лагерь уничтожения Майданек. Этот лагерь – в отличие от Белзеца, Собибора и Треблинки – не был разрушен, ибо немцы не успели взорвать газовые камеры, которые можно увидеть и сегодня.

Вблизи лагеря, в огромных могильниках, русские быстро нашли полтора миллиона трупов. Они схватили также нескольких лагерных палачей, которые не сумели вовремя смыться. Их судили несколько месяцев спустя и после краткого судебного разбирательства приговорили к смерти. 1 и 4 декабря 1944 года базельская газета «Националь-цайтунг», сообщая о процессе, привела в первой корреспонденции слова одного из обвиняемых – обершарфюрера СС Тернеса:

«Это правда, что только 3 ноября 1943 года в газовых камерах было уничтожено 18 000 евреев, под звуки вальсов Штрауса, транслируемых через громкоговорители, чтобы заглушить крики обреченных на смерть...»

4 декабря та же газета писала:

«Генеральный секретарь советско-польской комиссии (по расследованию военных преступлений) Соболевский, руководивший расследованием зверств в Майданеке, заявил, что из массовых захоронений вблизи лагеря извлечено

1,5 млн. трупов».

В массовом захоронении в Катыни под Смоленском немецкие солдаты обнаружили 4255 трупов. Вскоре выяснилось, что это были польские офицеры и солдаты, взятые в плен Красной армией при оккупации части Польши в 1939 году. На место срочно вылетела международная комиссия экспертов, которая подтвердила данный факт. Эту удачную для себя находку нацисты использовали для развертывания мощной пропаганды против «унтерменшей-большевиков». Москва отчаянно пыталась свалить вину на немцев, но этой лжи не поверил никто ни в Польше, ни на Западе. Кровавая катынская драма нанесла репутации СССР огромный урон и на десятилетия отравила польско-советские отношения. Только в 1990 году Горбачев признал, что поляки были уничтожены по приказу Сталина в числе приблизительно 10000 польских офицеров и солдат, расстрелянных и погребенных в разных местах.

Итак, под Майданеком русские нашли не 4255, а полтора миллиона трупов. Что же они сделали? Как и немцы полтора года назад, создали комиссию международных экспертов, засняли массовые захоронения, дабы мир мог увидеть весь этот ужас? Нет, так они не поступили. У нас нет фотографий ни одного из полутора миллионов убитых, нет фильма об эксгумации. Выходит, трупы были сразу сожжены. Почему же советская пресса, которая в то время ежедневно клеймила преступления фашистов, не воспользовалась столь уникальным шансом и не продемонстрировала неопровержимо зверский характер нацистского режима?

Поскольку вермахт оказывал ожесточенное сопротивление Советской армии, ее наступление захлебнулось и советские войска лишь 27 января 1945 года освободили Освенцим, величайшую за все времена человеческую бойню. Нарисуем вкратце историю лагеря, опираясь на книгу «Война как крестовый поход» историка-еврея Арно Майера, вышедшую в 1988 году.

Освенцим находится в восточной части Верхней Силезии, которая вошла в состав рейха после захвата Польши в 1939 году. Вначале возникла идея устроить здесь концлагерь для поляков: военнопленных и политзеков. В мае 1940 года инспектор лагерей Рихард Глюке поручил Рудольфу Гёссу, заместителю начальника лагеря в Заксенхаузене, создать проект лагеря в Освенциме. Его постройка велась руками местных евреев и «зеленых» немцев, т.е. уголовников, из Заксенхаузена.

Однако вскоре лагерь получил иное назначение. Во второй половине 1940 года мощный химконцерн ИГ-Фарбен по указанию Министерства экономики приступил в Верхней Силезии, до которой тогда не долетали вражеские бомбардировщики к постройке своего филиала по производству синтетического каучука (буны). Данный материал имел для войны первоочередное значение, потому что машинам нужны шины, которые делаются из резины.

В начале 1941 года были завершены проекты завода синтетического каучука и завода по перегонке угля в нефть. 1 марта Гиммлер и Глюке

прибыли в Освенцим, где уже находилось 8000 заключенных. Гиммлер приказал расширить основной лагерь (Освенцим I), возвести новый лагерь на 100000 военнопленных в Биркенау, 3 км западнее (Освенцим II), и передать заводу в Моновице, к востоку от основного лагеря (Освенцим Ш), дополнительно 10000 заключенных в качестве рабочей силы.

Проект лагеря на 100000 военнопленных может служить доказательством того, что в это время Гиммлер уже знал о плане «Барбаросса». И действительно, на первом этапе войны с СССР вермахт захватил огромное число пленных, небольшая часть которых попала в Освенцим.

Весьма любопытно следующее обстоятельство: в Освенциме кроме зеков работали также вольнонаемные платные рабочие из Германии, Польши и других стран. Заключенных, кроме того, непрерывно переводили в другие лагеря. Наконец, бывали, и не так уж редко, освобождения из лагеря: в 1942 году было отпущено на свободу 978 человек; выпускали и в 1943 году, а в 1944 многие еврейки были освобождены по настоянию немецкого магната Оскара Шиндлера [23]. Разве нацисты не боялись, что через это сведения о концлагере могут просочиться в большой мир? Зачем нужны были все предосторожности по сохранению тайны холокоста, если делались столь элементарные ошибки? Да и как вообще пришла немцам безумная идея выстроить лагерь уничтожения в промышленной зоне, которая неизбежно должна была обратить на себя внимание союзников в силу своего экономического значения"?

Но подобные аргументы не принимают в расчет сатанинское хитроумие гитлеровцев. Они преднамеренно, ради маскировки, построили в промышленной зоне свою самую большую фабрику смерти! Рейтлинджер растолковывает нам сей дьявольский ход [24]:

«Гиммлер выбрал Освенцим, а не другой лагерь уничтожения в Польше, не потому, что здесь был железнодорожный узел (как утверждал Гёсс) – в этом не было ничего особенного – а потому, что весь план можно было замаскировать под производство каучука».

Расчет Гиммлера полностью оправдался. Если из других лагерей уничтожения страшные сведения стали приходить уже вскоре после их сооружения, то о происходившем в Освенциме союзники не догадывались до начала весны 1944 года. Мартин Гилберт в своей весьма обстоятельной книге «Освенцим и союзники» пишет [25]:

«Название и местоположение четырех лагерей уничтожения: Хелмно, Треблинка, Собибор и Белзец стали известны в союзных странах не позже лета 1942 года. Тайна же газовых камер в Освенциме-Биркенау сохранялась с первой недели мая 1942, когда они вступили в строй, до третьей недели 1944 года. Название Освенцима мало что говорило даже тем, кто полагал, что многое знает о происходящем с евреями... Оно не входило в список фабрик смерти, который все знали и всё чаще цитировали».

Ту же песню затягивает и Лакер. По его мнению, Освенцим был настоящим

архипелагом (действительно, здесь имелось около 40 филиалов). Его заключенные были якобы рассеяны по всей Силезии и они общались с тысячами людей. В Освенциме работали также сотни вольнонаемных и, наконец, в лагерь удавалось проникать даже журналистам, которые исподволь узнавали о происходившем в нем [26].

Согласно Майеру, газовые камеры заработали в июле 1942 года. Следовательно, лагерь в Освенциме имел две цели: уничтожать больных, ослабевших и детей и заставлять работать здоровых. В основном лагере имелась одна газовая камера, которую ныне каждый год осматривают десятки тысяч людей. В ней с ноября 1941 года было уничтожено в общей сложности 70000 человек. Однако массовое убийство свершалось в основном западнее – в Биркенау, в шести камерах которого было уничтожено – согласно нюрнбергскому обвинению – только между апрелем 1942 и апрелем 1944 года не менее 1,765 млн. евреев. Перед отступлением немцы так основательно снесли две («красный и белый дом» или бункер I и II) из шести камер, что от них не осталось ни кусочка, остальные же четыре камеры они взорвали. Почему же были оставлены газовые камеры в основном лагере и в Майданеке? Над этим ломают головы криминалисты и психоаналитики. Не скрыто ли тут подсознательное желание саморазоблачения? А, может быть, палачи думали оставить для будущих поколений памятник своего позора? Или они хотели помочь союзникам разоблачить преступления? Об этом мы никогда не узнаем.

Еще страннее вели себя нацисты в отношении Майданека. Когда я 2 октября 1992 был в Люблине и спросил: бывают ли экскурсии в Майданек, то удивленная служащая гостиницы ответила, что туда можно доехать на автобусе или такси. Можно даже было дойти и пешком, ибо Майданек находится на юго-восточной окраине Люблина! И как при этом можно было хоть немножко хорошо замаскировать лагерь?

Когда советская армия в конце января 1945 года освободила Освенцим, она обнаружила в нем около 8000 узников (больных, ослабевших и детей); остальные были эвакуированы несколько дней назад. В их числе был 10-летний еврей из Румынии Эли Визель, ставший затем одним из самых ярых борцов против беспамятства, молчания и прощения и получивший за это в 1986 году Нобелевскую премию мира.

2 февраля 1945 года, через несколько дней после освобождения, в «Правде» появляется большой эпический репортаж «Неслыханные преступления немецкого правительства в Освенциме» о совершенных там зверствах, который содержит ряд явных лжесвидетельств [27]:

«Постоянные газовые камеры в восточной части лагеря были перестроены. Их даже украсили башенками и архитектурным орнаментом, отчего они обрели вид безобидных гаражей».

Нет ни одного снимка этих столь изящно декорированных газовых камер и они даже не показаны в снятом позднее фильме об освобождении Освенцима. Никто из историков не сообщает о газовых камерах в восточной части лагеря

(в Моновице?). Об этих замаскированных под гаражи камерах не упоминалось ни на Нюрнбергском, ни на Освенцимском процессе, ни в бесчисленных сообщениях выживших. Напрашивается вывод: «Правда» придумала эти камеры. Она выдумала и гораздо большее [28]:

«Они (немцы) сравнивали с землей холмообразные т.н. „старые могильники“ в восточной части лагеря, устранили и уничтожили следы электрического конвейера, на котором одновременно умерщвлялись током сотни людей... Увезены особые передвижные аппараты для убийства детей... Я видел тяжелые резиновые дубинки, все со штампом „Крупп“, которыми узникам разбивали головы и половые органы».

Позднее никто не вспоминал ни о конвейере по одновременному умерщвлению сотен людей с помощью электротока, ни о крупповских резиновых дубинках для разбивания голов и половых органов, ни о передвижных установках для убийства детей, ни об иных описанных в «Правде» чудесах фашистской технологии. Для чего нужна была эта пропаганда ужасов? Для дискредитации противника. Но зачем, черт возьми, красным потребовалось придумывать украшенные башенками газовые камеры в Моновице, конвейер убийства, передвижные установки для умерщвления детей и иную чушь, если у них перед глазами были настоящие орудия убийства – газовые камеры Биркенау?

Да тех просто не нашли! В «Правде» о газовых камерах в Биркенау нет ни слова! Красные послали в Освенцим репортеров, страдавших нарушением зрения! Можно только в недоумении покачать головой, видя эту безграничную советскую глупость. А лучше ли вели себя западные страны?

С весны 1942 года еврейские организации непрерывно сообщали о происходивших ужасах. Однако только 17 декабря правительства США и Англии удосужились сделать резкое заявление, совместное с СССР и эмигрантскими правительствами оккупированных стран. В нем они осудили «в самой жесткой форме зверскую политику хладнокровного истребления» [29]. Однако о фабриках уничтожения говорилось почему-то смутно. Ошибается тот, кто думает, будто дальнейшие заявления сделались конкретнее в силу постоянно поступавших новых доказательств.

1 ноября 1943 года, т.е. через два года после начала массового уничтожения газом (первая фабрика смерти начала свою страшную работу в Хелмно в декабре 1941 года), из совместной декларации Сталина, Рузвельта и Черчилля была изъята ссылка на газовые камеры, поскольку она казалась бездоказательной [30]. Философ Карл Ясперс пытался позднее вскрыть причины подобной моральной сдержанности союзников. Он пришел к умозаключению, будто союзники боязливо уклонялись от всего, что могло бы создать впечатление, что война ведется в интересах евреев [31].

Самое постыдное в страусиной политике союзников заключается в том, что они ни разу не попытались предупредить евреев в оккупированных Гитлером странах о грозящей им участи. Более двух лет после мощных нью-йоркских

митингов протестов против геноцида евреи Европы безропотно ехали в лагерь, веря лживым фразам своих убийц, будто их везут на работу. Невероятно, но факт: в августе 1944(!) года евреи из Терезиенштадта, самого безобидного из всех лагерей, который в принципе был поселком для привилегированных и старых евреев, добровольно просились в Освенцим [32]!

Несчастные не имели никакого представления о страшном истреблении, которое незадолго перед этим достигло своего апогея в убийстве 400000 венгерских евреев.

Массовая депортация этих евреев началась весной 1944 года. Еврейская община в Венгрии, самая большая в зоне влияния держав оси, уцелела до этого времени потому, что регент Хорти не давал согласия на ее ликвидацию. Когда же в марте 1944 года немецкие войска вошли в Венгрию, чтобы предотвратить выход из войны своего ставшего ненадежным союзника, местные евреи попали в лапы сотрудников Эйхмана. При помощи венгерских фашистов-салашистов нацисты депортировали в Биркенау почти всех – кроме столичных – евреев, истребив их между маем и июлем 1944 года в газовых камерах.

С конца 1943 года разведывательная авиация союзников регулярно фотографировала Освенцим. Совершив с 27 декабря 1943 по 14 января 1944 год 32 вылета, американские, английские и южно-африканские летчики сделали копии аэроснимков лагеря. До 1979 года эти снимки хранились в секрете (почему их не использовали как обвинительный материал на Нюрнбергском процессе?), но сегодня их можно частично изучать в Национальном архиве в Вашингтоне. Некоторые из этих фотографий воспроизвел канадец Джон К. Болл в своей книге «Говоря. аэроснимки. Освенцим, Треблинка, Майданек, Собибор, Берген-Бельзен, Белзец, Бабий Яр, Хатынский лес». Казалось бы, снимки должны были рассеять последние сомнения союзников. Если бы в тот период союзники произвели бомбардировку газовых камер, то, хотя погибли бы сотни или тысячи узников, сотни тысяч были бы спасены.

Впрочем, не нужно даже было разрушать газовые камеры, процесс истребления можно было остановить более простым и бескровным способом. Венгрию с Освенцимом связывала железнодорожная ветка, шедшая через Кошице и Пряшов; расположенные восточнее транспортные артерии нельзя было использовать, так как в этих местах уже шли бои. Якоб Розенгейм, президент Всемирной организации «Агудас Исраэл», телеграммой от 18 июня 1944 года обратил внимание американского министра финансов Моргентау на это обстоятельство, считая, что союзники могут остановить массовые убийства [33]: «парализовав железнодорожное сообщение Венгрии с Польшей, разбомбив прежде всего важнейшие железнодорожные узлы в Кошице и Пряшове». Казалось бы, союзники должны были сразу выполнить эту просьбу; к тому же у них были аэроснимки, свидетельствовавшие о новом ужасном геноциде невиданного прежде размера".

Но вот что непонятно – ни на одном из многочисленных снимков нельзя разглядеть скопления людей у газовых камер, которые хорошо видны! И это в период, когда палачи-эсэсовцы ежедневно уничтожали газом порой до 12 тысяч человек! Все время приходится сталкиваться с подобными роковыми казусами: казалось, всё и вся было тогда против евреев.

В силу невероятного стечения неблагоприятных обстоятельств все снимки были явно сделаны в дни, когда камеры не работали.

Итак, англичане и американцы пальцем не шевельнули, чтобы спасти евреев от уничтожения. А как поступили руководители сионистских организаций, которые обо всем узнали раньше других? Что, например, делал Наум Голдман, будущий президент Всемирного еврейского конгресса, предсказавший уже 9 мая 1942 года в нью-йоркском отеле «Балтимор», что после войны в Европе из 8 миллионов останется не более 2-3 миллионов евреев [34]? О своей тогдашней позиции Голдман рассказывает в книге «Моя жизнь: США-Европа-Израиль» [35]:

«В Америке (с 1940 г.) моя жизнь лишь наполовину была поглощена политической и организаторской работой. Вторая половина была отдана частной сфере... Во время войны я часто отдыхал на Карибских островах, Кубе, Ямайке и т.д., а летом месяцами жил на ферме Боверлейк... В своей профессиональной и частной жизни я мог предаваться столь многогранной и всеобъемлющей деятельности потому, что обладал весьма крепким здоровьем, и особенно потому, что никогда не принимал близко к сердцу вредное для моей нервной системы и здоровья».

Хватит о Голдмане. А что делал папа, который, как никто иной, не должен был молчать? Уж до Ватикана-то все доходило раньше, к тому же все шесть лагерей смерти находились на польской, т.е. оккупированной немцами бывшей польской территории. Разве никто из тысяч польских ксендзов не видел поездов, днем и ночью везших обреченных в лагеря, и ни один из этих поездов не возвращался с живыми людьми; что дым из труб крематория на километры затмевал солнце и везде страшно пахло горевшим мясом? Если духовенство это замечало, то почему оно не рапортовало папе в Рим? Пий XII, наверно, не стал бы молчать о подобных злодеяниях. Чего ему было бояться? Ведь нацисты не тронули католического епископа Галена и протестантского Вурма, протестовавших в проповедях против умерщвления душевнобольных, и вскоре – по крайней мере в Германии – приостановили эвтаназию. Кто посмел бы выступить против папы и восстановить против себя всех католиков, включая немецких?

Жалкое малодушие папы возмутило многих, но особенно Рольфа Хоххута, молодого одаренного драматурга, который в своей нашумевшей драме «Заместитель» возложил на Пия XII моральную вину за уничтожение евреев. В середине 1960-х гг. эта пьеса при стыдливом молчании Ватикана обошла сцены всего мира.

Ну а протестанты? Епископ Вурм, столь смело бичевавший уничтожение

душевнобольных, наверно, так же обличал истребление евреев? Нет, мужество его покинуло – он, а с ним и церковь в целом, молчал до конца войны.

Последняя надежда – Международный Красный Крест, олицетворение любви к ближнему. Историк проф. Жан-Клод Фаве из Женевы изучению этого вопроса посвятил 552 страницы своего труда «МКК и Третий рейх. Возможно ли было остановить холокост?» Резюмировать содержание этой книги можно одним предложением: Красный Крест должен был бы знать. И не знал потому, что не хотел?

В сентябре 1944 года в Освенциме побывал представитель МКК, пославший, как положено, свой отчет в штаб-квартиру в Женеве. И что же пишет этот придурок? Вот отрывки из его отчета [36]:

«Мы надеемся вскоре сообщить Вам имена, фамилии и лагерные номера узников Освенцима, а также их национальность. Дело в том, что в освенцимской шахте работает группа британских военнопленных, которая контактирует этими людьми. Мы просили главное доверенное лицо (homme de confiance) в Тешене сделать все возможное для получения всей необходимой информации через верного человека из освенцимской группы. Главное доверенное лицо – англичанин из Тешена вдруг спросил нас, слышали ли мы о „душах“. Действительно, ходит слух, будто в лагере имеется современная душевая, где якобы масса узников умерщвляется газом. Посредством своей освенцимской группы англичанин попытался определить достоверность этого факта. Доказать что-либо оказалось невозможным. Сами узники об этом ничего не рассказывали».

Это кажется фантастикой. Может быть, делегат МКК был тайным гитлеровским агентом или просто-напросто полным идиотом? И вся Европа в это время была населена одними идиотами, которые ничего не замечали, ничего не видели, ничего не слышали? Выходит, массовые убийства никого не волновали, кроме самих узников?

А сами-то узники, так ли уж они были обеспокоены? Да нет, каждодневное поставленное на поток убийство товарищей по судьбе, оставляло их совершение равнодушными! Переживший Освенцим профессор медицины еврей Марк Клею пишет [37]:

«По воскресеньям, под вечер, под бурные аплодисменты зрителей, проходили игры по футболу, баскетболу и водному поло: внешне человеку мало надо, чтобы забыть о грядущей опасности! Эсэсовское начальство регулярно – даже в рабочие дни – разрешало узникам развлечения. В кинотеатре показывались нацистские „Новости дня“ и сентиментальные ленты; в кабаре шли довольно едкие представления, на которых часто бывали эсэсовцы. Наконец, имелся также весьма приличный оркестр, состоявший поначалу только из музыкантов-поляков, которые со временем сменили более профессиональные представители всех национальностей, в большинстве своем евреи».

Вот-те на! Оркестр в лагере смерти? Не один, а целых шесть! Этот факт подтверждает «Энциклопедия геноцида» [38]:

«В лагере Освецима было 6 оркестров; самый большой из них в главном лагере насчитывал 100 музыкантов»

Невероятно! И футбольное поле было в Освенциме? Ну да, оно находилось в главном лагере, а не в лагере уничтожения в Биркенау. Стоп! В Биркенау тоже была спортплощадка, да еще почти рядом с крематорием, одной из шести газовых камер! Кто не верит, может заглянуть в официальные «Освенцимские тетради» 1975, №15!

Это нечто невероятное! Узники играют в футбол, а в нескольких метрах сотни их товарищей ежедневно превращаются в пепел. Или заключенные столь сильно отупели и не думали о том, что их в любое время может постигнуть та же участь, или вообще не замечали происходящего?

Газовые камеры внезапно появились в немецком переводе под редакцией Курта Мейера-Класона, вышедшем в издательстве Ульштейн.

Да, они ничего не замечали! Будущий нобелевский лауреат Эли Визель находился с апреля 1944 по январь 1945 года в Освенциме и Биркенау. В своих воспоминаниях «Ночь», выпущенных в 1958 году, он ни словом не упоминает о газовых камерах! Если бы он их видел или слышал о них от союзников, он обязательно написал бы об этом в своей книге.

Почему? Почему среди миллионов и миллионов нацистских документов нет ни одного с планом истребления евреев и постройки газовых камер, но говорится о газовых камерах для дезинфекции? Почему в письмах и дневниках периода войны, как написанных палачами, так и их жертвами, не сообщается о газовых камерах? Отчего все нацистские бонзы в Нюрнберге безоговорочно утверждали, что ничего не знали об уничтожении евреев? Отчего об истреблении в газовых камерах не говорилось в радиопереговорах между штаб-квартирой СС и концлагерями, хотя сообщалось о расстрелах и повешениях?

Куда в Майданеке бесследно исчезли 1,5 млн. трупов? Почему и в Освенциме, Собиборе, Белзеце, Треблинке и Хелмно нет массовых захоронений? Почему советское правительство поначалу в пять раз уменьшило число жертв ликвидационных команд? Отчего репортеры «Правды» нашли газовые камеры не там, где они были, а там, где их не было? Отчего немцы оставили газовые камеры в Майданеке и Освенциме в качестве памятника своего вечного позора; отчего самый большой лагерь смерти они возвели в промышленной зоне; отчего держали вместе эков и вольнонаемных; почему все время отпускали заключенных и тем самым легкомысленно подрывали свои хитроумные тайные планы? Почему союзники не разбомбили железную дорогу между Венгрией и Освенцимом? Почему на снимках перед газовыми камерами в Биркенау не видно очередей, хотя в это время в них ежедневно истреблялось до 12000 человек?

Отчего Сталин, Рузвельт и Черчилль изъяли из своего коммюнике ссылку на

газовые камеры, хотя массовое уничтожение шло уже два года? Отчего правительства союзников и еврейские организации не предупреждали евреев в оккупированных Гитлером странах о грозящей опасности? Почему Голдман, не желая себе портить здоровье мыслями о газовых камерах, развлекался на Карибских островах и в Боверлейке, в то время как его единоверцев плетками загоняли в них?

Почему молчал папа, не открывал рта некогда смелый епископ Гален? Почему в сентябре 1944 года представитель МКК, посетив Освенцим, писал, что слухи о газовых камерах якобы нельзя подтвердить? Как же так: освенцимские узники веселились под звуки шести оркестров, а зеки в Биркенау беззаботно гоняли кожаный мяч, тогда как в нескольких метрах от них каждый день сотни их товарищей умерщвлялись газом и сжигались в крематории III? Почему во время своего восьмимесячного заключения в Освенциме и Биркенау Визель не видел газовых камер и ничего о них не слышал?

Почему весь мир хранил молчание о холокосте? Потому, что «холокоста» не было.

Историки-ревизионисты

«Братство нельзя уничтожить, ибо оно не является в собственном смысле организацией. Оно держится исключительно на неистребимой идее. Вы можете иметь дело только с этой идеей. Вы не можете рассчитывать ни на дружбу, ни на участие. Если Вы попадетесь, Вам никто не поможет /.../ И нет никакой надежды, что во время нашей жизни произойдут какие-то видимые перемены. Мы мертвецы. Жить мы можем лишь в будущем. В нем мы будем присутствовать в качестве горстки пыли и груды костей. Но никто не знает, когда настанет это будущее. Может быть, через тысячу лет. А в настоящий момент можно лишь шаг за шагом расширять территорию, где правит здравый человеческий разум. Вместе мы не можем действовать. Лишь от человека к человеку, от поколения к поколению мы можем передавать наши знания. Из-за полиции мыслей нам остается только это».

Поль Рассинье, учитель географии и истории, активный социалист и участник Сопротивления, был арестован гестапо 30 октября 1943 года и до конца войны находился в лагерях Бухенвальд и Дора-Миттельбау. Хотя во время заключения ему порой пришлось повидать ужасы – например, публичную казнь союзника через повешение, – любовь к истине перевесила у Рассинье после войны ненависть к недавним палачам.

В своей книге «Le mensonge d'Ulysse» («Ложь Одиссея») он заклеил как широкомасштабные преувеличения т.н. «рассказы выживших». Название книги происходит от благочестивого лжеца Одиссея, который к сотням, действительно перенесенных страданий, прибавил еще тысячи, и оно намекает также на людскую страсть к фантазированию.

Если в названной книге Рассинье еще думал, что газовые камеры, может быть, существовали, ибо нет дыма без огня [40], то позже в ходе обширных и долголетних изысканий он все больше приходил к убеждению, что газом вообще никакого не убивали или то были лишь отдельные случаи, дело каких-то безумцев. В «Драме европейских евреев» (1964) Рассинье писал [41]:

«Всякий раз, едва до меня за последние 15 лет доходили сведения, будто в свободной части Европы где-то живет свидетель, знакомый с камерами, я тотчас направлялся к нему, дабы выслушать его рассказ. И каждый раз конец был один: когда, на основе своих материалов, я задавал очевидцу ряд целенаправленных вопросов, он рано или поздно сознавался, что сам не видел описываемые события, а излагал рассказ близкого друга, погибшего в заключении, в правдивости которого он не сомневался. Так я исколесил по Европе тысячи километров».

Это стремление к правде и объективности навлекло на Рассинье ненависть заинтересованных и раньше и теперь в сохранении исторической лжи. Автору пришлось активно отстаивать перед судом свое право на публикацию «Лжи Одиссея». Ему вменяли в вину не только сомнение в существовании газовых камер, но и рассказ о том, что самыми большими палачами в лагерях были не эсэсовцы, а сами заключенные.

В книге Рассинье довольно много неточностей и это объяснимо, если вспомнить о тяжелых условиях его исследовательской работы, которую приходилось вести самостоятельно, без крупных средств и официальной поддержки. Рассинье был отважным первооткрывателем, рискнувшим плыть против течения и нарушить запреты, и потому не стоит педантично перечислять его огрехи. Рассинье скончался 28 июля 1967 года, опубликовав несколько книг о судьбе евреев в Третьем рейхе. Перед смертью он выразил желание, чтобы его работу продолжили другие.

Желание это осуществилось. Последователей Рассинье именуют «ревизионистами»; в широком смысле это название применяется к любому историку Второй мировой войны, который не согласен с расхожим мнением,

будто в войне виновны только Германия и Япония, а в узком – к любому сомневающемуся в холокосте, т.е. планомерном истреблении евреев при Гитлере. В этом последнем смысле «ревизионизм» присутствует и в данной книге, где проблема ответственности за Вторую мировую войну совсем не затрагивается. Не будучи историком и не занимаясь самостоятельными изысканиями, автор собрал аргументы историков-ревизионистов из многих книг и огромного числа журнальных статей.

Сторонники геноцида евреев, называемые в науке «экстерминистами», изображают ревизионизм как праворадикальную, антиеврейскую и пронемецкую идеологию, что является заблуждением или ложью. Ревизионизм – это идеология в той же мере, как теория Вселенной Коперника. Утверждающий, что Земля вращается вокруг солнца, что в Освенциме никогда не было газовых камер и они не могли работать в этом качестве, не высказывает в политическом плане правое или левое мнение, а только научно проверенные факты. Считающий, будто солнце вращается вокруг Земли, будто халупы, демонстрируемые в Освенциме туристам как «газовые камеры», использовались для массового уничтожения людей при помощи инсектицида циклона Б, содержащего синильную кислоту, причем ни лагерь, ни эсэсовцы не пострадали, тоже выражает неверные или лживые, а не правые или левые взгляды. По этой причине в ревизионизме столь же мало пронемецкого, как и антиеврейского. Он выступает за наивозможно истинную историю, против ее искажения, независимо от происхождения, национальности или религии фальсификаторов.

Большинство ревизионистов действительно стоит на правых позициях и некоторые являются сторонниками национал-социализма. Но дважды два всегда четыре, даже если на этом настаивает национал-социалист. Во Франции главные труды ревизионистов печатает левое издательство «Вьей Топ». Из трех виднейших современных французских ревизионистов Робер Фориссон – независимый либерал без политических пристрастий, Анри Рок – член «Национального фронта» Лепена, а Пьер Гийом – левак, которого нельзя заподозрить в расизме хотя бы из-за его небелой жены.

Но вернемся к истории ревизионизма. У Рассинье были свои последователи: в Австрии – Франц Шейдл и Гейнц Рот, в Германии – Эмиль Аретц, Эрих Керн и Вольф Дитер Роте. Некоторые из этих авторов (Роте еще работает) сомневались, разумеется, не в существовании газовых камер, а лишь в числе погибших в них (согласно Аретцу, «несколько тысяч» евреев).

В 1972 году вышла брошюра «Ложь об Освенциме» немецкого крестьянина Тиса Кристоферсена, который с января по декабрь 1944 года трудился в филиале Освенцима – Райско над созданием растительного каучука и бывал как в Освенциме, так и в Биркенау. В брошюре утверждалось, что в Освенциме не было ни газовых камер, ни других видов массового уничтожения. Хотя «Ложь об Освенциме» не претендовала на научность, эта небольшая книжка сыграла важную роль в истории ревизионизма, так как

подтолкнула к другим, более серьезным работам и без Кристоферсена, возможно, не появился бы «Миф об Освенциме» Штеглиха.

В 1974 году в Англии вышла брошюра Ричарда Харвуда (псевдоним Ричарда Ферроля) «Действительно ли погибло шесть миллионов?», опиравшаяся на Рассинье и из всех работ ревизионистов получившая, пожалуй, наибольшее распространение. В 1976 году в США было опубликовано замечательное произведение – «Обман XX века» Артура Батца, специалиста по электронике и вычислительной технике. Доказательства в нем были столь мастерскими, что полемизировать не отважился никто из представителей официальной исторической науки. Кроме обычных идиотских фраз об «антисемитизме» и «неонацизме» Батца упрекали лишь в том, что он не имел права заниматься подобным делом, не будучи историком.

В этой связи следует заметить, что большинство известных экстерминистов и ведущих ревизионистов не является историками-профессионалами. Основная часть главных, чаще всего цитируемых произведений о холокосте написана искусствоведам и коллекционером Джеральдом Рейтлинджером и политологом Раулем Гильбергом, подвизающимся в близкой к истории области. И никому из ревизионистов не приходит в голову называть Рейтлинджера и Гильберга некомпетентными из-за того, что они не изучали историю; их критикуют с совершенно иной стороны.

Особенно туго приходится ревизионистам в Германии и Австрии, где их травят наиболее мощно по причинам, которые будут разобраны в конце книги. Положение тамошних ревизионистов усугубляется еще и тем, что все они – правые националисты и номенклатуре легко их клеймить как «тоскующих о Гитлере». Два самых крупных ревизиониста в Германии – это отставной судья Вильгельм Штеглих, выпустивший в 1979 году книгу «Миф об Освенциме», и политолог Удо Валенди, издающий журнал «Хисторише Татзахен».

Штеглих написал замечательную работу, в которой «доказательства» в пользу газовых камер и систематического истребления евреев в Освенциме разбиваются пункт за пунктом, пока от них ничего не остается. Особенно впечатляет последняя часть книги, посвященной освенцимскому процессу, – в ней автор, будучи юристом и судьей, легко оперирует материалом.

Бывший учитель Валенди, подвергаемый остракизму из-за своей критики официальной историографии в ФРГ, издает «Хисторише Татзахен», постоянно по-партизански сражаясь с цензурой, которой, согласно конституции страны, вроде бы нет в ФРГ Журнал, базируясь на серьезных исследованиях, служит необычайно важным источником информации для интересующихся доказательной системой ревизионистов".

«Обман XX века» должен довести мифологов холокоста до столбняка, ибо критике нему не подступиться. Французский эстерминист Видаль-Наке воспринял книгу с воплем негодования: «Если бы за ложь присуждалась бы крупная премия, то, по моему мнению, книга Батца /.../ могла бы рассчитывать на сногшибательный успех /.../ Можно ли опровергать?»

Разумеется, знатоку это сделать легко (отчего же Видаль-Наке в таком случае не опровергает?), но нужны время (а у Видаля его нет?) и усилия» (Les assassins de la memoire p. 74)

Очень активны ревизионисты в США, где для свободы мнений и исследований нет юридических ограничений. Серьезно занимающиеся холокостом обязательно обращаются к журналу «Джорнэл оф Хисторикэл Ревью». Следует назвать также имя неустанного историка-ревизиониста Марка Уэбера, одного из немногих профессионалов среди исследователей холокоста.

В Швеции Дитлиб Фельдерер (австрийский еврей, иеговист, женатый на филиппинке, не может сойти за фанатика-нациста, помешанного на расовой чистоте) еще в 1970-е годы доказал, что уничтожать людей газом было невозможно просто по техническим причинам. Он заинтересовался участью 60000 иеговистов, якобы истребленных нацистами, и в ходе своих изысканий выяснил, что погибло всего 203 человека (считая «убитыми» тех, кто умер в лагере по разным причинам, в том числе от болезни).

В Италии знамя ревизионизма высоко держит филолог Карло Маттоньо; в Испании работает Энрике Айнат, который, также как Маттоньо, является очень основательным исследователем, прежде всего истории Освенцима.

Однако самым значительным из европейских ревизионистов остается француз Фориссон, бывший до 1979 года профессором литературы и текстологии в Лионском университете. После того как университетское начальство – в связи с обнародованием Фориссоном своих взглядов – сообщило, что не может больше гарантировать безопасность профессора, он ушел из университета на раннюю пенсию. Наноса удар за ударом, Фориссон разбивал миф о холокосте в многочисленных и как правило небольших статьях. Благодаря своему гражданскому мужеству и острому картезианскому уму этот человек воплощает в себе лучшие традиции Франции.

Наконец следует упомянуть несколько отважных евреев, поднявших свой голос против лжи о холокосте. Так, в октябре 1992 года, на международном съезде ревизионистов, выступил молодой американский еврей Дэвид Коул. Вскоре поел войны резко протестовал против выдумок относительно газовых камер Флоссенбурга и Дахау (об Освенциме он не говорил, ибо там не был) Стефэ Пинтер, живший в Германии американский адвокат-еврей. В 1959 году Пинте писал [42]:

«Речь идет о пропагандистском мифе, будто нацисты уничтожили миллион евреев. Из известного мне после шести лет, проведенных после войны в Германии и Австрии, я могу сделать вывод, что да, какая-то часть евреев была истреблена, но, конечно, меньше миллиона. Я опросил тысячи евреев, бывших узников немецких и австрийских концлагерей и поэтому разбираюсь в данной проблеме весьма хорошо».

Закономерен вопрос, отчего эти исследования неизвестны широкой общественности? Причина одна: свободному распространению и дискуссиям о

достижениях ревизионистов мешает цензура, самая совершенная из когда-либо существовавших в истории, цензура, о наличии которой едва ли кто подозревает. Позже мы займемся механизмам функционирования этой цензуры, кому она служит и кому жизненно необходима, и вопросом; отчего в наше, казалось бы, лишенное запретов время на холокост налажено огромное табу и почему ныне можно сомневаться во всем, даже в Отце Небесном, Его Сыне Иисусе Христе и Святом Духе, но нельзя сомневаться в газовых камерах Освенцима и Треблинки?

Обнародовав свои взгляды, Фориссон заявил, что проблему газовых камер готов обсудить публично с любым историком. Никто не принял этого предложения, за исключением Вольфганга Шефлера, «специалиста по геноциду», который в 1979 году неосторожно пошел на теледебаты с Фориссоном и потерпел полное фиаско. Нечто похожее на общественную дискуссию имело место во Франции зимой 1978 – 79 годов. Фориссон несколько раз печатался в «Монде», пока редакция не прекратила развернувшуюся дискуссию, решив, что она опасна [43]. Об аргументации экстерминистов можно судить по заявлению историков-евреев Пьера Видаля-Наке и Леона Полякова, напечатанному 21 февраля 1979 года в «Монде». Будущие поколения будут видеть в этой декларации, подписанной 34 «учеными», такую же нелепость, какой нам видится «Молот ведьм» монахов-доминиканцев Инститориса и Шпренгера. Декларация заканчивается словами:

«И еще одно замечание. Каждый вправе толковать гитлеровский геноцид в зависимости от своих взглядов. Каждый вправе сравнивать его с массовыми убийствами и акциями по уничтожению прежде, ныне и в будущем, и, наконец, каждый также вправе предполагать или считать, что этих страшных деяний вообще не было. Но они, к сожалению, были и никто не может это отрицать, не насилуя истину. Зачем задаваться вопросом, как было технически осуществимо подобное массовое убийство? Оно было возможно, раз имело место. Из этого надо твердо исходить, разбирая в историческом плане данную тему. И мы хотим просто напомнить о следующей истине: существование газовых камер не обсуждается и обсуждаться не может».

Мне повезло, что книга Видаля-Наке «Убийцы памяти» вышла как раз в начале моей работы о холокосте. Автор доказывает, что экстерминисты, могут не аргументировать, а лишь жонглировать фразами. А как можно аргументировать, если аргументов нет?

Это заявление, составленное на жаргоне средневековых инквизиторов, характеризует жалкий уровень полемики экстерминистов с ревизионистами. Процитируем Видаля-Наке: «О ревизионистах говорят, но с ними не говорят» [44]. Эта позиция нам вполне понятна, в конце концов пусть господа-экстерминисты позорят себя публично, как это в свое время произошло с простаком Шефлером на телевидении кантона Тичино.

Ирвинг долгое время был любимцем немецких средств массовой информации, и «Шпигель» рецензировал его книги так обстоятельно, как

никогда не делал в отношении книг Екеля или Шефлера; он блистал на теледебатах своим совершенным немецким языком, но в 1988 все изменилось и о прежнем любимце начисто забыли, ибо Ирвинг, увидев один документ, склонился к ревизионизму, будучи до этого как бы «полу-ревизионистом». Осенью 1989 года его пригласили на теледебаты вместе с Эберхардом Екелем, Арно Майером и компанией, но приглашение было аннулировано, когда один из участников пригрозил не придти, если явится Ирвинг. И соблюдая групповой ритуал, теплая компания в сотый раз пересказывала друг другу старые бабушкины сказки. Этого требовала карьера и самолюбие.

Какова сегодняшняя позиция ревизионистов в вопросе геноцида евреев? Ревизионисты не отрицают ограничений, депортации и притеснений, существовавших в отношении евреев в Третьем рейхе, а также убийства множества евреев и неевреев. Они оспаривают и отвергают следующие, якобы достоверные «факты» правоверных историков:

наличие плана истребления евреев, существование газовых камер в нацистских концлагерях (конечно, имеются в виду камеры для уничтожения людей, а не дезинфекционные камеры, с которых никто не спорит). цифру в 5-6 миллионов убитых нацистами евреев. По мнению Рассинье, в гитлеровском рейхе из-за войны и преследований погибло около миллиона евреев, другие ревизионисты, например, Сэннинг, опирающийся в своем смелом демографическом исследовании «The Dissolution of Eastern European Jewry» исключительно на еврейские источники и данные союзников, называет гораздо более низкую цифру, правда, в несколько сотен тысяч.

Но если не было плана истребления евреев, почему их погибло так много?

Евреи умирали в гетто и лагерях в основном от болезней и истощения, а последние месяцы войны также от голода. Они гибли во время бессмысленной эвакуации лагерей на Востоке перед приходом советских войск, при жестоком уничтожении варшавского гетто и при репрессиях на Восточном фронте. Часто комиссаров, т.е. политруков-коммунистов, ликвидировали сразу после сдачи в плен. Сразу расстреливали или вешали также захваченных партизан. Наконец, практиковались расстрелы заложников в качестве возмездия за нападения на немецких солдат.

Хотя в 1940-е годы в КПСС давно не было столь много евреев, как революционные годы, их процент среди партийных кадров оставался все-таки довольно высоким, и политруки в основном были евреями. Евреи были также силы представлены в движении Сопротивления, что охотно подчеркивают советские еврейские источники. По этой причине при казнях комиссаров и партизан погибало сравнительно много евреев. Да и при расстрелах заложников офицер, занятый этой грязной работой, в сомнительных случаях в качестве жертвы чаще выбирал еврея, чем нееврея.

На Восточном фронте тоже, безусловно, погибло большое число евреев, которые не были ни комиссарами, ни партизанами, ни заложниками. В данном вопросе ревизионисты не столь сильны, как в деле с газовыми камерами,

поскольку трудностей здесь много больше.

В наши дни, в век ЭВМ, можно довольно точно определить количество евреев, погибших в 1941-45 гг. от военных действий и преследований, разумеется, при взаимном сотрудничестве заинтересованных стран. К сожалению, ни одна из этих стран сегодня не заинтересована в обнародовании соответствующих данных, а более всего три: Израиль, ФРГ и Австрия, где судьба политической и интеллектуальной элиты зависит от мифа о шести миллионах.

Изложим вкратце наиболее распространенные критические замечания в адрес ревизионистов. Неважно, мол, сколько евреев погибло при Гитлере, достаточно и одного. Были или нет газовые камеры, тоже не так уж важно, ибо не имеет значения, в них ли погиб человек или скончался в лагере от сыпняка и голода! И напоследок – споры оскорбляют память мертвых и причиняют сильные страдания выжившим.

Однако число жертв все-таки немаловажно. Разница между 0,5 и 6 млн. означает для 5,5 млн. разницу между жизнью и смертью. К тому же данный аргумент работает против критиков ревизионизма: если дело не в цифрах, то почему, извините, вы столь упорно цепляетесь за совершенно фантастическую цифру в шесть миллионов?

Нельзя также согласиться с утверждением о второстепенности вопроса о газовых камерах. Можно как-то понять, хотя и не простить, массовую депортацию людей в лагеря на рабский труд, которую немцы осуществляли во время войны – во чтобы то ни стало нужны были рабочие руки для увеличения военного производства и через это – шансов на победу. Сотни тысяч заключенных гибли от epidemий, с которыми немцы пытались бороться, хотя справиться не могли, но с планомерным истреблением это не имеет ничего общего. Экзекуциям, которые немецкая армия, а точнее айнзатц-команды, проводили на Восточном фронте можно найти аналогии в других войнах: французы в Алжире, американцы во Вьетнаме, русские в Афганистане тоже сравнивали с землей деревни, уничтожали гражданское население, в том числе женщин и детей, и пытали пленных. Желаящие покончить с военными преступлениями должны покончить с войной.

Массовая депортация евреев, хотя и была бесчеловечной, вполне понятна с точки зрения военной безопасности. Напомним, что в оккупированных странах евреи составляли костяк движения Сопротивления, о чем с гордостью повествует в «Шпигеле» (1993, №7, С. 54) еврейский публицист Арно Люстиже, который был узником разных лагерей. По его словам, евреев в отрядах французского Сопротивления было 15 %, хотя среди населения их насчитывался всего один процент. Сходная картина была и в других странах. Во время войны американцы интернировали живших у них японцев единственно в силу подозрения!

Никакая экономическая или военная необходимость, конечно, не оправдывала бы хладнокровное и бессердечное избиение миллионов

беззащитных людей, и, если бы таковое имело место, то оно, вне всякого сомнения, явилось бы беспримерным преступлением за всю историю человечества. По этой причине проблема газовых камер имеет наиважнейшее значение.

И разумеется, совершенно лицемерен аргумент, будто споры о геноциде оскорбляют память мертвых. Это просто пустая отговорка для тех, кто по политическим соображениям цепляется за данный историческими миф. Почтим ли мы память погибших в Дахау 32 000 человек, если увеличим их число до 238000, называвшееся сразу после войны?

Политика Гитлера в отношении евреев

Когда 30 января 1933 года Гитлер был назначен рейхсканцлером, никто не сомневался, что к власти пришел ярый антисемит. Выпады, полные ненависти против евреев, занимали много места в «Майн кампф», а программа нацистской партии запрещала принимать в нее евреев.

Антисемитизм национал-социалистов имел свои традиционные причины: евреи обвинялись в том, что они контролируют в Германии непропорционально большую часть экономической и духовной жизни, используя эту власть исключительно в собственных интересах. Кроме того, в евреях нацисты видели передовой отряд компартии. При этом они ссылались на то, что евреи играли ведущую роль и в Октябрьской революции, и в недолговечном режиме Бела Куна в Венгрии, и в еще более недолговечной Баварской республике.

Приход в Германии НСРПГ к власти был неприятным ударом для немецких евреев, которые в основной своей массе были ассимилированы и считали себя хорошими патриотами. Некоторое время они надеялись, что, взвалив на себя бремя государственной ответственности, национал-социалисты сделаются более умеренными. Ведь в ходе избирательной кампании антисемитизм не играл ведущей роли. За НСРПГ голосовали не по ненависти к евреям, а потому, что думали, будто Гитлер даст немцам работу и хлеб.

После поджога рейхстага 27 февраля 1933 года и триумфа национал-социалистов 5 марта того же года на выборах репрессии не заставили себя ждать, но их жертвами стали почти одни левые, прежде всего коммунисты. Первый концлагерь возник в Дахау уже в конце марта, за ним появились другие лагеря. Среди заключенных были и евреи, но не как евреи и иудеи, а как левые активисты (или уголовники). В это время только отдельные фанатики или хулиганы позволяли себе выходки против евреев, но правительство их не одобряло.

Первые меры против евреев Гитлер предпринял 1 апреля 1933 года, призвав к бойкоту еврейских магазинов. Более серьезными и всеохватывающими стали различные параграфы закона об адвокатуре,

вышедшем шесть дней спустя, а также решение о восстановлении профессионального чиновничества. Большая часть чиновников-евреев была уволена в отставку, часто под видом ухода на пенсию. Постановления против евреев были не столь резки, как того хотели нацисты, ибо Гитлеру приходилось считаться со своими партнерами по консервативному лагерю [45].

При помощи указанных постановлений было сильно сокращено число адвокатов и нотариусов из евреев. Вскоре после этого на медицинских и юридических факультетах для евреев была введена 1,5-процентная норма [46]. В последующие месяцы многие евреи, служившие в государственных учреждениях или учебных заведениях, были уволены, отправлены на пенсию или им было запрещено заниматься своей профессией. Затем какое-то время казалось, будто буря утихла, и в Германию вернулось 10 тысяч из 60 000 евреев, выехавших из нее после прихода к власти Гитлера [47].

Но то были призрачные надежды. В сентябре 1935 года рейхстаг пришли «нюрнбергские законы», запрещающие браки и внебрачные отношения между евреями и «арийцами», но затем вновь наступила некоторая пауза, связанная отчасти с Олимпийскими играми 1936 года в Берлине. 1937 год принес широкомасштабную «аризацию» немецкой экономики, которая означала принудительную продажу евреями своих предприятий и фирм за цену в основном меньше реальной.

О хрустальной ночи рекомендуем «Feuerzeichen» Ingrid Weckert, которая долго жила в Израиле и свободно владеет ивритом. Будучи ревизионисткой, она привела в своей книге массу любопытных фактов, хотя к ее выводам я отношусь скептически.

В 1938 году режим национал-социалистов еще крепче закрутил гайки. В июне концлагеря были отправлены евреи, приговоренные к тюремному заключению к срок больше месяца. В ноябре польский еврей Гершель Грюншпан убил в Париже немецкого дипломата, что привело к известной «хрустальной ночи». По всей Германии прошли эксцессы, во время которых было осквернено много синагог, разграблены и сожжены еврейские магазины, убито от 36 до 91 евреев и многие ранены. В самой Германии и Австрии, вошедшей в марте в состав рейха, был арестовано 31,5 тысячи евреев, которых разместили в четырех лагерях: Заксенхаузене, Бухенвальде, Дахау и Маутхаузене. Правда, большинство из них вскоре вышло на свободу, но шок от «хрустальной ночи» и последовавшие произвольные меры, предпринятые правительством, – так, на немецкую еврейскую общину был наложен штраф в один миллиард марок – рассеяли среди евреев все надежды на улучшение своего положения. До октября 1941 года, когда вышло распоряжение о прекращении эмиграции, из Германии выехало две трети немецких евреев, а среди оставшихся уже в 1939 году более половины было старше 65 лет [48].

Тот же процесс, но в более быстром темпе, происходил после аншлюса в марте 1938 года в Австрии и в протекторате Богемии и Моравии после раздел

Чехословакии в марте 1939 года. В течении короткого времени эмигрировала большая часть австрийских и значительное число чешских евреев.

Этот массовый исход полностью отвечал планам национал-социалистов и потом они всеми силами поддерживали его. Евреев на эмиграцию толкали разнообразные притеснения, которым они подвергались начиная с 1935 года. Для ее усиления нацисты тесно сотрудничали с сионистскими кругами, заинтересованными переселении в Палестину как можно большего числа евреев. Об этом сотрудничестве, которое в наши дни в основном замалчивается, очень хорошо рассказано в книге "Орден «Мертвая голова» Гейнца Хене, классическом исследовании, посвященном СС, которое опирается на нижеследующие факты.

Осенью 1934 года Леопольд Эдлер фон Мильденштейн, ставший потом унтершарффюрером СС, опубликовал в нацистском органе «Ангриф» статью о перспективах еврейского государства в Палестине. Будучи постоянным участником сионистских конгрессов, Мильденштейн видел решение еврейского вопроса в эмиграции евреев в британскую подмандатную территорию, где позже действительно возникло государство Израиль. На эту статью обратил внимание Рейнхард Гейдрих, руководитель СД (службы безопасности), которому идея пришла по душе. Все немецкие евреи должны выехать в Палестину, по возможности добровольно или под нажимом. В качестве новой родины Палестину, разумеется, выбирало меньшинство эмигрантов-евреев, большинство же предпочитало направляться в другие страны, в основном в США.

Мильденштейн предусматривал своим планом «диссимиляцию» ассимилированных евреев и превращение их в сионистов. По приказу Гимmlера он организовал «Еврейский сектор» для стимулирования эмиграции. Этот сектор поддерживал лагеря переобучения, где молодые евреи проходили сельскохозяйственную подготовку для работы в палестинских кибуцах. В августе 1936 года в Германии действовало не менее 37 подобных лагерей [49]. Один из них упоминается в Нойдорфе даже в марте 1942 года [50]!

Одним из самых деятельных сотрудников упомянутого сектора был эсэсовец Адольф Эйхманн, который 27 февраля 1937 года встретился в Берлине с сионистским руководителем Фейвелем Полкешем, занимавшем в Палестине должность командира еврейской милиции Хагана. Полкеш сказал Эйхманну, что он всеми силами желает содействовать эмиграции евреев в Палестину, дабы со временем евреев стало больше, чем палестинцев. В октябре того же года Эйхманн встретился в Каире с Полькешем для переговоров во второй раз. После них эсэсовец Герберт Хаген, сопровождавший Эйхманна, заявил о большем удовлетворении, с каким еврейские националисты воспринимали радикальную политику немцев в отношении евреев, ибо она способствовала увеличению их числа в Палестине [51].

Однако вскоре описанный план натолкнулся на трудности, так как вызвал волнение среди арабского населения подмандатной территории и англичане

решили притормозить эмиграцию. В декабре 1937 года вышли первые соответствующие распоряжения, а в мае 1939 появилась «Белая книга», согласно которой в Палестину в ближайшие пять лет допускалось только 75 тысяч евреев, хотя нелегальная иммиграция, естественно, шла сама по себе. Сокрушительный удар палестинским планам СД нанесло начало войны в сентябре 1939 года, ибо немцам не очень хотелось отталкивать от себя арабов, своих потенциальных союзников в войне с англичанами.

После того как США и другие страны приняли меры к сокращению еврейской эмиграции, в Германии стали думать о переселении евреев на Мадагаскар. Сторонником этой идеи был Франц Радемахер, начальник еврейского сектора в немецком отделе Министерства иностранных дел [52]. Осуществление этого проекта стало реальным после разгрома Франции, колонией которой был этот огромный остров. Однако против выступил Петэн, но даже если бы он согласился с планом, осуществить его было бы трудно, поскольку судов для перевозки было мало и морские пути англичане держали под контролем.

После захвата немцами в начале войны с СССР больших территорий на Востоке в Берлине возник замысел о создании там зоны, населенной евреями. 31 июля 1941 года Геринг писал Гейдриху [53]:

«В дополнение к задаче, поставленной распоряжением от 24.1.1939, возможности благоприятно решить еврейский вопрос в форме эмиграции и эвакуации в соответствии с обстоятельствами времени, я поручаю Вам провести все нужные приготовления организационного, делового и материального характера для общего решения еврейского вопроса в немецкой зоне влияния в Европе. При этом могут быть задействованы другие компетентные центральные инстанции. Далее я поручаю Вам представить мне в ближайшем времени общий план предварительных мер организационного, делового и материального характера выполнению предусмотренного окончательного решения еврейского вопроса».

Старую басню, будто в письме Геринга Гейдриху был предсказан геноцид евреев,

излагает, например, Катгани в газете «Нойе Цюрхер цайтунг» 27.7.1991. По его словам, Геринг отдал Гейдриху «приказ – так явствует из текста – ликвидировать евреев, живущих в границах немецких владений, т.е. уничтожить их». Где об этом вычитал Катгани? Если бы он, будучи студентом 1-го курса, написал бы в семинарской работе подобную ерунду о какой-нибудь другой эпохе, то он с треском бы провалился, но в отношении эпохи нацизма, как разъясняет проф. Вальтер Гофер, «объективность необязательна». Такова научная этика в конце XX века в демократической Западной Европе.

Сторонники холокоста все время приводят это письмо, толкуя его как начало истребления евреев. Поскольку слова «в форме эмиграции или эвакуации» мешают, то иногда их просто опускают. При правильном

цитировании, например, у Рауля Гильберга, данные слова подаются как замаскированное «истребление». Гильберг делает также вывод, что, получив письмо, Гейдрих крепко взял в свои руки руководство процессом геноцида [54]. Правда, он не объясняет, отчего второй по рангу национал-социалист должен был прибегать к иносказанию в своем неофициальном письме к начальнику нацистской полиции. Так как не обнаружилось ни одного письменного приказа об истреблении евреев, то приверженцам мифа о холокосте приходится домысливать то, чего в тексте нет. Говоря об эмиграции и эвакуации евреев, Геринг имел в виду только это и ничто другое. И действительно, начиная с 1941 года, евреи из Германии и оккупированных областей транспортировались на Восток, сперва в Польшу, а затем во все большем числе в Россию. Поскольку сотни тысяч евреев были доставлены в лагеря, то их судьба и без плана уничтожения была незавидной.

В поведении нацистов имелось три резона. Во-первых, им срочно нужна была рабочая сила в то время, когда большинство боеспособных мужчин находилось фронте, и в качестве таковой особенно подходили хорошо в общем профессионально обученные евреи. Транспортировка в лагеря стариков и детей объясняется просто тем, что семьи не хотели разлучаться. Во-вторых, евреи считались неблагонадежными, ибо они, несомненно, все стояли на стороне противника. Как уже указывалось, процент евреев в оккупированных странах борцов Сопротивления был очень велик. В-третьих, нацисты думали использовать благоприятные обстоятельства, чтобы ускорить «окончательное решение» еврейского вопроса, под которым они подразумевали – вопреки легенде о физическом уничтожении евреев – их эмиграцию или переселение на территорию на восточные окраины немецкой сферы власти."

Хотя, как сказано, эмиграция была официально запрещена осенью 1941 г., закон соблюдался не строго, и евреи могли выезжать из Европы в течение войны. Запрет на эмиграцию был, конечно, нацелен против того, что боеспособные и технически образованные евреи могли поступить на службу противнику. Вот почему евреев с конца 1941 года стали депортировать на Восток. Ниже мы вернемся к судьбе депортированных.

В европейских странах, оккупированных Гитлером, евреям в разной степени пришлось пострадать от депортации. Неожиданно сильно затронула она голландских евреев, большая часть которых была депортирована, в то время как евреев Бельгии и Франции коснулась мало – из этих стран в основном депортировались евреи-иностранцы. Поскольку цель национал-социалистов состояла в вытеснении евреев из Европы, то они начали естественно там, где меньше всего имелось трудностей. Во Франции и Бельгии им приходилось считаться с местными правительствами, которые противились депортации евреев, своих сограждан. Из Голландии же после нападения немцев правительство бежало и потому нацисты могли делать все, что угодно [55].

Кстати, депортация и интернирование евреев в гитлеровском рейхе имеет

историческую параллель: США и Канада интернировали большую часть японцев, даже обладателей американских и канадских паспортов. И это при том, что – как десятилетия спустя признал Рейган – не было выявлено ни одного случая шпионажа или подрывной деятельности со стороны американских японцев!

Теперь рискнем коснуться весьма деликатной темы – вопроса о том, насколько сознательно сионисты, в особенности американские, провоцировали преследование евреев в Германии и оккупированных странах и какова их ответственность – если не юридическая, то хотя бы моральная, – за тяжелую участь евреев.

Американский еврей Эдвин Блэк описывает в своей сенсационно откровенной книге «The Transfer Agreement», вышедшей в 1984 году, этапы экономической войны, развязанной еврейскими организациями против Германии сразу после прихода Гитлера к власти, т.е. еще до первых антисемитских указов. 27 марта 1933 года в Мэдисон Сквэр-Гардене в Нью-Йорке состоялся большой митинг, участники которого потребовали полного бойкота Германии до дня свержения национал-социалистического правительства. Мак Коннел, один из ораторов, заявил в частности [56]:

«... Даже если гонения в Германии на время ослабнут, надо продолжать протесты и митинги против нацистов до их отстранения от власти».

А Стэфен С. Уайз, президент Конгресса американских евреев и один из организаторов митинга, предупредил, что [57]:

«... нации будут считаться хорошими или дурными в зависимости от их отношения к евреям».

Одновременно начался бойкот в других странах. В Польше [58] "... на массовых митингах, в унисон с митингом Конгресса (американских евреев), было решено распространить на всю страну начатый в Вильнюсе бойкот. В Варшаве три крупнейшие еврейские торговые фирмы взяли на себя обязательства «принять самые решительные меры защиты путем бойкота импортируемых из Германии товаров. В Лондоне почти все еврейские магазины в районе Уайтчэпеля захлопнули свои двери перед немецкими негодьями».

Последствия этого экономического бойкота были для Германии катастрофичными [59]:

«Профсоюзы приняли меры против особо важных областей промышленности, приносящих прежде всего валютные поступления, как например, выделка мехов. Согласно оценкам, общие потери немцев в одной этой области составили в 1933 году 100 миллионов марок».

Казалось, действительно, начали сбываться слова из статьи «Евреи объявляют Германии войну», напечатанной 24 марта в «Дейли экспресс» [60]:

«Евреи всего мира объединяются для того, чтобы объявить Германии финансовую и экономическую войну... Забыты все трения и противоречия перед лицом одной общей цели... заставить фашистскую Германию прекратить свой террор и насилие против еврейского меньшинства».

Блэк оправдывает эту экономическую войну безжалостным подавлением евреев немецким правительством [61]:

«Нацисты затеяли войну с евреями, мобилизовав всю Германию. Со своей стороны евреи развернули войну с нацистами, возбудив весь мир. Впереди – бойкот, марши протеста, митинги против Гитлера. Следовало изолировать Германию в политическом, и даже в экономическом и культурном плане до тех пор, пока не падет нацистское руководство. Итак, Германии снова преподносили горький урок».

Ошибочка автора состоит лишь в том, что в это время просто-напросто не было никакой «развязанной против евреев войны с мобилизацией всей Германии», никакого «террора и насилия против еврейского меньшинства», «беспричинных убийств, вымаривания голодом, уничтожения и дьявольских преследований» (это слова Сэмюэля Унтермейера, советника правительства и председателя «Non Sectarian Anti-Nazi League»). Имелись лишь отдельные выходки хулиганов-антисемитов, против которых новый режим предпринимал все возможные меры, о чем недвусмысленно свидетельствуют заявления немецких еврейских организаций. 31 марта Макс Науманн, почетный председатель «Союза национал-немецких евреев», отвечал в «Нойе Винер журнал» [62]:

«Вначале я хочу Вам сказать, что выступаю против этой антинемецкой травли через нагнетание ужасов. Эта кампания напоминает мне недавнюю

травлю немцев и их союзников во время войны. В точности совпадают даже детали и методы, когда писалось об отрубленных детских ручонках и выколотых глазах и об использовании трупов для получения жировых веществ. В этот контексте вписываются нынешние заявления, будто кладбища валяются расчлененные трупы евреев, будто едва еврей выходит на улицу, как на него нападают. Отдельные выходки, конечно, были, но и только... И мне известно, что в этих случаях власти действовали без церемоний. Мы, немецкие евреи, во всяком случае убеждены в том, что правительство и руководство НСРПГ действительно хочет поддерживать спокойствие и порядок».

Все понимали, что нацисты, не имея возможности добраться до зачинщиков кампании бойкота, обрушат свой гнев на немецких евреев. Напрасно однако доктор Левенштейн, председатель «Имперского союза немецких солдат-фронтовиков», в письме к американским евреям, направленном в посольство США в Берлине, призывал остановить это безумие [63]:

«Нам думается, пришло время отмежеваться от безответственной травли, которая ведется за границей т.н. еврейскими интеллигентами. Стрелы, которые вы мечете из своего защищенного укрытия, хотя и наносят вред Германии и немецким евреям, не делают все-таки чести самим стреляющим».

Страшные издевательства над немецкими евреями в 1933 году существовали только в воображении пропагандистов, что подтверждает, описывая обстановку того времени, такой совершенно безупречный очевидец, как историк-еврей Арно Майер [64]:

«Среди первых заключенных 'Третьего рейха» евреев было относительно мало и, что характерно, арестованы они были в качестве политиков, адвокатов или литераторов левой ориентации».

Очевидно одно – никто в это время не был арестован только потому, что был евреем. В другом месте Майер говорит о поводе к бойкоту [65]:

«20 марта комитет видных американских евреев, озабоченный зловещими инструкциями в „Штюрмере“ Штрейхера, решил 27 марта созвать массовый митинг в Мэдисон Сквер-Гардене».

Поводом или скорее предлогом к беспрецедентной кампании бойкота послужили «зловещие инструкции» в неофициальном листке, который из-за примитивности и порнографического характера презирали даже многие нацисты!

На международный бойкот Гитлер ответил вышеупомянутым однодневным бойкотом еврейских магазинов, который, кстати, проводился в субботу, когда их большинство было и так закрыто. В огромном числе школьных учебников помещена фотография, снятая в тот день: у еврейского магазина эсэсовцы указывают на плакат «Не покупайте у евреев!» В учебниках однако не говорится, как долго длился этот бойкот и что его вызвало. Так фальсифицируется история.

В дальнейшем, еврейские организации США и других стран не брезговали

ничем, чтобы спровоцировать новые меры против немецких евреев. В августе 1933 года Унтермейер в речи, которая передавалась по радио по всей стране, заявил [66]:

«Каждый из вас, будь он евреем или неевреем, кто не стал еще участником священной войны, должен сегодня сделаться им... Мало, что вы не покупаете немецкие товары, вы вообще не должны общаться с торговцами или владельцами магазинов, продающими немецкие изделия, или с использующими немецкие суда... – К нашему стыду, среди нас есть несколько евреев, – к счастью, их немного, – у которых так мало гордости и самоуважения, что они плавают на немецких судах... Их имена должны знать все. Они – предатели нашей нации».

В январе 1934 года, когда в Германии никто – за исключением каких-то уголовников-фанатиков – и пальцем не тронул ни одного еврея из-за его религии или национальности, сионист-радикал Владимир Жаботинский писал [67]:

«Все еврейские общины и каждый еврей в отдельности, все профсоюзы на каждом съезде и на каждом конгрессе уже в течении месяцев ведут во всем мире борьбу против Германии. Мы развернем против Германии духовную и физическую войну со стороны всего мира. Наши еврейские интересы требуют полного уничтожения Германии».

В Берлине подобные заявления воспринимались буквально. Платить за них приходилось немецким евреям, которых никто не спрашивал, согласны ли они с болтовней Унтермейеров, Уайзов и Жаботинских. Сионисты знали, что делали. Как всегда, они использовали немецких евреев в качестве разменной монеты в борьбе за создание своего государства. Во время войны травля еще больше усилилась. 3 декабря 1942 года Хаим Вейцман, руководитель Всемирной сионистской организации, заявил [68]:

«Мы – троянский конь во вражеском стане. Тысячи евреев, проживающих в Европе, – это главный фактор уничтожения наших врагов».

На эти-то фразы и ссылались национал-социалисты, отдавая приказы о депортации евреев в лагеря и гетто.

Еще до вступления США в войну американский еврей Натанаэл Кауфман выпустил книгу под заглавием «Германия должна погибнуть», в которой требовал полного истребления немецкого народа путем стерилизации [69]:

«Если вспомнить, что прививки и сыворотки приносят населению пользу, то к стерилизации немецкого народа надо отнести как к замечательному гигиеническому мероприятию со стороны человечества, дабы навсегда оградить себя от бактерии немецкого духа».

Хотя в США книга Кауфмана прошла почти незамеченной [70], Геббельс и Штрейхер умело воспользовались этой поделкой, приказав сразу перевести ее на немецкий и издать большим тиражом. В связи с этим немецкий еврей Гидеон Бург верно заметил [71]:

«Это выглядит так, как если бы в цирке сорванцы стали швырять камнями

во льва, в пасть которому сунул голову укротитель. Сорванцам бы ничего не было – между ними и опасностью расположен океан, то бишь прутья звериной клетки.»

Легкомыслие или наивность? Вряд ли. Не стоит забывать, что стратегия сионистов состояла в подстрекательстве Гитлера ко все более жестким антисемитским мерам по притеснению евреев. С одной стороны, это подталкивало немецких евреев к эмиграции в Палестину, с другой, правительствам западных держав сионисты доказывали необходимость для евреев национального очага. На то же была нацелена и пропаганда «ужасов» об истреблении евреев, начавшаяся в 1942 году. Об этом нетрудно судить по заявлениям, вроде сделанного 2 марта 1943 года в «Нью-Йорк Таймсе» Вейцманом:

«Уже истреблены два миллиона евреев... Задача демократий очевидна... через нейтральные страны они должны вести переговоры, добиваясь освобождения евреев в оккупированных областях... Да распахнутся врата Палестины для всех чающих узреть берега еврейской Отчизны».

Это ложь, будто в начале 1943 года было истреблено два миллиона евреев, однако к этому времени десятки тысяч нашли свой конец в лагерях.

Концлагеря

Строительство лагеря в Дахау под Мюнхеном началось всего два месяца спустя после прихода Гитлера к власти. Вскоре появился Ораниенбург. В последующие месяцы возникли т.н. «дикие лагеря», где власть осуществляли СА и СС. В их числе были «болотные лагеря» Папенбург и Эстервеген, печально известные своими тяжелыми условиями содержания – здесь родилась песня о болотных солдатах.

В эти годы лагеря не имели хозяйственного значения. В них от остального населения были изолированы враги государства, которые считались неисправимыми и неподдающимися перевоспитанию в хороших граждан в том виде, как их понимали национал-социалисты. Лагеря должны были оказывать отрезвляющее воздействие на потенциальных противников режима, что не в последнюю очередь достигалось обетом полного молчания, даваемом освобожденными узниками. Возникавшие в связи с этим слухи должны были запугивать готовых к сопротивлению.

Надо отметить, что в это время во многих странах, включая Англию и СССР, к гомосексуализму относились как к преступлению. Следовательно, подавление гомосексуалистов вовсе не было чисто немецким или нацистским явлением.

Если поначалу лагеря были рассчитаны только на политзаключенных, то вскоре это правило было забыто и в лагеря все чаще направлялись

преступники, причем среди них находились бытовики, которых после отбытия срока не выпускали, опасаясь, что они совершат новые преступления. Затем в лагеря стали поступать новые категории заключенных. Каждая категория носила опознавательную нашивку определенного цвета: политические – красную, уголовники – зеленую, асоциальные элементы (нищие, бродяги, проститутки и др.) – черную, гомосексуалисты – розовую, лиловую – «изучающие Библию», т.е. сектанты, которых относили к подрывным элементам из-за отказа от воинской повинности. Кроме этих нашивок заключенные евреи носили звезду Давида.

Совместное содержание политзаключенных и уголовников было для первых весьма тягостным, так как зачастую уголовники вели себя очень круто и в некоторых лагерях устанавливали власть более жестокую, чем эсэсовцы. Правление «зеленых» было адом прежде всего для интеллигентов, не привыкших к физическому труду, часто слабосильных и неуклюжих. Еще труднее приходилось евреям, которые в лагерной иерархии стояли на самой низшей ступени и выше которых чувствовал себя любой сутенер или уличный грабитель из «арийцев». Поскольку лагерное начальство выбирало «капо» (помощников) из «красных» или «зеленых», те имели возможность распоряжаться жизнью многих узников.

Бенедикт Каутский, австрийский еврей и социалист, сидевший в 1938-45 гг. в Дахау, Бухенвальде, Освенциме и снова в Бухенвальде, писал в своей книге «Дьявол и проклятый» [72]:

«Для обычного заключенного жизненно важным было то, кто заправлял в лагере: политические или уголовники. В таких лагерях, как Бухенвальд или Дахау, политические из числа лагерных функционеров ловко, по мере возможности, распределяли даваемую СС работу, подавляли в зародыше некоторые планы СС, саботировали путем пассивного сопротивления их результаты. В других же лагерях, где правили уголовники, например, в Освенциме и Маутхаузене, царил коррупция и узников обманывали в еде, одежде и пр., кроме того, одни очень жестоко издевались над другими».

Конечно, и политэки были не ангелы. В «Лжи Одиссея» Рассинье описывает террор коммунистов в Бухенвальде, безжалостное обращение с инакомыслящими и отнятие у них продовольственных посылок, что для многих было равносильно смертному приговору [73].

Участь заключенного во многом напоминало лотерею: кто заправлял в лагере – «зеленые» или «красные»? Был ли лагерь построен или нет или узникам нужно было самим его строить в страшных санитарных условиях, вкалывая до посинения? Был ли начальник грубиян-взяточник, как Карл Кох в Бухенвальде, или относительно приличный человек, как сменивший его Пистер?

В принципе, лишь начальник лагеря мог назначать наказания: запретить переписку, послать работать в воскресенье, заключить в ШИЗО, сократить пайку, подвергнуть наказанию палками (максимум – 25 ударов), хотя в

последнем случае обычно требовалась санкция Берлина. Однако зачастую все эти правила были простой бумажкой. Всякое дело зависит от исполнителя, а служить в концлагеря шли, конечно, не сливки общества. С проштрафившимися порой поступали весьма сурово. Борьбой с коррупцией и жестокостями в лагерях занимался судья-эсэсовец Конрад Морген из Управления имперской безопасности, который некоторым из виновных вынес смертный приговор. Герман Флорштедт, пресловутый комендант Майданека, был повешен в присутствии заключенных [74]. За взятки и убийства к стенке был поставлен бухенвальдский комендант Кох [75]. Вышеупомянутый Каутский, безупречный свидетель, описывает как сносные – во всяком случае до войны – условия в образцовом лагере Дахау: труд был тяжелым, но не бесчеловечным, пища – обильной и хорошей [76]. Фавр, наблюдатель из Швейцарии и посланец Международного Красного Креста, в августе 1938 года, после посещения Дахау, писал в отчете [77]:

«В лагере находится более 6000 заключенных... Условия заключения: прочно построенные, светлые и хорошо вентилируемые бараки... В каждом бараке вполне современные и очень чистые ватерклозеты, кроме того, имеются умывальники... Летом работа длится с 7 до 11 и с 3 до 18 часов, зимой – с 8 до 11 и с 13 до 17 часов; суббота, после полудня, и воскресенье – выходные дни... Довольствие: пища готовится в больших и очень чистых кухнях. Она – неприхотлива, но зато всякий день обильна, разнообразна и приличного качества... Каждый заключенный может еженедельно получать от родных 15 марок на улучшение своего довольствия... Начальство ведет себя корректно. Узники могут писать семьям – раз в неделю открытку или письмо... Дисциплина отличается однако большой строгостью. Караульные солдаты, не колеблясь, применяют оружие при попытке к бегству... Провинившиеся сидят в одиночках, просторных и довольно светлых... наказание палками назначается только в исключительных случаях и применяется крайне редко... Оно, по-видимому, очень болезненно и его сильно боятся... Если караульный солдат изобьет заключенного, его строго наказывают и увольняют из СС... Хотя обращение с узниками довольно строгое, его однако нельзя назвать бесчеловечным. С больными обращаются по-доброму, чутко и профессионально».

Летом 1937 года в лагерях насчитывалось всего 7500 заключенных (включая уголовников) (см. Mayer, 5. 245). Для сравнения укажем, что в Израиле, население которого в 18 раз меньше, за решеткой по политическим причинам сидит 15000 палестинцев (Вельтвохе. 22.10.1992).

Если до войны эков в лагерях лишь иногда было более 20000 человек, то после ее начала их число стало быстро расти. Война и оккупация иностранных государств привели к тому, что лагеря стали международными; в них из оккупированных государств непрерывно поступали борцы Сопротивления и политически неблагонадежные лица; затем пошли военнопленные, а с 1941 года – все возраставший поток евреев. Общее ухудшение условий жизни

особенно остро ощущалось в лагерях, и голод стал постоянным спутником большинства узников.

Новые концлагеря росли в Европе как грибы: от Натцвейлера в Эльзасе до Майданека в Польше. По степени строгости лагеря теоретически делились на три категории, однако эта классификация не всегда отражала истинное положение в них [78]. Например, Бухенвальд числился во время войны по средней категории II, но в последние два военных года, после увольнения пресловутого Коха, он был одним из самых приличных лагерей.

Символом лагерного ужаса стал лишь один концлагерь – австрийский Маутхаузен, числившийся по третьей категории. Первоначально он был запланирован как лагерь для неисправимых уголовников-рецидивистов, но в ходе войны в него со всей Европы все больше и больше свозили политзэков, которых уголовники сильно терроризировали. А поскольку в начальство этого лагеря, несомненно, брали самых жестоких и бесчеловечных эсэсовцев, то у зэков-иностранцев почти автоматически создавалось впечатление, будто все немцы – преступники. Для евреев отправка в Маутхаузен в какие-то периоды означала практически смертный приговор и многих из них до смерти затравливали в каменоломнях.

Всего имелось 14 крупных и некоторое число мелких концлагерей. К ним нужно прибавить 500 «трудовых лагерей», которые обслуживали предприятия; в них концлагеря поставляли заключенных в качестве рабочей силы.

Освальд Польш был начальником административно-хозяйственного управления СС, в задачу которого входила координация использования заключенных из трудовых лагерей.

Как явствует из сводки, составленной для Гимmlера эсэсовским генералом Освальдом Полем", с 1 июля 1942 по 30 июня 1943 года в концлагерях скончалось 110812 заключенных [79]. Но лагеря не стояли пустыми – «убыль» постоянно восподнялась новыми поставками. В августе 1943 года общее число узников концлагерей равнялось 224000, а через год – 524000 человек (без транзитных лагерей) [80]. Большинство заключенных умирало от эпидемий, в особенности от сыпняка, передаваемого вшами. Для борьбы с сыпняком применяются – наряду с другими веществами – циклон Б, содержащий синильную кислоту инсектицид, из которого мифотворцы еврейского геноцида сделали позже средство уничтожения людей.

Если забыть о хаосе последних месяцев войны, то самым тяжелым временем в лагерях были лето и начало осени 1942 года. В эти месяцы в Освенциме иногда ежедневно умирало от сыпняка более 300 человек. Так как именно в данный период в Освенцим непрерывно доставляли евреев из разных стран Европы, то жертвами эпидемии, несомненно, пали многие из них, позже объявленные погибшими в газовых камерах. Жертвы были и среди эсэсовцев. В истории можно найти параллели к эпидемической смертности в нацистских концлагерях, например, из периода гражданской войны в США. В лагерях в

Кэмп Дугласе и Рок Айленде в месяц умирало от 2 до 4 процентов военнопленных, а в Андерсонвиле, где находился лагерь для северян, из 52000 интернированных скончались 13 тысяч солдат [81]. Почти все они умирали от эпидемий, с которыми не могло справиться лагерное начальство. Однако даже эти страшные цифры меркнут по сравнению со смертностью в некоторых сталинских лагерях. Из 25000 советских греков, сосланных в полярный лагерь Воркуты, в живых через полгода осталось всего 600 человек [82]. Эта массовая гибель, несомненно, была вызвана северными морозами.

Учитывая большое экономическое значение для нацистской Германии труда заключенных, ответственные за него всемерно стремились к снижению смертности. В соответствии с этим управление СС в Ораниенбурге разослало 23 декабря 1942 года врачам и начальникам всех лагерей следующий циркуляр [83]:

«Лагерные главврачи должны использовать все доступные для них средства для существенного сокращения смертности в отдельных лагерях... Лагерным врачам надлежит строже, чем раньше, контролировать питание заключенных и вносить, с согласия комендантов, предложения по его улучшению. Эти предложения не должны оставаться на бумаге, а постоянно проверяться лагерными врачами. Далее лагерным врачам надлежит озаботиться улучшением условий труда на отдельных рабочих местах... Рейсфюрер СС приказал добиться неуклонного снижения смертности...»

Гуманные соображения играли, разумеется, второстепенную роль, главным в усилиях по снижению смертности было сохранение необходимой рабочей силы. Действительно, в 1943 году положение в лагерях существенно улучшилось и стало менее тревожным, однако в Освенциме в августе того же года умерло 2380 заключенных, т.е. по 80 человек в день [84]

Наибольшая смертность в лагерном комплексе Освенцима наблюдалась в Биркенау, лагере, который – как уже говорилось – был устроен для военнопленных, но затем все больше превращался в лагерь для больных. В Биркенау из основного лагеря Освенцима, Моновица и многочисленных филиалов направлялись больные и другие нетрудоспособные ээки (например, старики и цыгане, ибо последние, независимо от состояния здоровья, рабочими не считались). Поскольку при эпидемии сыпняка смертность в Биркенау была действительно чрезвычайно высока, то этот лагерь с полным правом можно было именовать «лагерем смерти». Из «лагеря смерти», где – наряду с неизвестным числом, исчислимым, несомненно, сотнями числом казненных и убитых – 100-120 тысяч человек умерло, вероятно, от эпидемий и истощения, легенда о геноциде евреев создала «лагерь уничтожения», в котором в газовых камерах погибло (в зависимости от пишущего) от одного до трех миллионов жертв.

Для складирования умерших от эпидемий в Биркенау и в главном лагере были выстроены надземные и подземные морги, а для сжигания-крематории. Шаманы геноцида превратили морги в газовые камеры, а крематории для

сжигания умерших – в крематории для сжигания отравленных газом. Даже душевые были – по крайней мере, частично – превращены в газовые камеры. Циклону Б, средству для борьбы с насекомыми, в мифе о геноциде отведена двойная роль: санитарная (борьба с насекомыми) и преступная (массовое уничтожение евреев). Сортировка на трудоспособных и нетрудоспособных была превращена в селекцию для газовых камер. Так возникла ложь об Освенциме, приведшая в нашем столетии к серьезным последствиям.

№ 9934/1942 C1

Auschwitz, den 9. Juni 1942

Die Ernestine Hochfelder geborene Lippner

mossaisch

wohnhaft Visoka Nr. 340, Kreis Cadca, Slowakei

ist am 4. Juni 1942 um 11 Uhr 20 Minuten

in Auschwitz, Kasernenstraße verstorben.

Die Verstorbene war geboren am 11. Februar 1872

in Tursoyka, Kreis Cadca

(Standort) Nr.)

Vater: Emanuel Lippner, zuletzt wohnhaft in Tursoyka

Mutter: Anna Lippner geborene Schizak, zuletzt wohnhaft in Tursoyka

Die Verstorbene war nicht verheiratet mit Heinrich Hochfelder

Beigetragen auf mündliche schriftliche Anzeige des Arztes Doktor der Medizin von Podman in Auschwitz vom 4. Juni 1942

—D— Anzeigende

Vergessen, genehmigt und unterschrieben

Die Übereinstimmung mit dem Ertrich wird bezeugt.

Auschwitz, den 9. 6. 1942

Der Standesbeamte in Vertretung Der Standesbeamte in Vertretung Quakerack

Tafelrunde: Alters- und Körperschulche

Entscheidung des Verstorbenen am

(Standort)

Иллюстрация 10а.

Метрическое свидетельство о смерти узника-еврея. Легенда отрицает существование подобных документов, поскольку в соответствии с легендой, нетрудоспособных узников уничтожали сразу, без регистрации.

Абсурдное представление, будто нацисты убивали миллионы здоровых людей (по легенде, в Освенциме и Майданеке евреев отбирали, а в четырех других «настоящих лагерях уничтожения» их убивали) как раз тогда, когда они особенно нуждались в рабочей силе, заставляет то одного, то другого борзописца холокоста придумывать несуразные объяснения. Например, Арно Майер дописался до того, будто в СС шла фракционная борьба между «уничтожителями» и «использователями» [85]. Естественно, с этой фиктивной борьбой лучше Майера никто не знаком.

В конце 1944 года ситуация во всех лагерях сильнейшим образом ухудшилась, а в последние месяцы войны настала полная катастрофа. Когда незадолго до окончания войны англичане и американцы освобождали один за другим концлагеря, их встречали кошмарные сцены: тысячи непогребенных трупов, тысячи умирающих узников. Фотографии этих сцен обошли весь мир как доказательство беспримерного геноцида, хотя на самом деле смерть людей не имела ничего общего с политикой сознательного уничтожения, о чем хорошо видно по лагерной статистике, в данном случае умерших в Дахау [86]:

1940 – 1515,
 1941 – 2576,
 1942 – 2470,
 1943 – 1100,
 1944 – 4794,
 1945 – 15384 человек

Следовательно, за последние четыре месяца войны в Дахау умерло больше заключенных, чем за все 1940-44 военные годы! Да и после освобождения лагеря американцами в нем скончалось более 2000 узников. Подобная массовая смертность имела свои причины:

1). Вместо того, чтобы оставлять эков в лагерях на востоке, к которым подходила Красная армия, нацисты эвакуировали их на запад, главным образом здоровых и трудоспособных. Делалось это для того, чтобы СССР не достался ни один солдат и ни один рабочий. Поскольку транспортные артерии были в основном разбомблены, то многих заключенных в Германию неделями гнали пешком суровой зимой, по морозу и снегу, отчего большая часть этих

людей не дожила до конца войны. В лагерях, куда напихали эвакуированных, не хватало всего: барачков, сортиров, пищи, лекарств.

2). С осени 1944 из восточных районов, захваченных Красной армией, на запад устремились миллионы беженцев. В это же самое время англо-американские бомбардировщики безжалостно уничтожали немецкие города и разрушали инфраструктуры. Чак Иджер, впервые преодолевший звуковой барьер, пишет в своих воспоминаниях, что его эскадрилье было приказано обстреливать все живое на территории в 50 квадратных миль [87]:

«Не так-то просто отделить в Германии невинных гражданских лиц от военных. Немецкую армию кормил крестьянин на картофельном поле».

Западные союзники хотели бомбардировками довести немцев до голода, а немцев упрекали, что они в лагерях плохо кормили заключенных! Тем не менее, в лагерях освободители встречали наряду с горами трупов и ходячими скелетами также десятки тысяч относительно здоровых и упитанных узников. Много подобных нормальных по весу и внешне здоровых эков можно видеть в фильме об освобождении Освенцима, снятом советскими кинооператорами и ежедневно демонстрируемом в музее этого лагеря.

Для примера возьмем Флоссенбург [88]. Лагерь при постройке был рассчитан на 40000 заключенных. Как и в других лагерях, одежду поступавших подвергали дезинфекции (во Флоссенбурге не циклоном Б, а горячим паром. Возможно, этот способ дезинфекции породил легенду о паровых душегубках, которая одно время успешно конкурировала с мифом о газовых камерах). С марта 1945 года во Флоссенбург доставляли все больше заключенных, эвакуированных из восточных лагерей, что сделало дезинфекцию практически невозможной. Пошли эпидемические заболевания. Вдобавок все железнодорожные пути были разрушены бомбардировками союзников. Прекратилось снабжение даже хлебом, ибо его привозили с другого берега Дуная, мосты через который были уничтожены. К эпидемиям присоединился голод, и смерть стала пожирать среди узников богатый урожай. Горы трупов, обнаруженные освободителями, были представлены пропагандой как трупы умерщвленных или погибших в газовой камере, которую выдумали и для Флоссенбурга.

Другой пример – Берген-Бельзен [89]. Из-за военных действий в лагере было размещено втрое больше заключенных, чем предусматривалось при его постройке. С эвакуированными в него пришли тиф и дизентерия. По словам Эриха Керна, перед начальником лагеря Йозефом Крамером встала альтернатива [90]:

«Выпустить на свободу эту голодную, заразную толпу, после чего она ринется в близлежащие города и деревни, или ожидать подхода англичан. В лагере находились не только евреи, сектанты или политические, но и уголовники. Вот почему Крамер решился на жестокое ожидание».

Вместо того, чтобы во время уйти и смыться, Крамер, явно не чувствуя никакой вины, ждал англичан. За это он поплатился жизнью и был в

бульварных газетах описан как «зверь из Берген-Бельзена».

Особый ЗАГС в Арользене (ФРГ) регистрирует все документально подтвержденные смерти в концлагерях. Таковых на конец 1990 года насчитывалось [91]:

Маутхаузен – 78851

Освенцим – 57353

Бухенвальд – 20686

Дахау – 18455

Флоссенбюрг – 18334

Штутгоф-12628

Грос-Розен– 10950

Майданек – 8826

Дора-Миттельбау – 7467

Берген-Бельзен – 6853

Нойенгамме – 5780

Заксенгаузен-Ораниенбург – 5013

Нацвейлер (Штрутгоф) – 4431

Равенсбрюк – 3640

В статистике представлен и Терезиенштадт (29339 погибших), хотя он был не лагерем, а гетто, в основном для пожилых и привилегированных евреев.

Если бы число погибших заключенных захотели на несколько тысяч уточнить, то лучше всего это могли бы сделать в Арользене, где документов больше, чем где-либо. Однако Арользен подчинен германскому правительству, которое исторической правды боится как черт ладана. Поэтому в архив не допускаются независимые эксперты (даже из Израиля), а в издаваемых брошюрах распространяется наглая ложь, будто документы «лагерей уничтожения» не сохранились. Таких документов действительно нет, ибо эти «лагеря» пропагандистская выдумка, о чем лучше всего известно самим лжецам из Арользена.

В Арользене напоминают, что данная статистика не отличается полнотой документация из некоторых лагерей не сохранилась и не учтены смертные случаи зарегистрированные в других ЗАГСах.

По нашему мнению, цифры относительно Дахау и Бухенвальда вполне достоверны: 30-32 тыс. в первом и 33 тыс. – во втором лагере. В 1990 год Советский Союз допустил Красный Крест к книгам регистрации смертей Освенциме, которые раньше держались в секрете. Они (с некоторыми лакунами охватывают период с августа 1941 до декабря 1943 года (местонахождение остальных книг пока неизвестно) и содержат 74000 фамилий, в связи с чем общее число жертв Освенцима максимально могло равняться 150 тыс. человек. Из приведенных цифр методом интерполяции можно установить, что в 1933-45 гг. нацистских концлагерях погибло, вероятно, 600-800 тыс. человек от эпидемий голода, пыток, казней и убийства, эвтаназии больных и какое-то число – от медицинских опытов.

Евреи среди этих жертв составляли не большую, но довольно значительную часть. Судя по всему, больше всего евреев погибло не в лагерях, а в гетто от голода и болезней, во время боевых действий, акций айнзатц-команд и при нелепой эвакуации в последние месяцы войны.

Здесь необходимы два замечания:

1). Доказано, что опыты в лагерях были, но, несомненно, их жестокость была позднее сильно преувеличена. Зверства, приписываемые д-ру Менгеле, безусловно, являются выдумкой. Свидетели, которые сообщают о них, рассказывают, разоблачая свою лживость, также о газовых камерах.

2). Наряду с 14 крупными лагерями и сотнями их транзитных пунктов и филиалов имелось – особенно в Польше – большое число мелких лагерей. У нас нет данных о числе жертв в них, однако можно предположить, что только в польских трудовых лагерях умерли десятки тысяч. Если учесть послевоенные преступления, то на счету союзников их, безусловно, не меньше, чем у немцев. Это прежде всего целенаправленно практиковавшееся американцами обречение пленных на голодную смерть (см. «Запланированная смерть» канадца Джеймса Бэка, хотя приводимые им цифры сильно завышены) Массовым убийством гражданского населения в Германии и Японии без всякой военной целесообразности были также ковровые бомбардировки союзников. Хотя уничтожению немцами Варшавы нет оправдания, гражданское население из нее было однако предварительно эвакуировано.

Всех этих преступлений было бы маловато для дискриминации и деморализации немецкой нации в течении десятилетий. Обвиняемые могли бы задавать недоуменные вопросы: разве не англичане придумали концлагеря, загубив в них во время англо-бурской войны 20000 мужчин, женщин и детей? Имеют ли право нас судить те, кто виновен в массовых казнях польских офицеров в Катыни, в бессмысленном с военной точки зрения уничтожении Дрездена перед самым концом войны, в атомной бомбардировке уже готовой капитулировать Японии? А разве изгнание немцев из восточных областей из Судет не стоило 1,5-2 млн. жертв и не проводилось с гораздо большей жестокостью, чем изгнание евреев в 1933-41 годах? Не лучше ли подвести черту под ужасами войны, а не упрекать друг друга в преступлениях?

На эти вопросы у союзников не было ответа. И, чтобы сломить моральный дух немецкого народа и годами шантажировать Германию, они придумали преступление, которое действительно было страшнее, чем свершенное в Катыни, Дрездене, Хиросиме и Нагасаки, страшнее, чем изгнание немцев с Востока и из Судет. Они придумали самое ужасное и гнусное деяние за всю историю человечества; они придумали холокост – массовое истребление беззащитных людей в газовых камерах.

О людских мельницах и огненных рвах

Величайшая ложь всех времен родилась в 1942 году. Как уже говорилось, Наум Голдман предсказал в Нью-Йорке, в мае того года, что в Европе из 8 миллионов евреев после войны останется не более двух-трех. В сходном духе высказалась 20 декабря газета «Нью-Йорк таймс» (далее НЙТ):

Цитаты из газеты приводятся по книге Батца без ссылок на страницы.

«В начале декабря 1942 года Министерство иностранных дел в Вашингтоне опубликовало статистику, согласно которой число евреев, депортированных и погибших в контролируемых державами оси частях Европы, достигло страшной цифры в два миллиона человек и остальным пяти миллионам также грозит уничтожение.»

Таким образом в общем виде была задана цифра в 6 млн. уничтоженных евреев. Как пишет Батц, в НЙТ, начиная с 1943 года, все время появлялись сообщения об уничтожении европейских евреев. В ряде случаев в их основе лежали подлинные факты: действительно, немцы убили на Востоке много евреев. В подобных случаях задача сионистов и их рупоров, таких как НЙТ, заключалась только в раздувании числа жертв. Однако большинство сообщений было чистой выдумкой. Во время войны сионисты поставляли в Министерство иностранных дел глупейшие истории об ужасах, подталкивая к их «признанию», что министерство делало лишь от случая к случаю и довольно неохотно.

Наряду с газовыми камерами страницы НЙТ кишели огромным числом иных способов убийства. Так, 30 июня 1942 газета сообщала:

«Согласно информации, поступившей в (Всемирный еврейский) конгресс, евреи в массовом количестве депортируемые в Центральную Польшу из Германии Австрии, Чехословакии и Голландии, расстреливаются экзекуционными командами по 1000 человек в день».

Массовые расстрелы происходили якобы на некой «бойне». Уже в конце войны об этом расстрельном доме позабыли, зато камеры, где людей убивали паром, имели гораздо больший успех. 8 августа 1943 НЙТ высасывала из пальца байки о них: «Когда камеры заполнены, они закрываются и опечатываются. Пар поступает через отверстия и начинает душить жертвы...»

Эта бездарная выдумка была подхвачена Нюрнбергским трибуналом, обвинившим немцев в том, что они умертвили в Треблинке паром сотни тысяч евреев. Паровые камеры смерти, однако, быстро, вместе с расстрельным домом, очутились на свалке истории. Неудача постигла и станции отравления крови, которых НЙТ извещала 7 февраля 1943 года: «... в сельской местности сооружаются газовые камеры и станции отравления крови...»

Серьезную конкуренцию газовым камерам составили не расстрельные дома, не паровые камеры и станции отравления крови, а места казни, где людей убивали током. В книге «Последний еврей из Польши» Стефана Сенде в одном месте описывается людская мельница в Белзеце, где нашли смерть миллионы евреев. Сенде ссылается на доверенное лицо по имени Адольф Фолькман, последнего еврея из Польши, пережившего тысячу погромов.

Эта книга заслуживает стать классической – ее автор приложил много усилий, чтобы его шедевр не был забыт [92]:

"Уничтожение клопов и вшей тоже требует определенной техники. Никто не сомневается, что немцы – технически высокоодаренный народ. Среди них имелись инженеры смерти. От фюрера и главы СС они получили приказ технически решить проблему. И они ее решили. Они достигли высокого уровня ... Людская мельница занимает территорию диаметром около 7 километров. Эта территория защищена колючей проволокой и другими средствами безопасности. Никто не мог подойти к ней близко. И никто не мог выйти из нее...

Наполненные евреями составы по тоннелю въезжали в подземный сектор места казни... С евреев снимали всю одежду. Вещи тщательно сортировались, проходили инвентаризацию и, конечно, использовались для нужд господствующей расы. Позже, чтобы избежать этой сложной и требующей времени работы, люди в транспортах доставлялись голыми.

Нагишом евреев переводили в огромные помещения. В них за раз могли разместиться тысячи человек. Окон не было, помещения были металлическими с опускающимся полом.

Пол с тысячами евреев опускался в находящийся под ним бассейн так, чтобы люди лишь частично были в воде. Когда евреи оказывались по колено в воде, по ней пропускался электрический ток. Через несколько секунд все были мертвыми, тысячи за один миг.

Затем металлический пол поднимался из воды. На нем лежали трупы казненных. Снова включался ток и металлическая платформа превращалась в саркофаг-крематорий, пышущий жаром до тех пор, пока трупы не обращались в пепел.

Затем мощные краны поднимали этот огромный саркофаг и пепел высыпался. Большие фабричные трубы удаляли дым. Процедура была окончена. У въезда в тоннель стоял в ожидании следующий состав с евреями.

Отдельные составы доставляли от 3 до 5 тысяч, а то и больше евреев. Бывали дни, когда по ветке в Белзец проходило двадцать и более подобных составов. Под нацистским руководством современная техника праздновала триумф.

Проблема казни миллионов людей была решена."

Симону Визенталю не хватает силы поэтического воображения Сенде и его вариант людской мельницы в Белзце заметно слабее [93]:

«Плотная толпа, подгоняемая эсэсовцами и украинцами, бежала через открытые двери в „баню“, которая за раз могла вместить 500 человек. Пол „бани“ был металлическим, на потолке виднелись головки душа. Когда помещение наполнялось, эсэсовцы подключали к металлической платформе ток силой в 5000 вольт. Одновременно в душ подавалась вода. Немного криков, и казнь свершилась. Эсэсовец-главврач Шмидт констатировал в глазок смерть; открывалась другая дверь входила „трупная команда“ и быстро

выносила мертвых. Освобождалось мест для следующих 500 человек.»

Согласно Визенталю, трупы убитых не кремировались в раскаленном саркофаге крематории, как пытается нас убедить Сенде; палачи употребляли их в страшных целях. Они делали из них мыло сорта RIF («Rein jüdisches Fett» /"чисто еврейски жир"/, хотя данное сокращение на самом деле означало «Reichsstelle für industrielle Fettversorgung», т.е. «Управление Рейха по снабжению промышленности жиром» [94].

"В последнюю неделю марта (1946 г.) румынская пресса опубликовал сенсационное сообщение: на еврейском кладбище, в румынском городке Фолтиченя были торжественно, с соблюдением обычных траурных церемоний, преданы земле 20 ящиков мыла... На ящиках было написано «RIF – Rein jüdisches Fett».

Удивления достойно только одно: основательные немцы забыли уточнить, откуда добыт жир из детей, девушек, мужчин или стариков... Страшное выражение "Транспорт на мыло!" впервые появилось в конце 1942 года. Это произошло в генерал губернаторстве, фабрика же находилась в Галиции, в Белзеце. На ней с апреля 1942 по май 1943 сырьем стали 900 000 евреев...

С 1942 года в генерал-губернаторстве было хорошо известно, что значит мыло RIF. Цивилизованному миру не понять, вероятно, удовольствие, с каким нацисты и их жены в генерал-губернаторстве относились к этому мылу. В каждом куске мыла они видели еврея, которого заколдовали и которому таким образом помешал сделаться вторым Фрейдом, Эрлихом или Эйнштейном. Этим мылом, возможно, отмывались пятна крови и убийства. Однако пятно удалить нельзя. Оно остается, обвиняет... Немец – чистюля и часто моется. Нацисты проповедовали чистоту тел; ничего не желая знать о чистоте души...

Погребение мыла в румынском городе кажется чем-то сверхъестественным. Оно умиряет боль, скрытую в этом кусочке до обычного употребления, разрывает окаменевшее сердце человека XX века, в атомном мире возврат в мрачную кухню средневековых ведьм воспринимается как некий призрак. И все же это правда!"

За подобные литературные подвиги Визенталь был по праву осыпан обильным почестями. Особенно, конечно, его порадовала золотая медаль им. Отто Гана, врученная в декабре 1991 года в Берлине. Медалью награждают «за выдающиеся заслуги в деле мира, взаимопонимания между народами и примирения между ними», и, разумеется, никто не рискнет оспаривать, что легенды Визенталья в высшей степени отвечают делу мира, взаимопонимания и примирения между народами. Канцлер Коль по достоинству оценил труд жизни Визенталья и выразил изготовителю мыла свое «особое почтение». Еще приятнее было бы для Визенталья услышать те же я слова из уст шведского короля при вручении Нобелевской премии мира, но он ее – по крайней мере пока – не получил. Зато ее обладателем стал Эли Визель за опус, напоминающие нижецитируемые. В них писатель описывает свой первый вечер Освенциме, где он, напомним, находился с апреля 1944 по январь 1945

года. За восемь месяцев газовых камер он не видел и о них ничего не слышал. Зато с увидел то, что никто кроме него не заметил [95]:

“Неподалеку от нас из рва подымалось пламя, огромное пламя. Там что-то жгли. К краю рва подъезжал грузовик и вываливал груз. Это были маленькие дети. Малыши! Да, я их видел своими глазами... Дети – в огне (понятно, почему с той поры сон бежит от меня?). Там будем и мы. Чуть поодаль должно быть находился ров для взрослых... «Отец, – сказал я, – если все так, я не хочу более ждать. Я брошусь на колючую проволоку под током. Это лучше, чем часами гореть в огне...»

Часами гореть в огне и броситься на колючую проволоку под током Визелю, к счастью, не пришлось:

«Наша колонна прошла около 15 шагов. Я закусил губы, дабы отец не слышал, как стучат мои зубы. Еще десять шагов. Восемь, семь. Мы движемся медленно, как будто идем за дрогами на собственных похоронах. Осталось всего четыре шага. Три. Огненный ров был почти рядом. Я собрал все оставшиеся во мне силы, чтобы выбежать из шеренги и броситься на колючую проволоку. В глубине своего сердца я прощался с отцом, всем миром и невольно бормотал губами: „Итгадад вейткадах хме раба...“ „Да возносится и святится имя Его“. Казалось, мое сердце разорвется. Пора... Я стоял пред лицом ангела смерти... Нет. За два шага до рва я велел себе отойти и нас погнало назад в барак».

Слово «крематорий» во французском издании Мейер-Класон постоянно переводит как «газовая камера». Например, на стр. 53 немецкого перевода сказано: «Бедняжки, вы идете в газовую камеру», тогда как по-французски написано: «*Malheureux, vous allez au crématoire*». Так работают фальсификаторы. Мейер-Класону разумнее было бы отклонить предложение издательства переводить именно таким образом, но еще лучше бы, если бы он отказался сразу от перевода. Классному переводчику латиноамериканской литературы вообще не к лицу заниматься благоглупостями Визеля. Если же это невозможно, то рекомендуем впредь переводить под псевдонимом.

Китти Гарт в книге «Я все-таки жив» иначе вспоминает о массовых убийствах в Освенциме [96]:

«Я сам был свидетелем убийств и не одного человека, а сотен людей, невинных людей, которые, ничего не подозревая, были свезены в большой барак. Один момент я никогда не забуду. Снаружи, около низкого здания, была лесенка, ведшая к маленькому люку. По ней быстро поднимался человек в форме эсэсовца. Поднявшись, он надел противогаз и перчатки, потом одной рукой поднял люк, а другой вытащил из кармана пакет, содержимое которого – белый порошок быстро высыпал вниз, после чего не медля закрыл люк. Человек молниеносно спустился, бросил лесенку на траву и убежал, как будто преследуемый бесами. В тот же миг послышался страшный рев, отчаянные вопли задыхающихся людей... Приблизительно через пять – восемь минут все они были мертвы».

Слово «крематорий» во французском издании Мейер-Класон постоянно переводит как «газовая камера». Например, на стр. 53 немецкого перевода сказано: «Бедняжки, вы идете в газовую камеру», тогда как по-французски написано: «Malheureux, vous allez au crématoire». Так работают фальсификаторы. Мейер-Класону разумнее было бы отклонить предложение издательства переводить именно таким образом, но еще лучше бы, если бы он отказался сразу от перевода. Классному переводчику латиноамериканской литературы вообще не к лицу заниматься благоглупостями Визеля. Если же это невозможно, то рекомендуем впредь переводить под псевдонимом.

Поскольку белый порошок – о котором химикам ничего не неизвестно – в Освенциме, вероятно, иногда кончался, то эсэсовцы прибегали к иным способам убийства. О них рассказывает Эжен Аронеану в «Свидетельстве очевидца» [97]:

«На расстоянии 800-900 метрах от места, где стояли печи, заключенные садились в вагонетку, двигавшуюся по рельсам. Вагонетки в Освенциме были разных габаритов и могли вместить 10-15 человек. Когда вагонетка заполнялась, она начинала катиться вниз и на полной скорости въезжала в туннель. В конце туннеля находились ворота, а за ними печь. Когда вагонетка ударяла в ворота, они автоматически отворялись. Вагонетка опрокидывалась и выбрасывала в печь груз из живых людей».

В отличие от приведенного «Свидетельства очевидца» Зофия Коссак в книге «Господи, из глубины воззвах» описывает газовые камеры, куда, по ее словам, циклон Б не «бросали», а он проникал через отверстия в полу [98]:

«Резкий звонок и тотчас из отверстий в полу начал подниматься газ. С балкона, с которого можно было видеть двери, эсэсовцы с любопытством наблюдали борьбу со смертью, метания и судороги обреченных. Для садистов то был спектакль, который им никогда не надоедал... Борьба со смертью длилась 10-15 минут... Мощные вентиляторы удаляли газ. Появились члены зондеркоманды в противогазах, открыли двери напротив входа, рядом с которыми располагалась эстакада с вагонетками. Команда загружала вагонетки в большой спешке. Остальные ждали. Часто бывало, что мертвые оживали. Применявшаяся доза парализовала, а не убивала. Трупы на вагонетках иногда снова приходили в себя... Вагонетки катились по эстакаде вниз и вываливали в печи свой груз».

Обвинение и доказательства

"Во время войны Всемирный еврейский конгресс создал в Нью-Йорке Институт еврейских проблем, который ныне размещается в Лондоне. Его руководителями

были два замечательных литовских еврея: Якоб и Неэмия Робинсоны. Их идеи стали основой двух совершенно революционных идей: Нюрнбергского трибунала и немецкой компенсации евреям.

Сейчас значение Международного Нюрнбергского трибунала оценивается не совсем верно, поскольку согласно действовавшему тогда международному праву военные, подчинявшиеся приказу, наказанию не подлежали. Автором необычной, сенсационной идеи был Якоб Робинсон. Когда он поделился ею с юристами Верховного суда США, они сочли его безумцем: «Что натворили нацистские офицеры?» – спрашивали они. «Можно еще представить, что перед судом предстанет Гитлер, ну Геринг, но не простые же военные, исполнявшие приказы и поступавшие как верные солдаты?» Нам пришлось много потрудиться, чтобы убедить союзников; англичане возражали сильно, французы держались спокойно, и хотя позже они тоже поддержали, большой роли они не играли. В конце концов мы победили, так как Робинсону удалось убедить Роберта Джексона, судью Верховного суда ".

Наум Голдман "Еврейский парадокс " [99]

В наши дни ни один историк больше не верит в людские мельницы Сенде, электродуши Визенталя и фабрики по изготовлению из евреев мыла, в огненные рвы Визеля, смертоносный порошок Гарта и вагонетки с людьми Аронеану. Согласно современной «правоверной» историографии, массовое уничтожение евреев свершалось следующим образом:

в СССР посредством расстрелов и душегубок, работавшими на выхлопных газах, в лагере смерти в Хелмно – в душегубках, в стационарных газовых камерах лагерей смерти Освенцима, Майданека, Белзеца, Собибора и Треблинки

Никто из ревизионистов не отрицает массовых расстрелов на Востоке как евреев, так и неевреев, спорят лишь о числе жертв. В 16-й главе мы разбираем вопрос о душегубках, которым пропаганда холокоста отводит лишь второстепенную роль. Главное – это газовые камеры, на них стоит весь геноцид, ибо желающему истребить народ требуется смертоубийственное оружие.

В книге «Преследование евреев в Третьем рейхе» Вольфганг Шефлер, «специалист по холокосту», приводит для «лагерей уничтожения» такие «минимальные цифры» [100]:

Освенцим – «гораздо более 1 млн.»

Треблинка – 750 000

Белчец – 600 000

Хелмно – 300 000

Собибор – 250 000

Майданек – 250 000

Так как евреями в Освенциме и Майданеке была, очевидно, большая часть, а в других «четырех настоящих центрах уничтожения» – все узники, то, судя по таблице, в шести лагерях смерти газом было убито более трех миллионов евреев. Если сравнить статистику Шефлера со статистикой Арользена, то выяснится, что в последней по Освенциму и Майданеку указана только часть предполагаемых жертв и ничего не сказано о четырех «настоящих лагерях смерти» и потому нет ни слова об уничтоженных там 1,9 млн. евреев!

Какие же доказательства приводятся в отношении убийства более 3 млн. евреев в шести лагерях уничтожения? «Доказательства», которые на обычном неполитическом процессе об убийстве признал бы суд, действующий согласно правовым нормам. Обвинению на подобном процессе нужен по крайней мере труп, а если его нет, то четкие доказательства того, что совершенно определенный человек был убит и его труп ликвидирован; затем экспертиза орудия убийства: револьвера, ножа, молотка или топора. Экспертиза требуется даже в том случае, если есть свидетели и обвиняемый сознался в преступлении.

Ни одного из таких доказательств, нужных в любом обычном процессе об убийстве, нет в деле о 3 млн., убитых в шести «лагерях уничтожения». Нет в частности:

ни одного документа о плане истребления евреев или о строительстве газовых камер; массовых захоронений жертв холокоста; врачебного свидетельства о вскрытии хотя бы одного узника, убитого газом; экспертизы орудия убийства. Хотя она требуется в любом преступлении с револьвером, на процессах, где речь шла об убийстве шести миллионов, ее сочли излишней. списков, по крайней мере подлинных, с фамилиями убитых. «Центр современной еврейской документации» в Париже подал лишь фиктивные списки. В них под именем Симоны Жакоб, родившейся 13 июля 1927 года [101], фигурировала Симона Вейль, президент Европейского парламента, которая по сей день (весна 1993 г.) жива и здорова.

На чем же, собственно говоря, основано обвинение, будто немцы уничтожил" газом, как вредителей, миллионы евреев, свершив таким образом страшнейшее злодеяние в мировой истории? Обвинители приводят свои «доказательства»:

цитаты из Гитлера и других нацистских бонз, которые угрожали евреям

уничтожением, протокол от 20 января 1942 г. конференции в Ваннзее; записки Герштейна; признание Рудольфа Гёсса, коменданта Освенцима, предъявленное в Нюрнберге. На нем стоит весь холокост; другие обличительные материалы Нюрнбергского процесса; приговоры германских судов в лагерных процессах, основанные на показаниях свидетелей и в отдельных случаях – на признаниях обвиняемых; рассказы бесчисленных очевидцев.

Не будучи доказательством в юридическом плане, весьма большое впечатление в качестве улики производит демографическая статистика. «Куда, простите, делись 3 млн. евреев, живших до войны в Польше, если они не сгнули в газовых камерах? Они что, спрятались в Китае?» с издевкой вопрошает проф. Рауль Гильберг [102].

Поговорим серьезно об этих «доказательствах».

На первом «доказательстве» – высказываниях нацистских руководителей – мы остановимся лишь вкратце, поскольку угроза убить не есть еще доказательство в пользу действительно потом свершенного убийства, и кроме того данный вопрос столь убедительно разобран Батцом [103] и Штеглихом [104], что нам достаточно изложить их важнейшие аргументы.

В последней главе второй части «Майн кампфа» Гитлер писал [105]:

«Если бы в начале или в ходе войны 12 или 15 тысяч этих евреев, растлителей народа так пострадали от ядовитого газа, как пострадали на фронте сотни тысяч наших лучших немецких тружеников разных сословий и профессий, то военные жертвы не были бы напрасными».

Действительно, страшная угроза! Однако логика цитаты и число ликвидируемых в 12-15 тысяч человек показывает, что Гитлер в данном случае говорит не о желательном истреблении евреев в целом, а только о ликвидации марксистских (в основном, действительно, евреев) вожаков, которые, по его мнению, были виновны в поражении Германии во Второй мировой войне («легенда об ударе в спину»).

Почти во всех книгах по истории имеется ссылка на речь Гитлера от 30 января 1939 года, в которой диктатор заявил [106]:

«Если международным еврейским финансистам в Европе и за ее пределами удалось бы еще раз ввергнуть народы в мировую войну, то результатом был бы не захват большевиками планеты и, следовательно, победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Это, несомненно, явная угроза уничтожения, и ее Гитлер неоднократно повторял в ходе войны. Однако следует помнить, что воинственные речи были присущи нацистскому движению с момента его становления в борьбе с крайне левыми противниками в ходе схваток в залах и на улице, и потому слова «разрушить», «истребить» и «уничтожить» никогда не сходили с уст у национал-социалистов. Соответствующих высказываний много было и у союзников: так, в день объявления войны Черчилль заявил, что ее цель – «уничтожение Германии». Никому и в голову не пришло обвинить Черчилля в

планах физического истребления немецкого народа. Во время войны подобные заявления были повсеместным явлением.

Неопровержимым доказательством уничтожения евреев выглядит завещание Гитлера от 2 апреля 1945 года, где сказано: «В мире, морально все сильнее отравляемом еврейским ядом, должен наконец одержать верх нечувствительный к этому яду народ. В этом смысл надо вечно быть благодарным национал-социализму за то, что он искоренил евреев Германии и в Центральной Европе» (цитируется по книге Когона-Лангбайна-Рюккерля, с. 297. Я исхожу из предположения, что завещание не является подделкой, хотя этим вопросом не занимался).

В современном языке «искоренить» означает «физически уничтожить, убить», но прежде это слово имело также смысл «вытеснить». Гитлер, например, в первой главе «Майн кампф» (1933, С. 13 – 14) пишет, что немцам в монархии Габсбургов угрожало «медленно искоренение», не имея в виду, конечно, будто император Франц-Йозеф намеревался отправить в газовые камеры 10 млн. немцев, а лишь опасность вытеснения немцев славянами. Хвастаясь в завещании, что он искоренил евреев из (а не в) Германии Центральной Европы, Гитлер подразумевал изгнание большинства в Россию. Правда, это «искоренение» (т.е. вытеснение) удалось ему лишь отчасти, ибо в конце Третьего рейха одном Берлине относительно свободно жили еще тысячи евреев.

Используя эту цитату Гитлера в качестве доказательства холокоста, экстерминисты впадают в совершенно неразрешимое противоречие. Когда их спрашивают, отчего нет ни одного документа по газовым камерам и нет массовых захоронений жертв холокоста, они отвечают, что нацисты хотели сохранить геноцид в тайне и потому с одной стороны отдавали приказы об убийствах устно, а с другой – ликвидировали все трупы уничтоженных газом, если следовать этой логике, то Гитлер неосторожно раструбил всему миру о планах геноцида!

В пропагандистской литературе чрезвычайно часто цитируются и отрывки из двух кровожадных речей Гимmlера, произнесенных или якобы произнесенных 4 и 6 октября 1943 года в Познани. В первой речи рейхсфюрер, мол, заявил следующее [107]:

«Я хочу со всей откровенностью здесь поведать вам о довольно трудном вопросе Мы должны быть совершенно откровенны меж собой, но никогда не говорить об этом в открытую... В данном случае я имею в виду эвакуацию евреев, истребление еврейского народа. О таких вещах говорят легковесно. „Ясно, что еврейский народ – заявляет каждый партайгеноссе, – уничтожается; мы занимаемся изоляцией истреблением евреев, как значится в нашей программе“. Возьмем 80 миллионов бравых немцев – у каждого есть свой приличный еврей. Этот еврей – отличный человек, хотя остальные,

понятно, свиньи... У нас есть моральное право, обязанность по отношению к нашему народу, уничтожить народ, который хотел нас погубить .»

Через два дня Гиммлер якобы сказал рейхсляйтерам и гауляйтерам [108]:

«Прошу вас хорошо лишь выслушать сказанное в этом кругу и никогда об этом не говорить. К нам поступил вопрос: „Что делать с женщинами и детьми?“ И в этом деле я решил найти абсолютно четкое решение. Я не считаю, конечно, справедливым истреблять одних мужчин, – скажем, убивать их или приказывать убивать – и возвращать из детей мстителей нашим сыновьям и внукам. Надо принять трудное решение – смести этот народ с лица земли... Вам теперь ясно – запомните это. Возможно, позднее мы к этому вернемся, если немецкий народ что-нибудь скажет на сей счет еще раз. Лучше полагаю будет, чтобы мы – все сообща – понесли за наш народ, взяли бы на себя ответственность (ответственность за дело, не а идею) и потом унесли бы эту тайну в могилу».

Подлинника этих речей нет; Гиммлер обычно говорил по заметкам. Текст этой и других речей рейхсфюрер, наверное, записал потом (для кого? для потомства, дабы оно могло заполучить хоть какое-то доказательство истребления евреев?). От первой речи якобы сохранилась грамофонная запись отвратительного качества, которая хранится в архиве радио во Франкфурте на Майне. Валенди считает ее «примитивной фальшивкой как по звучанию, так и по содержанию» [109]. Штеглих [110] и Валенди [111] основательно проанализировали текст обеих речей, обнаружив большое количество неувязок и нелепостей, что заставляет сделать вывод не только о фальсификации, но и о манипуляции с текстом. Технически у фальсификаторов, вероятно, не было особых проблем, поскольку тексты были отпечатаны на машинке. По мнению Ирвинга, критические, т.е. относящиеся к холокосту, отрывки явно были вставлены позже, судя по расположению строк, которые не совпадают меж собой на соответствующих страницах [112]. Укажем на наиболее грубые смысловые противоречия:

В первой речи Гиммлер приравнивает «эвакуацию» евреев к «истреблению». Так как смысл этих слов совершенно разный, то возникает подозрение, что фальсификатор, очевидно, добавил «доказательство» «тайного языка», якобы применяемого нацистами. в партийной программе нацистов, с которой был, разумеется, знаком каждый из присутствовавших эсэсовских руководителей, на самом деле нет ни слова об истреблении евреев. в обоих выступлениях, особенно во втором, Гиммлер подчеркивает необходимость сохранения абсолютной тайны в деле убийства евреев, но сам не соблюдает предупреждение и вместо того, чтобы «унести с собой тайну в могилу», разбалтывает о ней людям, не имеющим никакого отношения к антиеврейской политике. Мало того, речь записывается на пленку (тогда не было мини-диктофонов, которые можно спрятать в кармане) и по его приказу даже делается пластинка! Последний аргумент и заставляет нас усомниться в подлинности обоих выступлений, в которых, кстати, ни слова нет о газовых

камерах Освенцима.

Еще менее убедительно, чем высказывания Гитлера и Гиммлера, выглядят протоколы совещания на Ваннзее. 20 января 1942 года на озере Большое Ваннзее собрались на совещание высокие нацистские чины; самым крупным из них был глава СД Рейнгард Гейдрих. Согласно легенде, тут и было положено начало физическому истреблению евреев. Приведем краткие выдержки из протокола совещания [113]:

"По приказу рейхсмаршала (Геринга) в январе 1939 года было создано Имперское центральное бюро по еврейской эмиграции, руководство которым поручено начальнику полиции безопасности и СД. В задачи бюро входило:

- а) принять все меры к расширению активной эмиграции евреев,
- б) руководить выездным потоком,
- в) ускорить в отдельном случае ход эмиграции,

Конечной целью этой задачи была очистка законным путем от евреев немецкого жизненного пространства/.../ Ныне эмиграция заменена эвакуацией евреев на Восток согласно соответствующему предыдущему распоряжению фюрера /.../

Ныне в процессе окончательного решения необходимо при надлежаше" руководстве, чтобы на Востоке евреи были надлежаше привлечены к труду. В большие рабочие колонии, где мужчины отделены от женщин, трудоспособные евреи доставляются для постройки дорог в данной местности, в ходе чего их числа естественным образом уменьшится /.../

Эвакуированные евреи перевозятся в составах в т.н. транзитные гетто, откуда транспортируются дальше на Восток..."

Как и с речами Гиммлера, серьезные возражения относительно подлинности документа вызывает его содержательная сторона. Особенно бросаются в глаза частично сильно преувеличенные данные о количестве евреев, проживающих в отдельных европейских странах: например, во Франции называется 865 тыс. евреев, хотя реально их было меньше более, чем вдвое. Против подлинности протокола Ваннзее говорят также формальные моменты: в нем, например, нет даты и подписи. Но даже если документ не фальшивка, об истреблении евреев в нем нет ни слова, отчего экстерминистам волей-неволей приходится опять раздувать теорию «тайного языка». Очень метко об этом пишет коллектив авторов-ревизионистов [114]:

"Судя по трудам экстерминистов, ни одного четкого письменного приказа об уничтожении людей нет потому, что нацисты их якобы маскировали тайным языком понять который можно было, лишь расшифровав ключевые слова. Так, мол, слово «переселение» на самом деле означало «уничтожение», а «особое отношение» и «особые меры» – «убийство». Сегодня каждому ребенку втемяшивается, будто Третьем рейхе рабское послушание носило почти гротескный характер.

Если с этим согласиться, то тогда почти всякий подчиненный выполнял полученные приказы строго по уставу и буквально. Однако в приказах и

распоряжениях, рассматриваемых как зашифрованные приказания по массовому уничтожению, написано было вовсе не то, что, согласно гипотезе экстерминистов подлежало выполнению. Следовательно, получивший приказ, в определенных – а именно в этих – случаях, не должен был действовать буквально. Разумеется, не было такого приказа, где имелся бы ключ к расшифровке подобных распоряжений подчиненным. Как же исполнитель приказа догадывался, что и под каким шифром следовало понимать? Сделав такие умозаключения, можно сообразить, что теория тайного языка является сплошной чушью.

Слово «особое отношение» не всегда означало насилие (в некоторых случаях убийство или казнь), оно могло означать и привилегии. Судя, кстати, по общепризнанной литературе, «особое отношение» могло, например, значить привилегированное размещение (гостиница), обращение (дополнительно питание), обслуживание (уход за больными) или меры по борьбе с эпидемиями (карантин, дезинфекция), меры по размещению в гетто, по арийскому воспитанию иностранных детей и т.д. На нюрнбергском процессе начальника Управления имперской безопасности Кальтенбруннера обвиняли, например, в том, что он-де сам распорядился об особом отношении к некоторым лицам. Вскоре, однако, выяснилось, что под этим отношением подразумевалось привилегированное проживание в хорошей гостинице, люксовое обслуживание, свобода переписки, допуск посетителей и т.п. /.../ Учитывая тогдашнее отношение немцев к приказу, трудно представить, чтобы эсэсовцы стали выполнять устные распоряжения для отходили от буквального смысла приказа."

Справедливо звучит возражение: если такие документы, как выступления Гимmlера и протоколы совещания в Ваннзее, сфальсифицированы или по меньшей мере подверглись подделке, то почему фальсификаторы не вставили в них куски о газовых камерах? Признаемся, что нас данное возражение тоже смущает, заставляя выдвинуть такую гипотезу:

О переселении и эвакуации евреев имелось довольно большое число документов. Уничтожить их бесследно было бы затруднительно, даже невозможно, и им бы, несомненно, противоречили бумаги, где четко говорилось о газации. Поэтому фальсификаторы правильно ограничились лишь намеками на истребление евреев, отбросив предельно ясные формулировки. Это также подпитывало легенду о постоянном употреблении тайного языка. К тому же немногие документы, где говорилось бы о газовых камерах, подверглись бы пристальному анализу и фальсификация была бы, несомненно, обнаружена.

Самым странным из всех «улик» холокоста является, безусловно, доклад Герштейна. Как доказал в своей диссертации Анри Рок [115], существует не менее шести, частично сильно отличающихся друг от друга вариантов признаний Курта Герштейна, оберштурмфюрера СС и специалиста по дезинфекции. В 1938 году он некоторое время отсидел в концлагере за

религиозную критику режима, но затем вступил в СС единственно для того – как он утверждает в своих признаниях – чтобы лучше бороться с режимом. Хитрый план блестяще удался, так как тупые эсэсовские руководители показали противнику нацистов места уничтожения Белзец и Трешлинку, поручив ему вдобавок доставку циклона Б для массового уничтожения. Одним из дюжины людей, полностью посвященных в программу уничтожения евреев, стал известный противник Гитлера и бывший эск!

У Хоххута Герштейн изображен ярким антинацистом, который напрасно пытается склонить безжалостного Папу заступиться за евреев.

По словам Герштейна, газом было уничтожено 25 млн. (признание № 2) или же 20 млн. (признания № 5-6) человек. Согласно ему, в Белзце в газовую камеру размером в 25 кв. м. набивали 700-800 человек, т.е. 25-32 на 1 кв.м. (эту чепуху, кстати, рассказывает инженер по профессии!). Если верить признаниям № 5-6, в Освенциме, где Герштейн бывал сам, 6 млн. детей были убиты следующим способом: у них под носом держали ватный тампон, пропитанный синильной кислотой. Горы из одежды убитых заключенных высотой 35-40 метров достойно завершают признания, которые столь же достоверны, как показания средневековых ведьм относительно диких оргий с рогатым на Брокене, поскольку герой Хоххута и главный свидетель холокоста – наряду с Гёссом, комендантом Освенцима – был душевнобольным! Рок пришел к выводу, что лишь три из шести признаний несомненно принадлежат самому Герштейну. Он полагает, что признание №3, в котором устранен ряд грубейших нелепостей, вероятно, изготовлено после (предполагаемого) самоубийства Герштейна в парижской военной тюрьме в июле 1945 года (эсэсовец сдался французам незадолго до капитуляции).

В блестящем исследовании «Доклад Герштейна. Анализ одной фальшивки» итальянец Карло Маттоньо насчитал в признаниях Герштейна не менее 103 нелепых и невероятных мест, исторических подлогов и противоречий с официальной, излагаемой экстерминистами историей. И этот документ цитируется в классическом труде Гильберга не менее десяти раз как доказательство холокоста и фигурирует почти во всех исторических сочинениях, но издатели текста, который выглядит как лихорадочный бред безумца, его, вероятно, никогда полностью не читали, а если читали, то не задумывались над ним.

Рассказывая о лагере «уничтожения» Белзец, мы ниже приведем из признаний Герштейна небольшой отрывок. Даже Нюрнбергский трибунал с осторожностью отнесся к данному «доказательству» уничтожения евреев, а это уже кое-что значит.

Джо Гейдекер и Иоганн Леэб пишут в предисловии к своей работе о нюрнбергском процессе [116]:

"... он вовсе не был «трибуналом победителей», как усиленно и для публики

пытаются утверждать некоторые авторы в последнее время. Судьи провели честный процесс, который мы, немцы, не могли бы тогда провести / . . . / Так что Нюрнбергский трибунал оказал миру и немцам неоценимую услугу /.../.
Немецкий профессор международного права д-р Герман Яррейс в своем принципиальном выступлении в качестве защитника на Международном военном трибунале заявил: «Нормы (данного суда) предвосхищают правотворчество мирового сообщества. Они революционны. Им, вероятно, уготовано большое будущее, ибо они отвечают чаяниям народов».

А проф. Ойген Когон в предисловии к названной книге еще раз подчеркнул «... хотя Нюрнбергский трибунал проводили победители нацистов в войне, он был важным шагом в мировом процессе обуздания насилия при помощи права...»

Выполняя Лондонское соглашение, державы-победительницы 8 августа 1945 года дали поручение об организации Международного суда для осуждения военных преступников. Согласно этому соглашению, суд сам должен был сформулировать пункты обвинения и доказательства, создавая при этом и новые правовые понятия. Как видно из 6-го параграфа, в их число входили:

Люббе, поджигателя рейхстага, обезглавили по закону, который появился через день после поджога и предусматривал смертную казнь за преднамеренный поджог.

«Преступления против мира» и «Планирование и проведение агрессии». В тот же день, 8 августа, СССР без объявления вступил в войну с Японией, первым поправ только что заключенное соглашение. Законодательство, имеющее обратную силу, противоречит общепризнанному принципу «Nulla poena sine lege» (Без закона нет наказания), и дело не меняется от его применения нацистами." Кроме того, после Нюрнберга никого никогда не обвиняли больше в «преступлении против мира» или «подготовке агрессии». Ровно через десять лет после процесса Англия и Франция начали вторжение в Египет, советские танки подавили освободительное движение в Венгрии и никому в голову не пришло привлечь к суду английских, французских и советских руководителей.

Согласно 6-му параграфу наказанию подлежало также преднамеренное уничтожение городов и разрушения, не вызванные военной необходимостью. Этот состав преступления союзники вполне осознанно обнародовали два дня спустя после массового уничтожения гражданского населения в Хиросиме и за день до такого же убийства в Нагасаки. С военной необходимостью атомной бомбардировки нельзя согласиться хотя бы потому, что в это время Япония давно уже была согласна на капитуляцию, при одном единственном условии – сохранении монархии, что позже было принято.

По 19-му параграфу Лондонского соглашения трибунал не подчинялся

доказательным правилам: к рассмотрению принимался любой материал, который мог иметь для трибунала доказательную силу. Трибунал мог принять обвинительный материал, не проверяя его достоверность, и без объяснений отклонить оправдательный. Короче говоря, при желании обвинительный материал можно было фальсифицировать, а оправдательный – задвинуть. И, наконец, 21-й параграф гласил:

'Трибунал не должен требовать доказательств общеизвестных фактов, а должен по обязанности принять их к сведению, что распространяется как на официальные правительственные документы, на материалы Объединенных наций, включая процедурные нормы и документацию комиссий по расследованию военных преступлений, действующих в союзных странах, так и на протоколы и решения военных и иных судов любой из Объединенных наций". (1МТ. 1. С. 16).

Решать, что есть «общеизвестный факт», предоставлялось самому суду. В этих обстоятельствах можно было отказаться от кропотливого сбора улик, поскольку холокост и другие вменяемые немцам преступления (например, Катынь, которую СССР свалил в Нюрнберге на побежденных) были общеизвестными фактами!

Вот что можно сказать о нормах процесса, который «оказал немцам неоплатимую услугу», по словам господ Гейдекера и Лезба; воплощал, по Яррейсу, «надежды и чаяния народов» и, по утверждению Когона, был «важным шагом в мировом процессе обуздания насилия с помощью права».

Большая часть использованного обвинением материала была предоставлена СССР, т.е. теми самими юристами, которые всего несколько лет назад отправили миллионы невинных советских граждан под пули расстрельных команд и в сибирские лагеря. Эти именитые юристы ясно и четко доказали на московских процессах, что почти все еще живые старые большевики и соратники Ленина изначально были наемниками и агентами капитализма и, будучи таковыми, должны быть расстреляны «как бешеные собаки». Благодаря усердному сотрудничеству указанных советских экспертов, в Нюрнберге удалось провести суд на правовом уровне, ничуть не уступающем московским процессам.

Однако дадим слово нюрнбергским документам:

Как явствует из нижецитируемого диалога между американским обвинителем Джексоном и Альбертом Шпеером, нацисты – вопреки общепринятому мнению – знали, для чего применять атомную энергию. Естественно, не для борьбы с союзниками, а для убийства евреев:

"Джексон: Верно ли, что отдельные эксперименты и исследования проводились также в области атомной энергии?"

Шпеер: К сожалению, мы не сумели продвинуться столь далеко – наши лучшие силы, занятые в исследовании атома, эмигрировали в Америку, и поэтому в этой области мы сильно отстали и нам требовалось еще год-два, чтобы, возможно произвести расщепление атома...

Джексон: Мне передали информацию об одном эксперименте, проведенном близ Освенцима, и я хотел бы выяснить, знали Вы о нем или слышали что-нибудь. Целью этого эксперимента было создание быстрого и эффективного способа, благодаря которому можно было быстрее всего уничтожить людей, не расстреливая, убивая газом или сжигая их, как это делалось ранее. Как мне сообщили, данный эксперимент проводился следующим образом: 20 000 евреев поселили в небольшой, специально выстроенной временной деревеньке. Затем при помощи новоизобретенного разрушительного средства их почти мгновенно уничтожали и таким образом, что никто из них не оставался в живых. Возникавшая при взрыве температура в 400-500 градусов бесследно испепеляла людей" (1MT XVI, p. 579-580).

Любопытно, что, располагая такой чудо-техникой уничтожения, немцы иногда применяли столь примитивные средства, что можно серьезно сомневаться в прославленной немецкой практичности.

«Советских граждан заставляли влезать на дерево, которое затем спиливали. Дерево падало и люди на нем убивались» (1MT VII, p. 640).

О невысоком интеллекте нацистов можно судить по тому факту, что в Дахау они расстреливали, убивали и затем анатомировали заключенных, чтобы установить причину смерти.

«Я (говорит д-р Блаха) вскрыл множество трупов людей, застреленных или забитых во время работы, получив указание называть причиной смерти не избиение, а, например, черепную травму, внутреннее кровоизлияние или выстрел, о чем сказано в судебном протоколе» (ГМТ V, p. 227).

По сравнению с Дахау палачи из Заксенхаузена отличались какой-то извращенной изобретательностью. Они следующим способом уничтожали советских военнопленных:

«В небольшом помещении имелось отверстие размером в 50 сантиметров. Заключенный становился затылком к отверстию и находивший за отверстием стрелок стрелял в него. Однако это устройство было неудачным, потому что стрелявший часто не попадал в заключенного. Восемь дней спустя было сделано новое. Пленному говорили, что хотят измерить его рост. На железной штанге имелся брус, который падал и бил пленного в затылок. Управлялась штанга при помощи педали, находившейся в углу помещения» (1MT VII, p. 416-417).

Сколько людей было убито столь необычным способом и как нацисты избавлялись от трупов?

'Теперь я привожу доказательства того, что наряду со стационарными имелись и передвижные крематории... Эсэсовец по имени Пауль Вальдман подтверждает, что таковые имелись. Он был одним из соучастников немецких фашистов, убивших в Заксенхаузене 800 000 русских военнопленных... Убитых названным способом пленных сжигали в четырех крематориях, установленных на прицепах грузовиков" (1MT VII, p. 644).

14 декабря 1945 года Нюрнбергский трибунал выяснил, как протекало

уничтожение евреев в Треблинке:

«Все жертвы снимали одежду и обувь, которые затем собирались, после чего часть из них, в основном женщин и детей, гнали в камеры смерти. Ослабевших или медлительных подгоняли прикладами, ударами плетки и пинками... Маленьких детей просто бросали в камеры. Когда камеры полностью заполнялись, их плотно закрывали и пускали пар... Судя по имеющимся сообщениям, в Треблинке были умерщвлены сотни тысяч евреев» (Р8 3311).

Ровно через 75 дней высокий суд уже забыл об этих паровых камерах. Отныне в Треблинке имелись только газовые камеры, как это явствует из диалога между советским старшим советником юстиции Смирновым и пережившим холокост Самуилом Райzmanом:

"Райzman: По-моему, в Треблинке каждый день убивали в среднем от 10 до 12 тысяч человек.

Смирнов: Сколько газовых камер работало для этого?

Райzman: Вначале только три, но потом было построено еще десять. Планировалось довести их число до 25" (1MT VIII, p. 361)

Придуманые Визенталем мыловаренные заводы тоже заняли в Нюрнберге почетное место. Вот что рассказал один фабрикант:

«В феврале 1944 профессор Шпаннер передал мне рецепт по выработке мыла из человеческого жира. Этот рецепт гласил: взять 5 кг жира, 10 литров воды и 500-1000 г едкого натрия, варить два-три часа, а затем подвергнуть охлаждению» (ПИТ VII, p. 656-657).

В утилитарные вещи немцы перерабатывали не только жир, но и кожу убитых.

«Кожа с трупов мертвых заключенных, как правило, удалялась. Мне часто приказывали делать это. Д-р Рашер и д-р Фольтер особенно интересовались кожей со спины и груди. Кожа химически обрабатывалась и сушилась на солнце. Затем ее резали на куски разных размеров для седел, лосин, перчаток, домашних тапочек и дамских сумочек» (1MT V, p. 196).

В дело шли и кости замученных! Понятно, что их размалывали для промышленного использования:

«С этой специальной целью механизмы для размалывания обугленных костей устанавливались на платформе автоприцепа... В час они намалывали 3 кубометра небольших обугленных костей» (1MT VII, p. 651).

Искусству помола костей и сжигания трупов технически одаренные люди обучались на ускоренных курсах:

«Эту школу посещали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Начальник зондеркоманды-1005 Шерлак учил комендантов на месте. Он показывал им, как надо выкапывать трупы, укладывать их на костер и сжигать и потом – как рассеивать золу, размалывать кости и маскировать могильники древесными посадками» (1MT VII, p. 651).

После подобных лекций эсэсовские начальники отдыхали под звуки музыки.

«Пытками, побоями и расстрелами немцы занимались при музыкальном сопровождении. Для этой цели они создали особый оркестр, составленный из заключенных. Руководить этим оркестром было ведено проф. Штриксу и известному композитору Мунду. Композиторам приказывалось писать особые мелодии, которые именовались танго смерти. Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех музыкантов» (1MT VII, p. 497).

Не забывали нацисты об играх и спорте:

"Иногда Вильгауз, желая позабавить свою девятилетнюю дочь, приказывал бросать в воздух детей двух – четырех лет и стрелял по ним. Его дочь была в ладоши и кричала: «Папа, еще разок!» (1MT VII, p. 496)

И так далее, и тому подобное. Увы, хотя ни одно из исторических достижений чудо-техники, о которых мир узнал благодаря Нюрнбергскому процессу: управляемая педалью машина по размождению затылка или передвижные крематории, где можно было за короткое время уничтожить 210 000 трупов, не было представлено трибуналу как «corpus delicti», у обвинителей и судей имелось огромное число заверенных письменных показаний свидетелей. Чтобы их изготовить, нужно было несколько пишущих машинок и много, много бумаги.

Газовые камеры на территории Рейха

Визель совершил грубую ошибку, изложив в своем вышедшем в 1958 году «Репортаже о пережитом» вместо лжи о газовых камерах ложь об огненных рвах, которая уже давно вышла из моды. Как было отмечено, еще на Нюрнбергском процессе паровые камеры Треблинки были заменены на газовые, а вскоре уже почти никто не рассуждал о массовых убийствах путем сожжения людей заживо, кипятка, пара, тока, негашеной извести, отравленной крови и т.п. Отныне фаворитами стали газовые камеры, превратившиеся в величайшую ложь нашего века.

Главный английский обвинитель Хартли Шоукросс высказал в Нюрнберге следующее утверждение [118]:

«Массовое убийство с применением газовых камер и печей имело место в Освенциме, Дахау, Треблинке, Бухенвальде, Маутхаузене, Майданеке и Ораниенбурге».

Главным центром пропаганды был Дахау. Годами памятная стелла напоминала о 238 000 жертвах лагеря (хотя правильной была цифра в 30 – 32 тыс.). Фильм о газовой камере, замаскированной под душ, демонстрировался 29 ноября 1945 в Нюрнберге как обличительный материал, а 11 января 1946 лагерный врач, чех Франц Блаха показал под присягой [119]:

«Газовая камера была сооружена в 1944 году, и д-р Рашер позвал меня осмотреть первые жертвы. Трое из находившихся в камере 8-9 человек были

еще живы, другие выглядели мертвыми; у них были красные глаза, лица опухли».

О газовых камерах Бухенвальда говорилось в документе, врученном французским правительством [120]:

«Все было продумано до мелочей. В 1944 даже удлиннили железнодорожную ветку, чтобы доставлять депортированных прямо к газовым камерам. В некоторых из них имелся подвижный пол, с помощью которого трупы сразу попадали в печи».

Еще подробнее описаны газовые камеры Бухенвальда в книгах двух французских клириков. Богослов Шарль Оте изображает их следующим образом [121]:

«Для быстрого истребления требовались особые индустриальные методы. И газовые камеры всесторонне удовлетворяли этим требованиям. Некоторые камеры были сделаны с выдумкой и имели пилоны из водонепроницаемого материала, в котором образовывался газ, затем проходивший сквозь оболочку. Другие камеры были попроще, но все они выглядели богато. Видно было, что архитекторы долго их проектировали и тщательно строили, воплощая свои художественные способности. Это была единственная часть лагеря, сооруженная с любовью».

Еще более выразительно и наглядно живописует газовые камеры Бухенвальда аббат Жорж Энок в своем захватывающем очерке «Пещеры зверя» [122]:

"Помещение было площадью 5 кв.м. и высотой 3,5 метра. На потолке, на определенном расстоянии друг от друга, находились 17 плотно закрытых головок душа. При виде их вряд ли можно было угадать смергноносное назначение. Они были похожи на безобидные гидранты. Работавшие в крематории ээки предупредили меня: каждая жертва как бы в насмешку получает полотенце и кусочек мыла, прежде чем войти в помещение. Подобным образом у несчастных поддерживалась иллюзия, что они идут в душевую.

За ними затворялась тяжелая железная дверь с резиновой прокладкой по краям толщиной в полсантиметра, что затрудняло приток воздуха.

Стены внутри были гладкими, без трещин, будто отлакированные. Рядом с косяком виднелись четыре кнопки: красная, желтая, зеленая и белая.

Меня однако заинтересовала одна деталь: я не понимал, каким образом газ проходил через головки душа. Рядом с помещением, где я находился, шел коридор. Я вошел в него и увидел большую трубу, которую трудно было обхватить двумя руками и которая была покрыта приблизительно сантиметровым слоем резины.

Рядом была рукоятка, повернув которую слева направо, открывали доступ газу. Давление газа было столь сильным, что меня бросило на пол; ни одна жертва не могла поэтому спастись от того, что немцы называли «медленной и сладкой смертью».

Под местом, где трубы входили в газовую камеру, размещались такие же кнопки, что и у наружной двери: красная, зеленая, желтая и белая. Они, очевидно, служили для дозировки проходившего газа. Все, действительно, было сделано строго научно. Сам дьявол не мог бы придумать лучше. В другой раз я вошел в газовую камеру, чтобы узнать, где располагается крематорий.

Мне сразу бросился в глаза своеобразный железный конвейер. Этот прекрасно сделанный механизм непрерывно двигался и заканчивался у горящих печей. На него укладывались трупы, сложенные в соседнем помещении, и он доставлял их в печь.

При моем незабываемом и страшном посещении механизмы работали на полную мощность и были загружены /.../

При следующем посещении этого ада я в суровой тишине проследовал дальше и открыл дверь третьего помещения. То был склад.

Там громоздились трупы, которые в тот же день не сжигались и потому они ждали следующего. Не видя этого, трудно представить весь ужас третьего помещения. Справа, в углу, лежали голые, раздетые мертвецы, брошенные как попало друг на друга и странно скрюченные. Челюсти у них были разворочены -вынимали золотые протезы; я уж не говорю о мерзких «обысках», проделываемых с трупами, дабы удостовериться, что нигде не спрятаны драгоценности, могущие пополнить казну нацистских чудовищ...

Взглянув в последний раз на это место ужаса и позора, я, при свете пламени, вырывавшемся из печей на высоту 8-10 метров, прочел на стене крематория циничное четверостишие:

Мерзкий червь мое тело не сглохнет -
Чистый огонь его уничтожит.

Свет и тепло мне милы были всегда,
Потому не заройте – сожгите меня.

Наконец моему взору представилось то, что было гордостью немецкой науки: гора длиной в километр и высотой полтора метра из пепла, который был аккуратно вынут из печей и предназначался для удобрения полей капусты и свеклы! Сотни тысяч людей, живыми вступив в этот ад, покидали его в виде удобрений... Нечаянно проникнув сюда, я увидел теперь все, что хотел".

Можно ли на основе данных свидетельских сообщений выяснить: было ли в Бухенвальде несколько газовых камер или всего одна? Аббат Энок недвусмысленно упоминает одну камеру, тогда как в документе французского правительства и рассказе богослова Отера использовано множественное число. В обоих сообщениях ничего не сказано о числе камер, хотя, по словам Отера, одни были устроены изобретательно, другие – просто, что указывает – камер было несколько, скажем, восемь (кто докажет, что не восемь?). Сложив восемь газовых камер Отера и одну его собрата во Христе Энока и разделив их пополам, можно установить, что в Бухенвальде в среднем было четыре с половиной камеры. На этой основе возникает следующая научно

обоснованная картина:

Обреченные на смерть доставлялись по удлиненной железнодорожной ветке прямо в эти четыре с половиной, любовно сооруженные газовые камеры, где газ поступал частью из пористых колонн, частью из головок душа, приводя несчастных к «медленной и сладкой смерти». Когда массовое убийство заканчивалось, подвижной пол камер опрокидывался и трупы падали в находящееся под ними помещение. Поскольку крематорий – как с очевидностью явствует из рассказа аббата Энока – располагался не под камерами, а рядом, то трупы нужно было поднимать наверх. Здесь у них искали золотые зубы и другие ценности, чтобы пополнить казну нацистских чудовищ. Потом трупы умерщвленных доставлялись конвейером в крематорий. Пепел сотен тысяч убитых использовался как удобрение для полей капусты и свеклы!

Ну хватит о газовых камерах Бухенвальда. Армия заслуживающих доверия очевидцев показывает, что газовые камеры имелись почти в каждом немецком концлагере.

Мало того: есть ведь ясные свидетельства, оставленные самими преступниками! Крамер, комендант Натцвейлера, переведенный потом в Биркенау и Бельзен, сознался перед казнью, что он лично отправил в газовую камеру многих заключенных в названном эльзаском лагере. Зурен, комендант Равенсбрюка, его заместитель Шварцхубер и врач Трейте были казнены или покончили с собой, прюнав наличие в лагере газовых камер и в целом описав их работу. Франц Цирайс, комендант Маугхаузена, тоже сознался на смертном одре (он был ранен несколькими выстрелами), что не только в Маутхаузене, но в расположенном вблизи Линца замке Гартхайм творилось неслыханное: в этом замке ужасов газом было умерщвлено – 1,5 млн человек!

Поскольку о признании Цирайса литература по холокосту помалкивает уже десятки лет, то приходится обратиться к книге «Концлагерь Маутхаузен», написанной в 1946 году таким классиком как Симон Визенталь [123]:

«По приказу гауптштурмфюрера СС д-ра Кребсбаха в лагере Маутхаузен было сделано устройство для убийства газом, замаскированное под баню. В этой фальшивой бане заключенных отравляли газом кроме того, из Маугхаузена в Гузен курсировала особая машина, в которой узников в пути умерщвляли газом /.../ Сам я газ никогда не пускал, а только управлял машиной. Однако я знал, что узники истребляли газом /.../ Группенфюрер СС Глюке отдал приказ считать ослабевших эков душевнобольными и истребить их газом в одном из названных сооружений. Так было убито около 1-1,5 миллиона. Это место называется Гартхайм и находится оно в 10 км от Линца в направлении к Пассау. В лагере объявлялось, будто узники умерли естественной смертью».

Однако уже давно никто из серьезных историков не заявляет, что в Дахау, Бухенвальде, Равенсбрюке, Маутхаузене и замке Гартхайм имелись газовые камеры. Смертный час для них пробил 19 августа 1960, когда Мартин Бросат, бывший сотрудник, а потом директор Института современной истории,

сообщил газете «Цайт» в кратком письме:

«Евреи и другие заключенные не истреблялись газом ни в Дахау, ни в Берген Бельзене, ни в Бухенвальде /.../ Массовое уничтожение евреев газом началось в 1941-42 гг. и происходило исключительно в отдельных местах, специально для этого выбранных и оснащенных соответствующим техническим оборудованием прежде всего – на оккупированной польской территории (и никогда в рейхе): Освенциме-Биркенау, Собиборе на Буге, Треблинке, Хелмно и Белзеце».

«Рейх» в данном случае – это немецкое государство в границах 1937 года. Из шести лагерей, где, согласно современной правоверной историографии осуществлялось убийство газом, Хелмно и Освенцим находились на территории Западной Польши, аннексированной Германией в 1939 году, а остальные четыре – в генерал-губернаторстве. Обратим внимание на то, что в списке Бросата нет Майданека, т.е. он упоминает только пять лагерей уничтожения.

Итак, присяжный историк сам признал, что все написанное и сказанное после 1945 о газовых камерах в рейхе, включая нюрнбергский процесс, было ложью и обманом. Ну а ныне Институт современной истории, германское правительство и немецкая пресса разобрались наконец-то в причинах, приведших к этому; историческому подлогу? Ничуть не бывало! Если бы они это сделали, то пришлось бы отвечать на вопрос, почему показания об убийстве газом в Освенциме и Собиборе более достоверны, чем такие же показания о Дахау и Бухенвальде?

Оруэлл в книге «1984» пишет [124]: "Они переписывают историю как хотят, заменяя при этом одну чепуху другой".

«Историки» из Главного ведомства по фальсификации истории, которое именуется «Институтом современной истории», работали и работают по тем же правилам, что и чиновники-фальсификаторы в «1984»: они переписывают и переделывают прошлое, заменяя при этом одну чепуху другой.

Судя по предисловию, цель сборника: «неопровержимо установить историческую правду». Какова эта «неопровержимая правда», показывает статья Г. Марсалека о газовых камерах Маутхаузена (в которые не верят ни Гильберт, ни Рейтлинджер). Из приговора американского суда автор цитирует слова, что «газовая камера» предварительно подогревалась нагретыми кирпичами, а газ подавался «завернутым в бумажные обрезки».

Письмо Бросата в «Цейт» прикрывало отступление и служило сигналом скорректировать линию фронта. Хотя Ольга Вормсер-Миго в своем большом труд о нацистских концлагерях настаивает на газовых камерах в Натцвейлере, она хранит молчание о камерах в Маутхаузене и Равенсбрюке [125]. Среди новейших авторов, которые еще в 1980-х гг. упорно защищали газовые камеры в рейхе, следует назвать авторов книги «Нацистские массовые

убийства при помощи ядовитого газа», сборника благоглупостей, созданного под началом Адальберта Рюккерля, приснопамятного директора приснопамятного Центрального бюро по раскрытию нацистских преступлений в Людвигсбурге, при участии Германа Лангбейна и Ойгена Когона.

Отдельные формулировки в данном отрывке взяты из статьи «Концлагеря: этапы пропаганды» в журнале «Зиг» 1989, №6.

Этот сборник стал лебединой песнью о газовых камерах в рейхе; скрепя сердце, Барбара Дистель, заведующая мемориалом, забыла о камерах в Дахау, а камеры в Бухенвальде теперь вообще не упоминаются. Бросата, вероятно, очень раздосадовала ликвидация газовых камер на Западе. Авторы сборника легенд больше, разумеется, не рассуждали о массовых газациях на немецкой земле, а довольствовались убийствами-опытами на ней несколько сот или максимум большее тысячи человек".

Тем самым был достигнут компромисс между курсом Института современной истории и позицией историков-фундаменталистов холокоста. Ни для кого не секрет, что газовые камеры в Дахау построила американская армия. Она же завершила строительство двух крематориев, начатых, но неоконченных немцами, чтобы создать впечатление о возможно большем числе кремаций в лагере. Карл Линдингер, бывший обершарффюрер СС, интернированный американцами в Дахау в июле 1945 – мае 1946, вспоминал [126]:

«Я сам, к сожалению, не работал в трудотряде, который завершал поздней осенью или весной 1946 года постройку двух трупосжигательных печей в крематории Дахау, незаконченных немцами /.../ Работы кончились, очевидно, в конце апреля, так как 29 апреля (день освобождения Дахау) на экскурсию ожидалось большое число посетителей, главным образом бывших заключенных».

Приведенный рассказ дополняет другой бывший заключенный американского лагеря Гельмут Теттвейлер [127]:

«В августе 1946 года я был выпущен из эсэсовского лагеря Дахау. Фильтрация в Дахау продолжалась всего 8 дней. За это время меня, вместе с 5 или шестью сотоварищами, дважды привлекали к работе в лагере. Охранником был солдат из армии Андерса (польского генерала) – уроженец Верхней Силезии, хорошо говоривший по-немецки. Когда работа была окончена – и наш охранник остался ею явно доволен, – он сказал нам: „Если вы умеете держать язык за зубами, я покажу вам интересный крематорий, но, чур, как договорились, о нем молчок!“ /.../ С потолка свисала граммофонная труба, долженствующая изображать газовый рожок. Один из моих сотоварищей подпрыгнул и вцепился в трубу, которая от этого упала. В некоторых местах газовых рожков не было. Трубу снова приладили на место, а мы не могли сдержать улыбку. Этот обман, похоже, и польскому солдату казался чересчур нелепым».

Американская армия соорудила также «кровавый ров убитых выстрелом в затылок» и «виселицу». Как пишет бывший зэк Хорст Кройц [128]:

«Мой лагерный сотоварищ Вальдемар Шпек из Мюнхена работал в лагере за дополнительную пайку. Среди прочего, он трудился, как сам мне рассказывал, на постройке крематория по приказу американцев /.../. Далее Шпеку и его сотоварищам было введено соорудить виселицу, для чего они толстой веревкой перетирали большой сук, дабы создать впечатление, будто на этом дереве все время вешали людей».

В октябре 1948 года комиссия, руководимая американскими судьями Симпсоном и ван Роденом, выяснила, что свидетельских показаний о газовых камерах на территории рейха добивались при помощи избиений, расплющивания мошонки, выбивания зубов, угроз выдать русским и т.п. На основе признаний, добытых пытками, было казнено много обвиняемых, служивших в охране СС [129].

В такой ситуации ложь о лагерях уничтожения на немецкой земле не могла долго держаться. Фабрики смерти перекочевали на Восток, в Польшу, оккупированную СССР и недоступную для назойливых наблюдателей. Ложь о Дахау сменилась ложью об Освенциме. Хотя историки теперь единодушны в том, что за пределами нынешней Польши «лагерей уничтожения» не было, для широких масс эта выдумка сохраняется до сих пор. Огромное число потрясенных посетителей читали в Натцвейлере признание его коменданта Иозефа Крамера о собственноручном убийстве заключенных газом. Убивал Крамер, высыпая в газовую камеру через дырку цианистую соль, а затем выливая на нее воду. Эта дьявольская смесь вызывала смерть ровно через минуту. Начальник лагеря обогатил химию новаторской формулой «соль плюс вода – сверхсмертельный газ». Газ удалялся через небольшую трубу и ветер гнал его на стоявшие напротив дома эсэсовцев. Никто из них при этом не пострадал – это еще одно из многих чудес холокоста [130].

Через Маутхаузен проходят толпы школьников и в конце им показывают самое страшное – газовую камеру. Подобные методы, несомненно, направлены на воспитание неврастеничной и бунтарской молодежи, полной ненависти к своей стране и к поколению своих дедушек и бабушек. В Дахау турист тоже может увидеть газовую камеру, но ему скажут, что она никогда не действовала. Согласно официальным данным, ее сооружение было начато немцами в 1942 году, но так и не было завершено.

Какой жестокий удар по легенде о немецком трудолюбии!

Три главных свидетеля Освенцима

15 апреля 1946 года, перед Нюрнбергским трибуналом по делу Кальтенбруннера предстал свидетель защиты Рудольф Франц-Фердинанд Гёсс, комендант лагеря в Освенциме. С 1934 года Гёсс непрерывно служил в

лагерях: вначале в Дахау обычным охранником, потом в Заксенхаузене, где стал заместителем коменданта. В 1940 его назначили на постройку Освенцима и он руководил ею до конца ноября 1943 года, сделавшись затем главой отдела Д1 в группе Д (концлагеря). По окончании войны Гёсс скрывался, но был обнаружен англичанами 11 марта 1946 года на хуторе под Фленсбургом, где он жил под именем Франца Ланга. После трехдневного допроса Гёсс подписал признание, которое доныне является главным доказательством истребления евреев в газовых камерах.

После показаний в Нюрнберге Гёсс был доставлен в Польшу. Перед своей казнью 16 апреля 1947 года через повешение он написал свои «Автобиографические записки», которые позже вышли в переводе на польский. Их оригинал стал известен лишь после того, как в 1958 году Бросат, затем ставший директором Института современной истории, решил его опубликовать в сокращенном виде (были изъяты глупости, которые шокировали и Бросата) со своим предисловием. Приведем выдержки из книги [131]:

«Бывало, если женщины, выводимые из помещения зондеркомандой, замечали, что их ждет, они выкрикивали всевозможные проклятия. Я видел также, как одна женщина, когда двери камеры закрывались, хотела вытолкнуть из нее своих детей и со слезами кричала: „Оставьте в живых хотя бы моих дорогих детей!“ Было много душераздирающих сцен, которые трогали всех присутствующих. Весной 1942 года сотни людей в расцвете лет шли на смерть в газовые камеры под цветущими плодовыми деревьями крестьянского хутора, ничего не подозревая,. У меня перед глазами до сих пор стоит эта картина начала и конца жизни».

После Гёсса комендантом Освенцима был (с 1 декабря 1943 до 18 мая 1944 года) Артур Либехеншель. Его тоже передали полякам и повесили. Третьего и последнего коменданта лагеря Рихарда Бера не повесили и даже не судили. В другом месте мы подробнее расскажем о его необычайной судьбе.

Признания Гёсса, наряду с его записками из польской тюрьмы, ныне в какой-то мере являются «Великой хартией» холокоста". Хотя в 1945 году союзники могли сколько угодно снимать и фотографировать в освобожденных лагерях, спокойно исследовать своими химиками и инженерами сохранившиеся и разрушенные газовые камеры, подвергать вскрытию обнаруженные в лагере трупы, признания Гёсса были выбраны как главное доказательство наличия газовых камер и геноцида евреев. На них зиждется наше представление об Освенциме, ими начинаются и ими кончаются гекатомбы Освенцима и соответственно холокост, а поскольку об Освенциме понаписано и рассказано раз в пятьдесят больше, чем о всех других: лагерях уничтожения, то никто не будет верить в Треблинку и Собибор, если ложью окажется традиционное представление об Освенциме.

Если поближе приглядеться к показаниям Гёсса, то сразу бросается в глаз совершенно абсурдный факт – показания были сделаны на английском языке.

Суд по анкете, Гёсс действительно в какой-то степени знал английский – он выучился ему в середине 1920-х годов, когда долгое время сидел в браденбургском центре за соучастие в политическом убийстве, – но смешно думать, будто он добровольно изложил по-английски судьбоносное признание. Логичнее предположить, что оно было сочинено английским оперуполномоченным и Гёссом только подписано.

Приведем несколько отрывков из немецкого перевода этого документа [132]:

"Я командовал в Освенциме до 1 декабря 1943 года и думаю, что там было уничтожено газом, казнено и сожжено не менее 2,5 млн. человек; еще полмиллиона умерло от голода и болезней, что увеличивает общее число жертв до 3 млн. погибши: /.../ Только в Освенциме, летом 1944 года, мы казнили приблизительно 400000 венгерских евреев /.../

Массовое уничтожение газом началось летом 1941 и продолжалось до осени 1944 года /.../ «Окончательное решение» еврейского вопроса означало полное истребление евреев в Европе. У меня был приказ: создать в июне 1941 года в Освенциме приспособления для истребления. В то время строились еще три лагеря уничтожения: Белзец, Треблинка и Волзец. Эти лагеря подчинялись айнзатц команде полиции безопасности и СД. Я бывал в Треблинке, чтобы посмотреть как идет уничтожение. Комендант Треблинки сказал мне, что за полгода он ликвидировал 80000 человек. Он занимался главным образом ликвидацией евреев из варшавского гетто. Применял угарный газ, но, по его мнению, выбранные способы были не очень эффективными. Построив в Освенциме помещение для уничтожения, я поэтому использовал циклон Б, кислоту в кристаллах, которую в камеру сверху бросали через небольшое отверстие. Для уничтожения людей в камере требовалось 3-15 минут в зависимости от погоды. О том, что смерть наступила, мы узнавали по прекращению криков. Обычно мы ждали полчаса, а потом открывали двери и удаляли трупы. По сравнению с Треблинкой мы ввели еще одно улучшение: там было 10 газовых камер и каждая вместимостью на 200 человек, мы же в Освенциме выстроили одну, но в ней помещалось 2000 человек.

Жертвы отбирались следующим образом: прибывшие заключенные обследовались двумя эсэсовскими врачами, работавшими в Освенциме. Заключенные двигались перед одним из врачей и тот знаком решал их судьбу. Трудоспособные направлялись в лагерь, остальные без промедления – в места уничтожения. Все маленькие дети, независимо от возраста, ликвидировались, ибо из-за возраста работать они не могли /.../

Приведенные данные не выдуманы, это заявление я делаю добровольно и без принуждения. Прочтя написанное, я подписываю его 5 апреля 1946 года в Нюрнберге, Германия"

Итак, судя по процитированному признанию, в газовые камеры «бросали» циклон Б. Затем, через полчаса, члены зондеркоманды входили в камеру, вытаскивали трупы, снимали кольца и вырывали золотые зубы. Гёсс так изображает в своих краковских записках нерадостный труд трупных

мародеров [133]:

«Столь же необычным было и поведение членов зондеркоманды. Они прекрасно понимали, что по окончании акции их явно ждет судьба тысяч своих соплеменников, уничтожать которых они во многом помогали. И тем не менее они работали усердно и это меня всегда поражало. Они не только никогда ничего не говорили жертвам об их участи и помогали им раздеваться, но и применяли силу к упорствующим. Они сопровождали беспокойных и держали их при расстреле. С этими жертвами они обращались таким образом, что те не видели унтера с приготовленным ружьем, которое он поэтому незаметно приставлял к затылку. Точно также они вели себя с больными и дряхлыми, которые не могли дойти до газовой камеры. Все это делалось с такой самоотдачей, будто эки сами были экзекуторами. Вытаскивали трупы из камер, вырывали у них золотые зубы, срезали волосы, перетаскивали в ямы или печи. Поддерживали огонь в ямах, переплавляли собранный жир, ворошили для притока воздуха горы горящих трупов. Эту работу они проделывали с тупым равнодушием, как будто для них она была чем-то привычным. Транспортируя трупы, они ели и курили. От еды не отказывались даже во время страшной работы по сжиганию трупов, уже давно лежавших в братских могилах».

Как известно, евреев из зондеркоманд через определенное время самих отправляли в газовые камеры и сжигали. Однако один из членов зондеркоманды, словацкий еврей Филип Мюллер, чудесным образом спасся, пять раз избежав смерти, и в 1979 году, через 35 лет после трагедии, нарушил свое молчание относительно страшных событий и стал одним из коронных свидетелей холокоста. В свое время его книга «Особое обращение» была воспета до небес на страницах газет; Клод Ланцман, режиссер учебного фильма «Шоа», идущего 9,5 часов, в своем душещипательном предисловии к французскому изданию утверждает, что в книге любой эпизод несет на себе печать правды.

Мюллер о своем первом деле в качестве участника зондеркоманды рассказывает следующее [134]:

"Перед нами, между чемоданами и рюкзаками, лежали горы мертвых мужчин и женщин, наваленных друг на друга. Я окаменел от ужаса. Я даже не понимал, где я и что здесь происходит. Резкий удар, за ним рычание Штарка: «Давай, давай! Раздевай трупы!» заставили меня делать то, что делали другие узники, которых я лишь сейчас заметил. Передо мною лежал труп женщины. Сперва я снял с нее обувь. Мои руки при этом дрожали и все мое тело стало содрогаться, едва я начал стягивать с нее чулки /.../

Страх перед дальнейшими побоями, ужасный вид сложенных трупов, горький дым, гудение вентиляторов и блики пылающего пламени из помещения крематория – весь этот адский хаос настолько парализовали мои движения и мои умственные способности, что я как загипнотизированный исполнял любой приказ /.../ Морис и я продолжали раздевать трупы. Я

осторожно оглядывал помещение, где лежали трупы, сзади, на бетонном полу, я увидел небольшие, зелено-голубые кристаллы! Они лежали россыпью под отверстием, пробитом в потолке. Там же находился большой вентилятор, лопасти которого вращались с гудением /.../

Я стал вглядываться в лица мертвых и ужаснулся, узнав бывшую одноклассницу. Без сомнения, то была Иолана Вейс /.../ Узнал я и другого мертвеца – Рику Грюнблал, нашу соседку в Шереде /.../ Горели все шесть печей, когда Штарк приказал тащить к ним по мокрому бетонному полу обнаженные трупы. Фишль ходил от одного трупа к другому, открывая каждому рот железной палкой. Если он находил золотой зуб, то вырывал его щипцами и кидал в жестянку".

В другом месте Мюллер упоминает о том, сколько времени проходило между умерщвлением газом и осквернением трупов [135]:

«С вечера газовые камеры пятого крематория в течение четырех часов поглотил и истребили три транспорта. После того как крики, стоны и хрипы умолкали, газовые камеры несколько минут проветривались. Затем эсэсовцы гнали команд заключенных вытаскивать трупы».

Мюллер столкнулся с ужасами и за стенами газовых камер [136]:

«Время от времени в крематорий заходили врачи-эсэсовцы, в основном гауптштурмфюрер Китт и оберштурмфюрер Вебер. В эти дни все походило на бойни. Перед казнью оба врача как скотопромышленники ощупывали ляжки и икры еще живых мужчин и женщин, выскивая „лучшие куски“. После расстрела жертв: клали на стол и врачи из еще теплой плоти, из ляжек и бедер, вырезали куски, бросая их в приготовленные емкости. Мускулы только что расстрелянных еще дрожали и двигались, трепыхались в ведрах, приводя их в колебательное движение.»

Описание Мюллером труда зондеркоманды в точности соответствует показаниям Гёсса. Циклон бросают через отверстие в потолке (вот откуда под ними небольшие зелено-голубые кристаллы); с убитых снимают одежду, отбирают ценности и вырывают золотые зубы; трупная команда входит в камеры вскоре после операции (по Гёссу через полчаса, по Мюллеру через несколько минут). Главный палач Освенцима и переживший пять ликвидаций рассказывают совершенно одно и то же! Нужно ли комментировать?

Оставшиеся сомнения совершенно рассеивает другое подробное описание умерщвления газом в Освенциме от имени не какого-то имярека, а важнейшего наряду с Гёссом, свидетеля из Освенцима. Рудольф Врба, ранее Розенберг или Розенталь, еврей из Словакии, был доставлен в Освенцим молодым. В апреле 1944 года ему удалось бежать вместе со своим собратом по вере и страданиям Альфредом Ветцлером. Благодаря особому «мнемотехническому способу», Врба точно запомнил, сколько было убито евреев в Биркенау с апреля 1942 по апрель 1944 года – 1765000! Он видел все прибывавшие транспорты, верным взором определял число жертв и запоминал его с помощью своего мнемотехнического дара.

«Комитет по военным беженцам» – организация, основанная в январе 1944 год; под эгидой Генри Моргентау, министра финансов США, опубликовал информации Врбы в ноябре 1944 года наряду с рассказами других свидетелей. Нюрнбергские обвинители опирались на это сообщение, подсчитывая число убитых в Освенциме и Биркенау. Предоставим слово этому чрезвычайно важному свидетелю, Его друг Алэн Бестич, помогавший писать книгу «Не могу забыть», в своем введении к этому исторически столь необычайно значительному труду благодарит Врбу за «неустанное внимание, которое он уделил каждой подробности и его скрупулезно верное, почти фанатичное уважение к точности фактов» [137]:

"В январе 1943 года Гиммлер снова посетил Освенцим /.../ Он должен был осмотреть первый в мире конвейер по массовому уничтожению людей и принять участие в открытии ультрановой игрушки начальника лагеря Гёсса. Это была воистину замечательное сооружение, длиной в 100, шириной в 50 ярдов, с 15 печами, в каждой из которых за раз можно было за 20 минут сжигать по три трупа – бетонный мемориал его творцу Вальтеру Деяко /.../

Он (Гиммлер) действительно увидел впечатляющее зрелище, но без соблюдения отточенного расписания, что на каком-нибудь немецком провинциальном вокзале вызвало бы настоящее смятение. Горевший желанием продемонстрировать эффективность новой игрушки начальник лагеря Гёсс заказал отдельный транспорт из 3000 польских евреев, которых надлежало уничтожить новейшим немецким способом.

Гиммлер прибыл в тот день в 8 утра, а зрелище должно было начаться час спустя. Без четверти девять новые газовые камеры с их умело сделанным бутафорским душем и надписями: «Соблюдать чистоту», «Не двигаться» и т.п. были набиты людьми.

Забываясь об использовании каждого сантиметра площади, эсэсовцы несколько раз выстрелили у входа. Испуганные люди, уже бывшие в камере, потеснились и внутрь загнали дополнительные жертвы. Затем, на головы взрослых, бросили грудных и маленьких детей, двери задвинули и заперли. На крыше камеры стоял эсэсовец в тяжелом противогазе, в ожидании, когда бросать шарики циклона Б. Сегодня его пост был почетным, ибо не каждый день в лагере были столь именитые гости, и потому он волновался как стартер во время скачек.

В 10 часов ожидание стало почти невыносимым. Человек в противогазе топтался около банок с циклоном. Под ним находилось наполненное людьми помещение. Однако нигде не было видно рейхсфюрера, пошедшего с Гёссом завтракать. Где-то зазвонил телефон. Головы всех повернулись в ту сторону /.../ Пришло сообщение: «Рейхсфюрер еще не кончил завтракать» /.../ В газовой камере обезумевшие от отчаяния женщины и мужчины, поняв, что значит в Освенциме душ, принялись кричать, рыдать и несильно колотить в двери, но снаружи их не было слышно, потому что в новых камерах имелась не только газовая, но и звуковая изоляция.

Наконец в 11 часов, с опозданием на два часа, подъехала машина; из нее вышли Гиммлер и Гёсс и некоторое время беседовали со старшими офицерами. Гиммлер с вниманием слушал подробное описание предстоящей процедуры. Он медленно подошел к запертой двери и заглянул в маленький, плотный глазок на кричащих в камере людей и потом снова обратился к своим подчиненным, спрашивая еще о чем-то. Наконец спектакль можно было начинать. Эсэсовцу на крыше отдали резким тоном приказ. Он поднял круглую крышку и принялся бросать шарики вниз, на головы. Как и все, он знал, что от тепла, излучаемого спрессованными телами, шарики через несколько минут начинают выделять газ. И потому он тотчас закрыл люк.

Началась газация. Выждав время, когда газ стал нормально циркулировать, Гёсс вежливо пригласил своего гостя еще раз взглянуть в глазок. Гиммлер смотрел в камеру смерти несколько минут с явным удовольствием и потом стал с живым интересом задавать начальнику лагеря вопросы.

Увиденное похоже его удовлетворило и привело в возбужденное состояние. Хотя курил Гиммлер редко, он взял у офицера сигарету и, неловко ею затягиваясь, принялся смеяться и шутить.

Ставшаяся непринужденной атмосфера вовсе не означала, что о главном забыли. Несколько раз Гиммлер отходил от офицеров, чтобы через глазок посмотреть на ход операции и, когда запертые были мертвы, выказал живой интерес к следующей стадии.

Особым подъемником трупы были доставлены в крематорий, но их сожжение началось не сразу. Сперва надо было вырвать золотые зубы, а у женщин отрезать волосы, которые якобы использовали для изоляции торпедных головок. В стороне складывали трупы богатых, уже заранее отмеченных евреев. Возможно, кто-то из этих хитрецов спрятал драгоценности или даже, может быть, бриллианты в теле, в каком-нибудь отверстии.

Дело было непростым, но в руках умелых рабочих новый механизм функционировал безупречно. Гиммлер подождал, пока из трубы не пошел густой дым, и бросил взгляд на часы. Был час. Время обеда".

Оставим пока Освенцим и вспомним о газовых камерах, в которых и сегодня умирают люди.

Первая казнь при помощи газа состоялась в 1924 году в американском штате Невада. Впоследствии этот способ стал применяться и в других штатах как более гуманный по сравнению с казнью на электрическом стуле или на виселице. Казнь свершалась при помощи цианистого водорода.

Сама казнь – чрезвычайно сложный процесс. Подготовка, казнь и последующая дезинфекция камеры продолжаются несколько часов. Например, в балтиморской тюрьме весь процесс состоит из почти 48 операций, часть которых довольно сложна. Газовая камера должна иметь хорошую изоляцию, ибо иначе для тюремного персонала и свидетелей казнь превращается в игру со смертью. Вот как протекает процедура казни:

Необычайно точное описание казни в американских газовых камерах можно

найти в книге Сержа Тиона, материал для которой предоставил Фориссон.

Вначале приговоренного крепко привязывают к стулу. Затем шарики цианида бросают в сосуд с разбавленной серной кислотой. Шарики растворяются, выделяя смертоносный газ. Приговоренный им дышит и через 45 секунд теряет сознание.

Необычайно точное описание казни в американских газовых камерах можно найти в книге Сержа Тиона, материал для которой предоставил Фориссон.

Смерть наступает приблизительно через три минуты. После этого газовую камеру надо хорошенько провентилировать в течении 20 минут. Газ нейтрализуют в воздухоочистителе и потом выводят через высокую трубу. Спустя еще 20-30 минут в камеру входят врач и два его помощника в противогазах, защитной одежде и перчатках и выносят труп. После этого в камере делается уборка. Поскольку никогда нельзя исключить утечку газа, то для наблюдающих всегда наготове имеется аппаратура скорой помощи.

Неудивительно, что все больше американских штатов отказывается от этого фантастически сложного, опасного и к тому же дорогого способа казни, заменяя его другим – смертельным уколом.

Силезский золотой зуб

«В 1593 году прошел слух, будто в Силезии, у семилетнего мальчика после выпадения молочных зубов вместо коренного вырос золотой зуб. Гортиус, профессор медицины из университета г. Гельмштадта, написал в лето 1595 историю сего зуба; он утверждал, что зуб якобы имеет естественный и одновременно сверхъестественный характер и дарован дитяти Богом, дабы утешить утесняемых турками христиан. В историках зуба недостатка не было и в том же году рассказ о нем написал Руландус. Два года спустя другой ученый Ингольстетерус выступил против его теории золотого зуба, на что Руландус дал изящный и ученый ответ. Либавиус, еще одна знаменитость, собрал все сказанное о золотом зубе, присовокупив собственные соображения. Единственным недостатком всех этих замечательных сочинений было то, что зуб совсем не был золотым. Как выяснил один

ювелир, к зубу была умело прикреплена золотая пластинка. И так, сперва были написаны книги и лишь потом в эксперты позвали ювелира».

Фонтенель «Золотой зуб» [138]

3-5 мая 1984 года в Штутгарте прошел конгресс экстерминистров на тему «Убийство евреев во 2-й мировой войне». На сем конгрессе уста ученых мужей изрекали весьма глубокие премудрости. Вот несколько образцов их интеллектуальной глубины – первым даем отрывок из доклада г. Сола Фридлендера [139]:

«Функциональная точка зрения /.../ считает, будто у национал-социалистов отсутствует необходимая взаимосвязь между идеологической базой и политической инициативой. Согласно этой позиции, функциональные решения находятся в таком отношении к политическому контексту, что роль высшей директивной инстанции порой сильно ограничена вмешательством разных полунезависимых исполнителей и ее решения часто кажутся планомерными только при последующем анализе».

Еще глубокомысленнее высказался Мартин Бросат [140]:

«Хотя на сухом языке историков мы можем описать генезис проблемы и представить отдельные документы, мы не в состоянии адекватно рассказать об истории Освенцима. Поскольку все нам в принципе ясно, то мы посему склонны приводить, якобы объясняя непонятные события, внеисторические демонические или дьявольские причины. Мне кажется, что некоторая моральная заостренность спора вызвана тем, что подход, приемлющий много причин вместо одной крупной дьявольской, сомнителен из-за происходящего в этой связи умаления события или даже его релятивизации».

Адреас Хильгрубер тоже продемонстрировал мастерство в формулировках [141]:

«Возник вопрос, затрагивающий аспекты антропологии, социальной и индивидуальной психологии, о возможных повторях в ином идеологическом контексте при подлинных или снова выглядящими экстремальными ситуациями и совпадениях».

И под конец – слово Гансу Моммзену [142]:

«В этой связи можно указать на типичную для Гитлера манеру говорить по еврейскому вопросу лишь в чрезвычайно общих словах, придерживаясь специфически визионерских формулировок; хотя Гитлеру нельзя приписать какое-то сознательное намерение, все-таки оно стало одним из главных способов камуфляжа при выполнении программы геноцида».

Представим себе, что Фориссон и его соратник Гийом сумели бы, замаскировавшись, пробраться в это сиетельное общество и задать вопросы почтенным мыслителям. Гийом, вероятно, спросил бы у Фридлендера:

"Г-н Фридлендер, судя по энциклопедии холокоста, в мае-июле 1944 года в

Освенциме всего за 52 дня было уничтожено и потом сожжено 400 000 венгерских евреев. В это время в Биркенау имелось 4 крематория под номерами II-V, тогда как крематорий I, как известно, уже не действовал и был превращен в бомбоубежище. Из названных четырех крематориев два: IV и V уже давно не функционировали – их построили небрежно и не ремонтировали, потому что хватало мощности остальных крематориев.

В каждом из крематориев II и III имелись, как Вы можете прочесть в литературе о холокосте, по 5 трехмуфельных печей. В современных крематориях, которые оснащены компьютерами, в одной топке за час сжигается всего один труп и работают они по 24 часа в сутки. Предположим, упрощая, что крематории Биркенау работали бы в том же режиме, хотя это, конечно, невозможно. В этом случае в 30 топках двух действовавших печей за день можно было сжечь 720 трупов. За 52 дня, следовательно, число сожженных как максимум равнялось бы 37 440 трупам. Где же сжигались трупы остальных 362 560 убитых венгерских евреев? После июля – не в крематориях, ибо, согласно литературе о холокосте, массовые убийства шли до ноября и новые трупы тоже надо было сжигать, иначе в Биркенау имелись бы братские могилы".

Фридлендер в растерянности уставился бы на Гийома. Разве он – специалист по крематориям?

Следующий вопрос Гийом мог бы обратиться к Бросату.

«Г-н Бросат, согласно очевидцам, в Биркенау трупы сжигались – главным образом в мае-июле 1944 года – в глубоких рвах, поскольку мощности крематориев не хватало. Один мой знакомый, г-н Жан-Клод Прессак, попытался однажды сжечь в яме мертвого кролика. Это ему не удалось, хотя он истратил уйму бензина. Можно ли физически вообще сжигать трупы в глубоких рвах, где нет притока кислорода?» Бросат беспомощно пожал бы плечами. Разве он – физик? Затем, возможно, Хильгруберу задал бы вопрос Фориссон: "Г-н Хильгрубер, согласно очевидцам, гранулы с циклоном Б бросали в отверстия на потолке морга I, превращенного в Биркенау в газовую камеру при одинаково устроенных крематориях II и III. Показания свидетелей, правда, не совпадают в деталях: так, Врба говорит, будто гранулы падали на головы приговоренных к смерти, а по словам Хенрика Таубера, их опускали в проволочной сетке, чтобы узники их не трогали и можно было проще вести уборку по окончании операции. Однако все свидетели единодушны в том, что циклон в газовые камеры попадал через отверстия в потолке.

Как известно, отступая, немцы взорвали в Биркенау четыре крематория, но крыши морга I – крематория II еще целы. В них действительно есть два отверстия, которые ведут в морг, то бишь в предполагаемую газовую камеру. Правда, уже через короткое время выясняется – отверстия были сделаны в потолке лишь после взрыва, проведенного то ли русскими, то ли поляками. Отверстия имеют странные размеры; железная арматура бетонного потолка

просто согнулась и цела; у отверстий нет трещин от взрыва, как должно быть, если бы при взрыве они уже существовали (при взрыве из-за отверстий давление падает). Как же палачи-эсэсовцы могли бросать циклон в газовую камеру, если в потолке отверстий вообще не было?"

Обозлившись, Хильгрубер отчитал бы докучливого вопрошающего. Разве он – архитектор?

Теперь Фориссон мог бы обратиться к Моммзену:

«Г-н Моммзен, морг крематория II, который считается главным местом убийств в Третьем рейхе, имел площадь 210 кв.м., судя по хранящимся в музее Освенцима планам. Если отнять площадь, занимаемую столбами, то получим 200 кв.м. Согласно знаменитому описанию процесса убийства в книге „Не могу забыть“ Врбы, на эту площадь сгонялось 3 000 евреев. 3 000 на 200 кв.м.! Как это удавалось, черт возьми?»

Моммзен в смущении покачал бы головой. Разве он – математик или инженер?

В штутгартском съезде участвовал также сам Рауль Гильберт, патриарх холокоста (он говорил мало). Продолжим наш мысленный эксперимент и предположим, что Фориссон задал бы ему такой вопрос:

«Г-н Гильберт, согласно краковским запискам Гёсса, полчаса спустя после массового умерщвления в газовой камере, т.е. тогда, когда из гранул еще выделялся ядовитый газ, в нее входила зондеркоманда. Циклон Б является высокотоксичным инсектицидом и плохо удаляется вентиляцией; в инструкции 1942 года говорится о проветривании в течении 20 часов. Судя по запискам Гёсса, люди из зондеркоманд, удаляя трупы, ели и курили, что в противогазах невозможно делать. Почему они не умерли от отравления синильной кислотой сразу после первой такой операции?»

После этих слов в зале бы усилилось бы смятение и раздались бы первые вопли: «Вон их!» Участники съезда с негодованием бы уставились на нарушителей спокойствия, как будто они вломились в церковь во время Рождественской службы и закричали бы: «Бога нет!» А профессор Гильберт беспомощно взирал бы на Фориссона. Он что – химик?

В библиотеке автора имеются классические труды об Освенциме и холокосте: вышедший в 1993 году немецкий вариант «Энциклопедии холокоста», «Календарь событий в концлагере Освенцим-Биркенау за 1939-45 гг.» Дануты Чех. «Уничтожение европейских евреев» Гильберга, «Война против евреев» Давидовича «Учебник ненависти» Полякова, «Окончательное решение» Рейтлинджера, сборник «Масштабы геноцида», вышедший с 1991 года под редакцией Бенца, «Эсэсовское государство» Когона и «Люди в Освенциме» Лангбейна. Ни в одной из этих книг которые в общей сложности насчитывают много тысяч страниц, нет фотографии или рисунка газовой камеры, и ни в ни одной даже приблизительно не описано, как функционировали эти страшные орудия убийства, Возражая ревизионистам, Жорж Веллерс в своей книге «Газовые камеры существовали» помалкивает о

функционировании камер.

На средневековых диспутах ученые спорили по вопросам: Какого пола ангелы? Какого цвета их глаза? Сколько ангелов поместится на кончике иглы? Не спорили лишь по вопросу: существуют ли ангелы?

Споры немецких «специалистов по холокосту» носят такой же характер. Годы беспрецедентный «спор историков» вращался вокруг вопроса, было ли убийство Гитлером шести миллионов евреев уникальным преступлением в истории или оно сопоставимо с деяниями других диктаторов, например, Сталина и Пол Пота. До сих пор грызутся меж собой все уменьшающаяся группка «интернационалистов» и все возрастающая толпа «функционалистов»: первые утверждают, будто целью Гитлера и нацистов изначально было истребление евреев, вторые считают, что холокост появился более или менее спонтанно в результате неблагоприятного стечения обстоятельств. Факт холокоста не оспаривается.

Согласно присяжным историкам 3,5 млн. евреев из 5-6 млн. погибло в газовых камерах, в основном в стационарных, от циклона Б или моторных газов, и в меньшем числе – в душегубках от выхлопных газов. Вне всяких сомнений, любое серьезное исследование должно начинаться с технического анализа газовых камер и душегубок, т.е. орудий геноцида. Однако господа историки благоразумно избегают такого анализа. Люди типа Бросата, Хильгрубера, Еккеля, Шефлера, Фридлендера, Бенца и Моммзена подходят к исторической науке как к жонглированию фразами и абстрактной болтовне, далекой от конкретной реальности. Они городят вздор о функциональных ситуациях, несамостоятельных авторах решения, метаисторических причинах и визионерных формулировках, заставляя плясать ангелов на кончике иглы.

Немецкому историку конца XX века и в голову не приходит, что нужно вначале изучить факты и лишь потом их объяснять. Если в шести центрах уничтожения действительно было умерщвлено 3 миллиона евреев, то требуется выяснить, как подобное массовое убийство осуществимо технически, какое средство использовалось и что стало с трупами жертв? Этими вопросами и занялись два ученых: швед Дитлиб Фельдерер, религиозный активист и учитель музыки, и француз Робер Фориссон, профессор истории литературы. И вся рать историков с позором ретируется перед этими двумя любителями!

На территории предполагаемых лагерей уничтожения Фельдерер сделал 30 000 снимков и тщательнейше изучил крематории и «газовые камеры». Он пришел к выводу, что «газовые камеры» нигде и никогда не могли бы работать, что «показания свидетелей» об умерщвлении газом являются бесконечным клубком нелепостей, а крематории даже во сне не справились бы с заданной нагрузкой.

Хотя до начала 1960-х годов Фориссон не верил в истребление нацистами евреев, ибо их было кругом слишком много – например во Франции в два раза больше, чем до холокоста – но в газовых камерах он не сомневался.

Знаменитое письмо Бросата в «Цайт», в котором позднейший директор Института современной истории подтвердил, что в лагерях на территории рейха газаций не было, смутило Фориссона и он обратился к Бросату с письменной просьбой о разъяснениях. Немецкий историк ответил пустыми фразами [144]. Но еще до начала переписки Фориссон начал исследования в области, о которой Бросат не догадывался, а именно в технике убийства с помощью газа [145].

«Мне хотелось узнать, как с помощью газа усыпляют племенных норок, окуривают лисьи норы, как казнят в США. В результате я установил, что во всех этих случаях применяется синеродный газ».

Циклон Б в качестве инсектицида до сих пор используется для дезинфекции амбаров, судов, а также (при борьбе с бешенством) для окуривания лисьих нор. Во время 2-й мировой войны он находил применение во многих концлагерях, причем там, где никто из историков не нашел камер для казни. Считается, что газом была обработана одежда около 25 миллионов человек. Благодаря таким санитарным мерам сотни тысяч, в том числе и многие эки-евреи, не умерли от сыпняка. Герметически упакованный циклон поставлялся в виде гранул или шариков. Веществом-носителем служило древесное волокно или крупчатка – зернистая, красно-коричневая масса. Сам газ выделяется при соприкосновении с воздухом и скорость выделения зависит от температуры воздуха. При температуре в 25,7 градуса процесс длится около получаса, прежде чем испарится большая часть газа, а при более низких температурах – дольше.

Используя два немецких документа военного времени, посмотрим, как на практике применялся циклон Б.

Дезинфекция одежды часто шла в дезинфекционных камерах, построенных фирмой ДЕГЕШ, которая занималась борьбой с вредителями. Эти камеры имели типовой объем в 10 куб.м. и герметическую изоляцию. Одежда, предназначенная для дезинфекции, вешалась на штангу или укладывалась в вагонетки.

Камера нагревалась до 25-35 градусов и выделявшийся из гранул газ, циркулируя, распространялся по ней. Система циркуляции использовалась и для быстрого проветривания камеры с помощью подогретого воздуха. При включении системы циркуляции банка с циклоном автоматически открывалась и ее содержимое высыпалось на поддон, отчего при уборке были видны лежащие гранулы, которые еще часами могли выделять газ, нанося вред людям.

Окуривание продолжалось не менее часа, проветривание – 15 минут. Затем дезинфицированная одежда проветривалась на свежем воздухе. Камеры обслуживались только обученным персоналом, который во время операции входил в нее в противогазе (источник: F. Puntigam, H. Breymesser, E. Bernfus, Bläusauregaskammern zur Fleckfieberabwehr. Berlin, 1943).

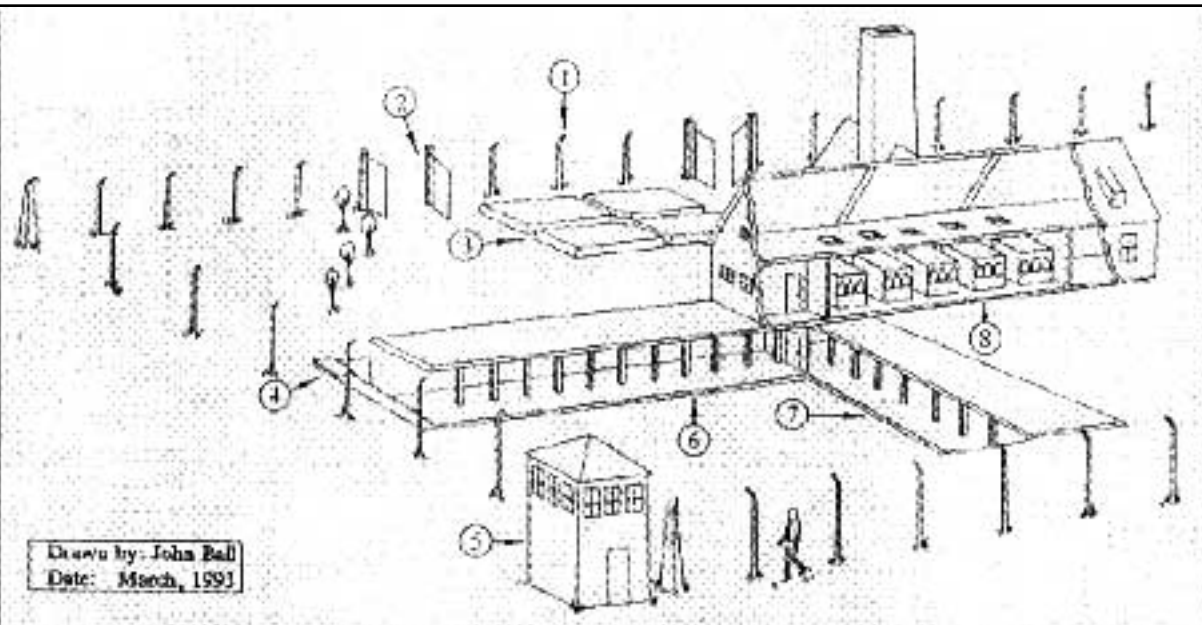
Для дезинфекции герметически неизолируемых объектов, как-то: домов,

судов и др. употреблялись другие способы. Дезинфекции зданий посвящена инструкция «Руководство по применению синильной кислоты (циклона) для уничтожения паразитов», выпущенная в 1942 году отделом здравоохранения протектората Богемии и Моравии. Согласно этой брошюре, дезинфекцию при помощи циклона Б может проводить только обученная группа, минимум из двух человек. Каждый дезинфектор должен иметь при себе противогаз, два приспособления против синильной кислоты, индикатор остаточного газа, шприц с антидотом и удостоверение о допуске.

Перед началом операции на дверь дезинфицируемого здания вешалось предупреждение – при необходимости на несколько языках – с изображением черепа. Охрана отгоняла посторонних. Судя по названной брошюре, самой опасной частью операции являлось проветривание, которое должно было длиться не менее 20 часов.

Эта инструкция была умышленно представлена на Нюрнбергском процессе в качестве обвинительного документа N1-9912, хотя любому внимательному наблюдателю бросалось в глаза, что приводимые данные об особенностях циклона Б делали абсурдными свидетельские показания о массовых убийствах газом.

Взглянем на план крематория П в Биркенау, помещенный в конце главы, который сделал канадец Джон Болл на основании аэроснимков лагеря и проектных чертежей самого крематория.

Drawing showing the interior of a cremation building - from location 4, page 6

Drawing 7-

1 fence posts	4 stairs below ground	undressing room	8 5 furnaces, (3 doors	a day (maximum),
2 open gates	5 guard tower	7 morgue - alleged	each), designed to	using 10 tons of coal
3 garden	6 morgue - alleged	human gas chamber	cremate 102 bodies	(0.1 ton/body). (14)

Иллюстрация 5а.

Аэроразведка союзников регулярно фотографировала Освенцим с декабря 1943 года. На снимках не видно ни массовых сожжений на открытом воздухе, ни очередей перед крематорием.

Канадец Джон Болл сделал схематическую реконструкцию крематория II в Биркенау, который называют главным местом убийства в 3 рейхе и который был огорожен лишь слабым забором.

Если весь лагерь каждый день видел массовые убийства, и узников из Освенцима все время освобождали или переводили в другие лагеря, то почему весть о тамошних ужасах не распространилась по всей Европе в течение нескольких недель?

Почему же союзники молчали об Освенциме до конца войны?

Прежде всего поражает, что предполагаемый главный центр убийства Третьего рейха, где, согласно труду Прессака, за полтора года было умерщвлено 400 000 евреев [146], был окружен только забором. День заднем лагерь наблюдал за убийствами и поскольку, наряду с заключенными, в нем

трудились и наемные рабочие, вечером уходившие домой [147], то информация о происходившем должна была распространяться со скоростью пламени. Однако, как пишут беспристрастные еврейские авторы Мартин Джилберт и Уолтер Лакер, о происходившем в Освенциме мир узнал лишь в июне 1944 года!

Цифрой 6 на рисунке отмечено помещение, которое на планах значится как «морг № 2», а цифра 7 – как «морг № 1». По мнению сторонников холокоста, «морг № 2» был раздевалкой для обреченных на смерть, а «морг № 1» – газовой камерой. Ревизионисты же считают, что «морг № 2» служил действительно «раздевалкой» и потому имел более мощную вентиляцию, чем «морг №1» [148]; «раздевалка» проветривалась лучше, чем газовая камера (!), ибо в ней, вероятно, лежали жертвы эпидемий.

Болл верно нарисовал потолок морга без люков, так как в «момент преступления» их там не было. Понятно, что через несуществующие люки нельзя было бросать гранулы циклона, как об этом говорят свидетели. Если же признать, что в камеры смерти циклон попадал как-то иначе, то свидетельские показания придется объявить недостоверными, а это выбивает из-под холокоста его единственную базу.

Опираясь на показания очевидцев, представим себе, как протекало истребление. Что происходило после того, как эсэсовец на крыше, «по резко отданной команде» (Врба), бросал гранулы циклона в несуществующие люки на головы 3000 кричащих жертв, загнанных на 200 кв. метров?

Гиммлер подходил к глазку и с интересом глядел на смертные муки несчастных. То, что стоящий перед глазком человек не мешал ему – как было бы при демократии – смотреть, можно объяснить лишь бесчеловечностью политической структуры Третьего рейха. Смерть, по Гёссу, наступала через 3-15 минут. Затем за дело брались гномы из зондеркоманды. Как показывают не только планы, но и дощечка, воткнутая на руинах крематория П, к печам из газовой камеры вели не «особые лифты» (Врба), а один единственный лифт. Он имел размеры 2,1 x 1,35 м и от силы мог, вероятно, вместить восемь трупов.

Следовательно, лифтеру пришлось бы сделать между газовыми камерами и печами не менее 250 ездов и это – в парах смертоносного газа. В это же время члены зондеркоманды быстро снимали у мертвецов кольца (Гёсс), срезали волосы и осматривали в теле отверстия (Врба). Работа кипела, а рассеянные среди трупов гранулы циклона продолжали источать газ, так как при зимней температуре (а Гиммлер, по словам Врбы, был в январе) испарение могло идти целых два часа. Согласно Гёссу, зондеркоманды работали без противогазов [149], но от яда не погибали, ибо немцы делали им, очевидно, какие-то особые прививки. Кстати сказать, противогазами в данном случае дело не обошлось бы. Синильная кислота может впитываться через кожу; когда человек потеет [150], опасность заражения возрастает, а таскать в противогазе, не потея, как известно любому солдату, невозможно. Кули из

зондеркоманды от быстрой гибели могли предохранить только защитные костюмы, но о них никто из свидетелей не упоминает.

Главная работа продолжалась два часа, между 11 и 13 часами; новая фабрика, по словам Врбы, действительно работала «безупречно при умелых рабочих», а рейхсфюрер хотел приступить к обеду ровно в час. В это время «из труб пошел более густой дым».

В крематории III имелось пять трехтопочных печей. Ради простоты предположим, что за час в одной топке можно было сжигать по одному трупу, и крематорий работал круглосуточно, как работают современные оснащенные ЭВМ крематории. В таком случае за 24 часа в 15 топках можно было сжечь 360 трупов. У газовых камер оставалось лежать – или стоять – еще 2640 трупов. Если считать сообщаемую Врбой цифру в 3000 завышенной и принять число жертв, по Гёссу, в 2000, то все равно остается 1640 трупов. Ну а дальше? Поскольку, согласно свидетелям, газовые камеры порой работали каждый день, ежедневно добавлялось три или по меньшей мере две тысячи жертв. В мае – июле 1944 года за 52 дня было уничтожено 400 000 венгерских евреев, в среднем 8000 человек ежесуточно, и работало четыре газовых камеры [151]. Следовательно, крематорий II – главное место убийства – действовал каждый день.

Ну а что делали эсэсовцы? Как они умещали в камере 2000 жертв на 200 кв. м., когда в ней от предшествующего дня еще оставалось 1640 трупов? Ведь места для хранения не было! Как же мастерам смерти удавалось делать процесс непрерывным?

Это о работе крематория II. А теперь посмотрим, как шло истребление в крематории I, описанное суперсвидетелем Мюллером (в предыдущей главе об этом говорится в отдельном отрывке).

Мюллер рассказывает о маленьких кристаллах, которые якобы бросали через пробитое в потолке отверстие. Однако на потолке крематория I отверстий также мало, как и на потолке морга крематория II. Имеющиеся четыре отверстия для Циклона после войны сделали поляки, как откровенно признается дирекция музея в Освенциме. Крыша крематория I была заново покрыта толем, якобы закрывшим следы первоначальных отверстий для циклона Б. По этой причине четыре новых «музейных» люка пришлось сделать после войны на новом месте. Однако внутри бетонный потолок ничем не покрыт и не оштукатурен и потому по нему можно было бы определить, где отверстия находились раньше и там пробить новые. Но на неоштукатуренном потолке следов прежних отверстий нигде не видно. Поскольку названную работу на потолке замаскировать было бы нельзя, то из этого следует, «первоначальных отверстий» не было и нацисты, следовательно, не могли через них бросать циклон [152]. Рассказ Мюллера нелеп особенно потому, что трупы в нем раздевают рабочие зондеркоманды. Для них циклон, застрявший в одежде, представлял, естественно, дополнительную опасность, и потому жертвы надлежало бы раздевать до входа в камеру!

При любой автокатастрофы собираются ее следы. Если кто-то убит ножом, то судебные эксперты устанавливают, соответствует ли рана на теле жертвы форме и размеру орудия убийства, является ли кровь на ноже кровью жертвы, можно ли опознать отпечатки пальцев на ручке ножа. А в случае с величайшим преступлением в истории человечества все это оказалось ненужным. Орудие убийства суд ни разу не подверг экспертизе. Есть же показания свидетелей! Интересно, что этим простым вопросом первые ревизионисты тоже не интересовались. Технические проблемы Рассинье затрагивает временами лишь вскользь, не останавливаясь на них. Прежде всего Фориссон, наряду с Дитлибом Фельдерером, направил дискуссию по новому и впоследствии главному пути. Он первый указал на полную абсурдность материальных улик в истории холокоста.

Однако чтобы нанести легенде смертельный удар, требовался специалист по работе газовых камер. В сентябре 1979 года Фориссон побывал в балтиморской тюрьме и раздобыл материал о тамошней камере для смертной казни. В 1982 году он снял видеофильм под названием «Проблема газовых камер». Договорившись с Институтом исторических исследований в Лос-Анджелесе, он в 1983 году приступил к работе над книгой на данную тему. Однако в 1984 году террористы подожгли институт и все его архивы погибли в огне. Финансовое положение ревизионистов было надолго подорвано и потому исторический обман удалось разоблачить только в 1988 году.

В том году в Торонто состоялся процесс ревизиониста немецкого происхождения Эрнста Цюнделя. Его судили по требованию «Союза в память холокоста» за распространение брошюры Ричарда Харвуда «Погибли ли шесть миллионов?» Сама председательница союза Сабина Цитрон, еврейка и бывшая узница Освенцима, была наглядным доказательством того, что евреев нацисты не убивали в газовых камерах, иначе бы ее просто не было в живых.

Обвинение против Цюнделя опиралось на закон «О распространении ложных сведений», вообще почти не применявшийся, который восходит к английскому закону 1275 года – по нему рыцари запрещали простонародью смеяться над собой в сатирических виршах [153].

Оба процесса над Цюндедем подробно описаны у Ленского (Lenski).

Первый процесс Цюнделя 1985 года, проходивший тоже в Торонто, закончился приговором в 15 месяцев заключения. Для обвинения это была Пиррова победа, так как канадские средства массовой информации довольно подробно и в целом верно освещали процесс и широкая общественность могла впервые познакомиться с аргументацией ревизионистов. Приговор был отменен из-за множества процедурных нарушений. Через три года состоялся второй процесс. На сей раз сионистам удалось заставить прессу хранить почти полное молчание и поэтому канадцы были плохо осведомлены о происходившем в зале суда.

Договорившись с Цюндедем, Фориссон связался с американским инженером Фредом Лейхтером, который занимался сооружением газовых камер для казни

преступников, осужденных в некоторых штатах. В феврале 1988 года Лейхтер поехал в Польшу вместе с женой Каролиной, видеооператором Юргеном Нейманом, рисовальщиком Говардом Миллером и переводчиком с польского Тюдаром Рудольфом, дабы удостовериться, действительно ли газовые камеры в Освенциме I, Освенциме-Биркенау и Майданеке были задуманы как место казни. 3 марта экспедиция Лейхтера вернулась из Польши и 5 апреля инженер окончил экспертное заключение. Этот документ имеет, возможно, столь важное значение для второй половины нашего столетия, что не будь в свободном мире прекрасно организованной цензуры печати, результаты экспертизы появились бы на первых страницах газет. Выводы Лейхтера были однозначны: газовых камер для уничтожения людей не было ни в одном из трех лагерей. Существовавшие там газовые камеры были дезинфекционными и служили для уничтожения паразитов. Система доказательств состоит из трех пунктов:

Предполагаемые камеры смерти не делались для указанной цели и не могли ее обслуживать. Поначалу они служили подвалами или помещениями для трупов, а крематорий I в апреле 1944 года был перестроен под бомбоубежище. Согласно литературе о холокосте, крематории и газовые камеры все-таки оставались в последнем здании, что было самоубийством из-за опасности взрыва. Камеры были слишком малы, чтобы в них могло поместиться указанное число жертв. Двери и окна не имеют изоляции и потому была возможна постоянная утечка смертоносного газа. Не было устройства для отопления камер, отчего гранулы циклона могли испаряться лишь очень медленно. Отсутствует также система циркуляции газа. И наконец, совершенно примитивны вентиляционные устройства. В книгах по холокосту говорится, что крематорий I проветривался просто через люки в потолке. В этом случае газ из газовой камеры проник бы в находившийся напротив эсэсовский лазарет и умертвил бы его пациентов. Очень стойкий циклон мог, вероятно, оставаться в «газовых камерах» в довольно большом количестве неделю после акции и любой вошедший им бы отравился. Противогаз помог бы мало, ибо циклон проникает сквозь кожу и действует тоже смертельно. Сжечь в крематориях можно было только малую часть убитых; «рвы для сжигания» – просто выдумка. Лейхтер и его помощники взяли пробы раствора и кладки как в предполагаемых газовых, так и в одной дезинфекционной камере. В растворе и кирпиче цианид сохраняется веками. Через 44 года в образце из дезинфекционной камеры было обнаружено высокое содержание цианида, а в пробах из «газовых камер» его или вовсе не было или он присутствовал в ничтожно малом количестве.

Такое количество Лейхтер объясняет тем, что в этих помещениях раз или два проводилась дезинфекция.

Экспертизу на цианид проводил не сам Лейхтер, ибо он не химик, а д-р Джеймс Рот из Бостона, не знавший о происхождении проб и исследовавший их в Торонто. В докладе Лейхтера есть, разумеется, некоторые ошибки,

вызванные отчасти сильной спешкой, с которой он составлялся. Наиболее слабая сторона доклада – крематории; не имея соответствующих знаний, Лейхтер чересчур занизил их пропускную способность, оценив ее в 3-5 трупов на одну топку в день. Эту ошибку потом годами повторял ряд ревизионистов. Лишь в 1994 году итальянский исследователь Карло Маттоньо написал первую научную работу о крематориях в Освенциме [154]. В своей работе – проверенной многими инженерами – Маттоньо доказывает, что завезенного в крематории кокса хватило бы лишь на сожжение 160 000 трупов. Поскольку Маттоньо, являющийся ныне лучшим знатоком Освенцима, оценивает число погибших в лагере в 170 000 человек, а несколько тысяч трупов могли сжечь на кострах, то все сходится. Еще одна ошибка Лейхтера заключается в том, что он переоценил опасность взрыва – циклон Б взрывоопасен только при большом объеме, который вряд ли возникал при газации.

(Похоже, ошибка переводчика – скорее, при относительно большой концентрации – прим. Warrgrax)

Несмотря на ошибки, доклад Лейхтера сильно продвинул дело, так как он впервые дал техническую экспертизу «газовых камер», которой экстерминистам нечего было противопоставить. Не критикуя действительные ошибки доклада (от них не зависит точность выводов), они обрушились на самого Лейхтера, который сам был инженером мест казни, как будто для холокоста это имеет значение!

Вопреки всему, и на втором процессе Цюнделя признали виновным, однако в августе 1992 года Верховный суд Канады оправдал его, объявив недействительным закон, на основе которого тот был обвинен. Своей травлей отважного графика члены «Союза в память холокоста» добились прямо противоположного: ревизионисты впервые в истории Канады приобрели популярность; Цюндель стал одним из самых известных в стране людей; далее появилась экспертиза Лейхтера, выбившая у обмана почву из-под ног, и члены союза вырыли себе могилу, ибо, если не было холокоста, то зачем союз в память его?

Об экспертизе Лейхтера упомянул в своей книге «Кольцо в носу» Арним Моллер, швейцарский писатель, проживающий в Мюнхене. Эту книгу в подарок от родителей получил талантливый молодой химик Гермар Рудольф. Он изучил доклад Лейхтера, обнаружил, что многие вопросы в нем остались без ответа и летом 1991 года вместе с активным ревизионистом Карлом Филиппом отправился в Освенцим и Биркенау, где повторил исследования Лейхтера, не ставя вопроса о крематориях. В 1993 году вышло первое, позже дополненное сообщение Рудольфа об экспертизе, посвященное появлению и реальности цианистых соединений в «газовых камерах» Освенцима. В нем содержатся три основных положения: невозможность предполагаемого убийства газом с технико-строительной точки зрения (главный аргумент – отсутствие люков для циклона при осуществлении акции); неправдоподобность свидетельских показаний в свете науки и техники;

результаты анализов проб раствора.

Рудольф брал пробы из стен «газовой камеры» крематория II и других зданий, например, барака для заключенных, которые к газации не имели никакого отношения. Пробы исследовались в известном институте им. Фрезениуса, причем не сообщалось, откуда они взяты. Анализы подтвердили результаты Ротг приведенные в докладе Лейхтера. В отличие от Лейхтера, Рудольф полагает, что цианистые следы в пробах из морга I («главная газовая камера») объясняются не одноразовой или многократной дезинфекцией этого помещения, а тем, что синильную кислоту можно в мизерных размерах обнаружить в любом здании качестве естественного продукта. Так, в одном из крестьянских домов в Баварии; было найдено больше цианида, чем в «газовой камере» крематория II! В конце была приведена таблица с результатами анализа.

Официальные историки холокоста не раз предпринимали отчаянные попытки доказать, что данные результаты не противоречат их позиции (они не касались аргументации Рудольфа по технико-строительной части и о неправдоподобии свидетельских показаний). Остановимся на двух главных возражениях:

«Соединения распались за 50 лет». Подобный аргумент приводил также музей Освенцима, который в сентябре 1990 года передал взятые в «газовых камерах» пробы на анализ Институту судебной медицины в Кракове, и снова не получил положительного результата на большое содержание цианида. Спрашивается, отчего цианид прекрасно сохранился в дезинфекционных камерах, причем в местах, которые, в отличие от морга I, подвергались атмосферным воздействиям? Если взять дезинфекционную камеру в строении BW 5a в Биркенау, то можно заметить, как берлинская лазурь со временем прошла сквозь стену и сегодня даже наружная стена этой камеры выглядит голубой! А поднявшись к «люкам для циклона» и «газовой камере», мы не обнаружим там никакого следа синей краски. Проведя позднее длительный эксперимент в агрессивной атмосфере промышленного Лондона, Рудольф убедился, что названные соединения практически не подвержены разрушению.

«Через дыхание синильная кислота вошла в жертвы и потому на стенах ничего не осталось». Итак, в Третьей рейхе имелись дистанционно управляемые молекулы, как есть в наши дни дистанционно управляемые ракеты. Следуя приказам эсэсовских палачей, молекулы не оседали на стенах, а летели прямо в ноздри и рты обреченных на смерть евреев! Процесс выделения газа из гранул идет особенно активно первые полчаса, замедляясь в последующие полтора часа [155]. В морге отопления не было и его никогда не делали, а так как при низких температурах испарение идет медленнее, то можно наверняка предполагать, что оно в целом длилось два часа.

Однако, судя по показаниям свидетелей, смерть заключенных наступала очень быстро – напомним, слова Гёсса о смерти всех жертв через 20 минут, –

а другие свидетели же говорят о почти мгновенной смерти. Следовательно, после кончины последних жертв газ из гранул выделялся бы еще полтора часа, а поскольку трупы не могли бы его вдыхать, то он полностью осел бы на стенах.

Весной 1993 года экспертиза Рудольфа была разослана 306 профессорам неорганической химии в немецких университетах с просьбой указать ошибки. Таковых никто из них не обнаружил. Экспертизу никто больше не оспаривает. В ответ на возражения, будто Рудольф, а до него Лейхтер, повинны в фальсификации и пробы взяты не в Освенциме, хотелось бы спросить у политиков, историков и журналистов: не желают ли они сами проверить результаты Лейхтера и Рудольфа? Никто не мешает этим господам послать в Освенцим международную группу экспертов-инженеров и химиков и повторить исследования перед кинокамерой. Почему бы вам, сторонникам холокоста, не проделать это и поразить ревизионистов их же оружием? Где же ваша контрэкспертиза?

Таковой у сторонников холокоста нет, зато есть другие чрезвычайно крепкие аргументы. В июне 1993 года проф. Ганс Цахер из Института им. Макса Планка, у которого Рудольф работал химиком, получил следующее письмо из Центрального совета евреев Германии:

Многоуважаемый г-н профессор Цахер!

Игнац Бубис, председатель директората Центрального совета евреев Германии, 16.4.1993 сообщил Вам по телефону о своем беспокойстве в связи с эффектом от «экспертизы /.../» дипломированного химика Гермара Рудольфа.

Исполнительный комитет Центрального совета подробно занимался основаниями и эффектом от данной экспертизы. Он разделяет озабоченность председателя в связи с тем, что названная «экспертиза» может быть слишком легко использована как псевдонаучное доказательство в деле отрицания массового убийства евреев...

Центральный совет евреев в Германии ожидает от Вас, многоуважаемый проф. Цахер, что Общество им. Планка примет соответствующие меры для прекращения работы эксперта...

С дружеским приветом Гейнц Еккель

Цахер ответил 14 июля:

Многоуважаемый г-н Еккель !

Благодарю за Ваше письмо от 22 июня. Сообщаю Вам, что Общество им. Планка отношением от 7.6.1993 прекратило без предупреждения деловое сотрудничество с г-ном Рудольфом. Других возможностей контролировать в будущем действия г-на Рудольфа Общество не имеет. Полагаю, что Вы с этим согласитесь.

С наилучшим приветом, Ваш Ганс Цахер

Из переписки прекрасно видно, кто правит в «самом свободном за всю немецкую историю государстве».

Дополнение: Врба явно не мог присутствовать при визите Гимmlера в январе 1943 года, так как тот посетил последний раз Освенцим 17-18 июля 1942 года [156]. И в январе 1943 года новенький крематорий не мог быть открыт, ибо первый крематорий в Биркенау вступил в строй 5 марта 1943 года [157]. Д-р Врба, главный лжец по Освенциму, проживающий ныне в канадском Ванкувере как профессор на пенсии, считает, очевидно, своих читателей за идиотов.

Показания очевидцев

Споря с приверженцами классического изображения холокоста, ревизионист постоянно сталкивается с возражением, что ведь есть множество очевидцев и все они не могли быть лжецами [158]. Видным представителем этого тезиса является проф. Эрнст Нольте. В ответ можно напомнить, что уже доказана недостоверность свидетельских показаний относительно газовых камер в Дахау, Бухенвальде и т.д., о которых говорили столь много «надежных очевидцев» и в которые никто нынче больше не верит. Мягко говоря, удивительно, что нет других доказательств геноцида миллионов людей, кроме показаний очевидцев, в число которых входят признания самих преступников, ибо преступник автоматически является свидетелем. Нужно ли ссылаться на признания летчиков для выяснения факта, что США сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945 года?

Небесполезно однако собрать и проанализировать главные показания о массовом уничтожении в Освенциме. Идея создать такое досье принадлежит инженеру Герхарду Фёрстеру из Вюренлоза, Швейцария. По его инициативе мы написали книгу «Признания виновных и очевидцы холокоста», вышедшую летом 1994 года [159].

Просмотрев значительное количество материалов, мы выбрали 30 типичных показаний, которые делятся на группы:

Сведения от бежавших из Освенцима заключенных, собранные в конце ноября 1944 года в докладе WRB. Первые сведения сообщили два еврея из Словакии: Рудольф Врба и Альфред Ветцлер, которые убежали 7 апреля 1944 г, вторые – евреи Чеслав Мордович и Арност Розин, бежавшие 27 мая, третьи – майор-поляк Ежи Табо. В названном докладе фамилии не указаны. Показания бывших узниц Освенцима: Клод Вайан-Кутюрье и Северины Шмаглевской, сделанные перед Нюрнбергским трибуналом. Признания и записи Гёсса в краковской тюрьме. Рукописи 4 погибших евреев из зондеркоманды: Хаима Германа, Салмена Градовского, Салмена Левенталья и анонимного автора, которые по окончании войны якобы были найдены

закопанными на территории лагеря Послевоенные показания евреев из зондеркоманды: Альтера Фейнзильбера, по просвищу Касковяк, Станислава Янковского и Альтера Шмуля Файнзильберга, Шломы Драгона, Хенрыка Таубера, Дова Пойсиковича, Мильтона Буки и Филипа Мюллера. К ним надо присоединить рассказ поляка Михаля Кулы об упоминаемом Таубером сложном аппарате для введения циклона в газовую камеру. Сообщения двух могильщиков: Мориса Бенруби и Моше Мориса Гарбажа, которые хоронили трупы погибших от газа. Казалось бы, нацисты должны были ликвидировать членов зондеркоманд и могильщиков как особенно неудобных очевидцев геноцида, ан нет, их спаслось много, и причем каждый – только благодаря чудесным совпадениям, а погибшие решили перед смертью записать обширные «показания», запечатать их в бутылку, найденную по счастливой случайности после освобождения лагеря! Доклад о газации, составленный, вероятно, офицером-эсэсовцем Франке-Грикшем. Записки эсэсовца Пери Брода, написанные в английском плену. Рапорты пяти врачей, служивших в Освенциме. В 1942 году врач-эсэсовец Пауль Кремер два с половиной месяца замещал в Освенциме заболевшего коллегу; Андре Леттиш, Шарль Сигизмунд Бендель, Миклош Ньисли и Ольга Лендьель работали в лагере по своей специальности. Показания шофера-эсэсовца Рихарда Бёка на процессе во Франкфурте. «Свидетельские показания» Эли Визеля о массовых убийствах в Освенциме.

23 из 30 показаний сделаны в 1944-47 гг., т.е. во время или сразу после войны. Из 31 свидетеля (два документа написаны двумя авторами; Гёсс высказывался дважды) пятеро было немцами: Гёсс, Брод и Кремер «признавались» в тюрьме; Бёк проходил во Франкфурте свидетелем обвинения; доклад Франке-Грикша – это примитивная фальшивка, изготовленная после войны. Два второстепенных свидетеля (Табо и Кула) – поляки, национальность Шмаглевской неизвестна; все остальные очевидцы – евреи.

Если внимательнее присмотреться к свидетельским показаниям, то выяснится, что в них – если конкретные данные о процессе уничтожения вообще есть – имеется множество технических и физических несуразностей, делающие эти показания бездоказательными. Перечислим главнейшие нелепости:

1). Голубая дымка над жертвами. Бёк, считающийся особенно надежным свидетелем, показал под протокол [160]:

«Через небольшое время (после смерти запертых в газовой камере) узники открывали дверь и можно было увидеть, как над огромной кучей трупов еще стояло голубое облако...»

Голубое облако увидеть Бёк не мог, ибо синильная кислота совершенно бесцветна. Название «синильная» связана с цветом пигмента, образующегося при соединении с железом.

2). Голубоватый цвет жертв. Мильтон Буки говорит [161]:

«Через 20-30 минут после открытия двери нам отдавали приказ вытаскивать трупы, которые мы грузили на повозки. Трупы были обнаженными и на некоторых имелись голубые пятна...»

Болтающий этот вздор никогда не видел труп человека, умершего от отравления синильной кислотой, так как он не голубого, а красного цвета. Кислота блокирует снабжение клеток кислородом и гемоглобин его не отдает, отчего кровь перенасыщается кислородом и кожа умершего выглядит красноватой [162]. О «голубоватых» трупах говорит и Филипп Мюллер, который, судя по его словам, видел сотни тысяч жертв синильной кислоты [163]. На основе замеченного можно утверждать – в Освенциме Мюллер не видел не то что сотни тысяч, а даже одного человека, погибшего от циклона Б.

3) Невероятное скопление людей в газовой камере на одном квадратном метре. По словам суперсвидетеля Брода, в «газовую камеру» площадью в 210 кв.м. крематория II в Биркенау [164] набивали 4000 обреченных [165]. Чтобы сделать это, нужен был бы паровой каток и тогда нацисты сэкономили бы дорогой циклон!

4). Пламя, вырывающееся из трубы крематория. Член зондеркоманды Хенрик Таубер рассказывает такие басни [166]:

«Обычно мы за один раз сжигали в топке четыре-пять трупов, однако часто клали в печи и больше. „Доходяг“ вмещалось целых восемь человек. Начальство крематория не знало, что одновременно сжигается столько трупов; мы делали это во время воздушной тревоги – летчики должны были обратить внимание на особенно сильное пламя, вырывающееся из трубы.»

Огонь из трубы крематория вообще невозможен. Вальтер Люфтль, б. председатель союза австрийских инженеров и официальный эксперт, пишет [166]: «Кокс горит слабым огнем и потому пламя не выходит из топки. Между топкой и трубой есть отводной канал для газа и только затем идет труба. Из нее пламя горящего слабым огнем кокса вырваться не может, выходит только газ при температуре не более 180 градусов, ибо иначе труба быстро выйдет из строя».

Иллюстрация 9а.

Этот рисунок сделал бывший узник Освенцима еврей Давид Олер. Обращает на себя внимание, что члены зондеркоманды работают не только без противогазов и защитных костюмов, но и полуобнаженные. Они бы в этом случае умерли от отравления уже на первом этапе.

Иллюстрация 9б.

Тот же узник сделал и данный рисунок. Придите к крематорию и посмотрите, вырывается ли пламя из трубы! (из книги Прессака "Техника и работа газовых камер").

5). Невероятно большое число трупов, сжигаемых одновременно в одной топке. Шмуль Файнзильбер набивает их больше, чем Таубер, и городит прямо-таки чушь [167]:

«Имелось две печи с двумя топками в каждой. В каждой топке можно было увидеть 12 трупов...»

Топки имели размер 200х200х60 см [168] и в них было бы довольно трудно запихнуть восемь или двенадцать трупов.

6). Сжигание трупов в глубоких рвах. Рассказ об этом встречается в очень многих сообщениях, в частности у Шломы Драгона [169]:

«С другой стороны здания тянулись четыре рва длиной в 30, шириной в 7 и глубиной в 3 метра... Сперва на дно рва положили крупные поленья, затем крестообразно полешки поменьше и сверху сухие сучья. После этого трупы были перенесены из здания в ров, Молль облил их бензином со всех сторон и поджег, бросив зажженную резиновую расческу...»

Из-за недостатка кислорода трупы во рву только обугливались [170] и потому их сжигали на кострах на открытом воздухе. В конце лета и осенью 1942 года, когда крематорий основного лагеря уже не справлялся с 300 и более трупов умерших от тифа [171], тысячи их, очевидно, сжигались в Освенциме на кострах. Инженер Арнульф Ноймайер комментирует слова Драгона [172]: «Надо отметить, что костер во рву сложен у Драгона не по правилам. Каждый скаут знает, что огонь разжигается снизу при помощи легковоспламеняемых материалов типа щепок. Описанный Драгоном костер никогда не разгорится, ибо потухнет после того как сгорят верхние поленья.»

Иллюстрация 3.

Фотография якобы изображает сожжение трупов в Освенциме. На деле же в лагере, до постройки 4-х крематориев в Биркенау, на открытом воздухе скопилось много трупов умерших от тифа, так что снимок не доказывает массового уничтожения в газовых камерах. К тому же, судя по неестественным позам трупов на переднем плане, "фото" частично нарисовано.

7). Применение при сжигании в качестве дополнительного горючего

материала жира, вытекшего из трупов. Эту страшную сказку особенно подробно рассказывает Мюллер, приводя на многих страницах жуткие подробности. Ради интереса процитируем небольшой отрывок [173]:

«Мастер по убийствам спустился вместе со своим помощником Экхардтом в один из рвов и разметил на земле полосу шириной в 20-30 см, которая шла под уклон в продольном направлении. В этом месте надо было сделать слегка наклонную канавку, обложив ее по краям вынутой землей. По канавке жир из горящих трупов должен был стекать в две ямы, вырытые по концам.»

Поскольку трупы лежали не на сковороде, а на дровах, то, естественно, жир моментально сгорел бы. Если бы он все-таки стек в канавки, то в них сразу бы загорелся. Жир, стекший с гриля, тотчас вспыхивает, едва на него падает искра.

8). Сжигание трупов без горючего материала. Цитируем снова Хенрика Таубера [174]:

«...если кремации шли непрерывно, то печи горели благодаря образовавшейся при сжигании трупов горячей золе. Поэтому, сжигая жирные трупы, огонь часто гасили...»

Тело человека более чем на 60 % состоит из воды и само по себе гореть не может, разве что в побасенках Генриха Гофмана и Таубера, этого «достоверного» очевидца холокоста!

9). Применение метанола в качестве горючего. Гёсс кается [175]:

'Трупы сперва обливали нефтяным осадком, а потом метанолом...'

Его дополняет член зондеркоманды Мюллер [176]:

'Так как гора трупов постепенно оседала и воздух внутрь поступал с трудом, то нам, как истопникам, горящую во рву массу все время приходилось поливать бензином, метанолом и человеческим жиром, который в изобилии скапливался в ямах по обеим концам рва и начинал там кипеть...'

Метанол быстро испаряется и совершенно непригоден в качестве горючего. Как сообщил автору Вальтер Люфтль, с помощью метанола ему не удалось сжечь дохлого воробья, хотя он вылил вдвое больше метанола, чем весила сама птичка!

10). Гранулы циклона Б бросаются через отверстия, которых не было. Необходимая информация об этом содержится в последней главе.

11). Газовая камера открывается и трупы из нее выносятся после невероятно короткой вентиляции. Даже если система проветривания была бы очень эффективной (а этого не было), то до начала вентиляции требовалось выждать целых два часа, когда циклон Б улетучится из жертв. Однако после газации проходило всего «несколько минут» (слова Мюллера и Франке-Грикша [177]), камера открывалась и начинался вынос трупов. Максимальное время – 50 минут от сброса гранул до выноса трупов называет Буки, но и эта

цифра чересчур мала. Следовательно, зондеркомандам приходилось трудиться в парах синильной кислоты! Особенно поражает пример, приводимый румынским евреем из Франции Шарлем Сигизмундом Бенделем при описании ликвидации в крематории IV в Биркенау [178]:

"Около 12 часов прибыл новый транспорт, доставивший 800-1000 человек... Двери растворились и людей стали загонять в газовую камеру, которая имела такой низкий потолок, что казалось будто он упадет на головы. Ударами палок людей заставляли заходить и оставаться, потому что, когда они понимали, что их ждет смерть, они пытались вырваться наружу.

Наконец им (эсэсовцам) удалось закрыть двери. Были слышны крики и вопли, началась суতোлка, застучали в стены. Это длилось минуты две, потом воцарилась полная тишина. Через пять минут двери отворились, но входить в камеру нельзя было еще в течении 20 минут. Затем зондеркоманды приступили к работе.

Когда двери открылись, выпало много трупов, поскольку они были тесно прижаты друг к другу. Они были так спрессованы, что их нельзя было отделить друг от друга. По-видимому, предсмертная борьба была ужасной. Всякий, видевший хоть раз газовую камеру, наполненную трупами на высоту полтора метра, никогда это не забудет.

Тогда-то и начинала работать зондеркоманда, люди которой должны были вытаскивать еще теплые и кровоточащие трупы. Но прежде чем они попадали в ров, ими занимались цирюльник и дантист: первый срезал волосы, второй рвал зубы. Тут-то начинался ад. Члены зондеркоманды всю силу пытаются работать как можно лучше. Ухватив за запястье, они быстренько тащат трупы. Я не узнавал людей, чьи лица прежде были мне хорошо знакомы. Они напоминали бесов. Адвокат из Салонюс, инженер-электрик из Будапешта уже не были людьми, потому что при работе их осыпали ударами палок и резиновых дубинок. В это же время у рва расстреливали тех, кто не поместился в переполненных газовых камерах. Через полтора часа работа была окончена и в крематорий № 4 въезжал новый состав".

Доктор медицины Бендель, судя по многим нелепостям, рассказывает о том, чего никогда в жизни не видел:

двери отворяются через семь минут, хотя из гранул циклона Б выделилась лишь небольшая часть газа. отравленный воздух вентиляция гнала в коридор, где ждали члены зондеркоманды и эсэсовцы, очевидно, нечувствительные к синильной кислоте. спрессованные в камере жертвы падали и лежали друг на друге штабелем высотой в полтора метра. на 800-1000 человек имелся всего один дантист, таскавший зубы, и один цирюльник, срезавший волосы. вся работа длилась полтора часа, т.е. дантисту за это время нужно было вырвать 25600 зубов (800x2) – по пять зубов в секунду!

Примечание: здесь Граф увлекся. По логике вырывались не все зубы подряд, а только золотые. Соответственно, их требовалось вырывать раз в 30 меньше. Однако зуб за шесть секунд с учетом обстановки – тоже впечатляет.

12). Члены зондеркоманды трудились без противогазов. Кроме Бенделя об этом говорит и Гёсс, рассказывая, что при работе эти люди «ели и курили», а Мюллер в своем страшном «показании» упоминает, что в газовой камере, когда убитых раздевали, он ел торт, что невозможно при надетом противогазе. Правда, есть очевидцы, которые говорят о противогазах (например, Драгон).

13). Кремация была слишком краткой. Согласно суперсвидетелю Миклошу Ньисли – его книга вышла на многих языках и огромными тиражами – в крематориях Биркенау ежедневно сжигалось 20 000 трупов [179], т.е. на одну топку приходилось по 435 трупов, тогда как в оснащенной компьютерами крематории можно было в 1994 году сжигать в сутки максимум 24 трупа [180] Скромнее звучит рассказ Гёсса [181]:

«Оба больших крематория I и 11 (по нынешней нумерации II и III) были выстроены зимой 1942 – 43 гг. и задействованы весной 1943 года. В них было 5 трехкамерных печей, в каждой из которых можно было за сутки сжечь 2000 трупов.»

Следовательно, в каждой камере сжигалось до 133 трупов, впятеро больше, чем в современном компьютеризированном крематории!

Постараемся объяснить приведенные несуразности. Правоверные историки сегодня считают, что в Освенциме погиб миллион человек или поменьше, но после войны обычно называлась цифра в четыре миллиона. Напомним, что Гёсс всегда настаивал на 3 миллионах. Поскольку число жертв было намного выше производительности «газовых камер» и крематориев, то волей-неволей приходилось говорить о рекордных темпах газации и кремации. Пришлось также изобрести отверстия для циклона Б, дабы яд попал в камеры смерти, весь остальной бред – плод больной фантазии свидетелей. Приведем еще два образчика Повествует Шмуль Файнзильберг [182]:

«В другой раз Моль нашел несколько колец и часы у одного из парней нашей группы. Он послал подростка в крематорий, его посадили в печь и подпалили сигаретами, потом вытащили из печи, подвесили на руках, мучили и допрашивали, откуда у него найденные вещи. Затем облили до пояса бензином и подожгли, приказав бежать к проволочному ограждению, где его и пристрелили».

Рассказ о трех отроках в огненной печи из Ветхого Завета (Дан. 3, 4) – вот замечательная параллель к огнестойкости подростка.

На десерт предлагаем отрывок из «зарытой рукописи неизвестного автора» [183]:

'Там стоит пятилетняя девчушка и раздевает своего годовалого братца. Член команды подходит, чтобы снять с него одежду. Девочка громко кричит: «Прочь, убийца евреев! Не прикасайся к моему братцу своими руками, обогранными еврейской кровью! Я для него – мамочка, и он умрет на моих руках». Рядом стоит семи- или восьмилетний мальчик и он слышит такие слова: «Ты – еврей и забираешь этих славных детей лишь потому, что сам хочешь жить? Разве жизнь среди этих убийц тебе дороже, чем жизнь стольких

еврейских жертв?»... Гауптштурмфюрер Мольтер ставил людей на четвереньки в один ряд и их расстреливал очередью..."

Примечание: в другой книге Графа этот сюжет звучит как «ставил по четверо в ряд и простреливал одним выстрелом» (цитата по памяти). Очевидна небрежность переводчика.

Толкованием приведенных отрывков следует заниматься не историку или инженеру, а невропатологу или знатоку Талмуда. И тем не менее им верят.

Американский ревизионист Брэдли Смит рассказывает, что, согласно одному газетному интервью с «пережившим холокост», в Бухенвальде каждый день еврея запирали в одной клетке с медведем и орлом. Медведь съедал еврея, а орел расклевывал его кости. На восклицание репортерши: «Это же невероятно?» «переживший холокост» отвечал: «И все же это было». Спорим, что большинство читателей столь же легко проглотило эту басню, как медведь узника. После многолетней промывки мозгов любой еврей может нести любую чушь о любом немце и ему верят.

Чем больше занимаешься холокостом, тем яснее становится – истерия вокруг него полностью соответствует охоте на ведьм в предыдущие столетия. Несколько веков назад вся Европа, в том числе ее величайшие умы, верила в ведьм и сомневающимся было едва ли больше, чем в 1993 году ревизионистов. На бесчисленных процессах ведьмы, соблазненные рогатым, подробно рассказывали о своих бесстыжих похождениях. Из их признаний выяснялось, что у беса член покрыт чешуей и совокупление с ним болезненно. Бесовское семя холодно как лед. Достоцитимые ученые сумели в ходе научно точных экспериментов доказать, что некоторые ведьмы лежали в постели в то время, когда они летали по воздуху на метле в Вальпургиеву ночь, а потом совокуплялись с князем тьмы. Это означало, что на метле находилось не тело ведьмы, а ее второе Я, душа. Наряду с ведьмами, тысячи безбожных еретиков взошли на костер из-за сделки с рогатым. Текст этой сделки был точно зафиксирован благодаря тщательной работе официальных судов. Все сведения основаны на сделанных под клятвой показаниях тьмы достойных доверия свидетелей. Сочинения о ведьмах, преисподней, сатане и колдовстве – это настоящая библиотека.

В наш век, век Эйнштейна, расщепления атома и полетов к Сатурну, доктора юриспруденции, профессора истории, интеллектуалы, досконально знающие мировую литературу, издатель "Вельтвохе", известного гамбургского журнала, ведущие журналисты, доценты философии, католические богословы, как верные папе, так и относящиеся к нему критически, немецкие писатели, чающие Нобелевской премии, верят, что в душевой Майданека газом было убито 300000 евреев. Сделано это было посредством гранул циклона, брошенных через головки душа, и эти гранулы сами превращались в газ. Этот газ, хотя он легче воздуха, опускался вниз и «медленно разрывал легкие» (проф. Когон) несчастным жертвам [184].

Они верят, будто д-р Йозеф Менгеле в Освенциме лично отправил в газовые

камеры 400000 евреев, насвистывая мелодии из Моцарта. Они верят, что украинец Иван Демянюк в газовой камере Треблинки собственноручно избил – отрезав сначала уши – 800000 евреев, которых умерщвляли отработанным газом дизеля от негодного русского танка.

Они верят, что в газовой камере Белзеца на одном квадратном метре умещалось 32 человека. Верят, будто зондеркоманды, без противогаза и защитной одежды, вламывались в камеры смерти спустя всего полчаса после газации в ней 2000 человек и рвали у трупов золотые зубы. Верят, что можно сжечь миллионы людей, не оставив ни фунта пепла; что при сжигании трупа вытекает жир, который закипает, что в этот кипящий жир эсэсовцы швыряли младенцев. Верят в спасение Визенталя после 12 лагерей смерти, ни в одном из которых ему не грозило уничтожение; верят, будто Гёсс уже в июне 1941 года посетил лагерь в Треблинке, устроенный в июле 1942 года.

Верят, что за предсмертными страданиями 2000 человек, помещенных в газовую камеру размером 210 кв.м., можно наблюдать через дверной глазок и никто из стоящих внутри не мешает наблюдателю. Они верят, что Гитлер в начале 1942 года приказал полностью уничтожить евреев, и их ничуть не разубедит даже сообщение Наума Голдмана о том, что в немецких лагерях выжило 600000 евреев.

Они верят во все это с совершенно религиозным фанатизмом и сомневающийся свершает единственный грех, который еще существует в последнем десятилетии XX века. Ведь все названные факты доказаны бесчисленным числом достоверных свидетелей и признаниями преступников во время строго правовых процессов! Книгами о холокосте наполнены целые библиотеки; газовым камерам обязаны своими академическими титулами такие историки Еккель, Фридлендер, Шеффлер и Бенц. Нет почти ни одного крупного журнала на немецком языке, где ежемесячно не появлялось бы от 5 до 20 статей об уникальной, трагической судьбе евреев. В некоторых американских школах обязательным предметом является «история холокоста», которому придается такое же значение, как физике или геометрии.

Когда этот абсурд окончится и человечество пробудится от кошмара, возникнет чувство невероятного, безграничного стыда от того, как во все это можно было верить.

История лжи нашего века

Логически можно понять, почему создатели выдумки о газовых камерах превратили Освенцим в главный лагерь уничтожения. Это был самый крупный лагерь и при эпидемиях сыпняка в нем подчас погибало огромное число людей абсолютный рекорд был поставлен 7-11 сентября 1942 года, когда в

день в средне умирало по 375 заключенных [185]; кроме того, здесь имелось несколько крематориев.

Биркенау же порой использовался в качестве транзитного лагеря; евреев, перевозимых дальше на Восток [186]. Крупный лагерный комплекс, высокая смертность, крематории, а также рабочее отделение, тысячи депортируемых евреев, которые, поступая, никогда в Биркенау не регистрировались и вскоре оттуда уезжали – все это создавало идеальные условия для мифологии геноцида.

По нашим изысканиям миф о лагере смерти в Освенциме прошел при своем формировании следующие этапы:

1). Выдающийся испанский ученый Энрике Айнат установил, что Освенцим как лагерь уничтожения впервые упоминается с 1941 года в сводках польского Сопротивления. Кроме непонятных «пневматических молотов» и «электрических ванн» в них говорится о массовом уничтожении в газовых камерах, но – что весьма любопытно – не при помощи циклона Б, а боевого ОВ [187]. Собственно говоря, этот способ более функционален, чем применение дорогого и стойкого инсектицида.

Польское эмигрантское правительство в Лондоне, которое охотно распространяло ужасы о Белзеце и Треблинке, не обращало внимания на указанные донесения. И поэтому – как выяснил «безупречный» английский автор-еврей Мартин Джилберт – до июня 1944 года Освенцим не значился в списке лагерей уничтожения, известных союзникам.

2). Согласно Джилберту, тайна газовых камер Освенцима была раскрыта в июне 1944 года – тогда-то и началась пропаганда, связанная с геноцидом. Но вскоре затихла; в последующие месяцы гораздо больше писалось о Майданеке, освобожденном в июне 1944 года Красной армией – там якобы нашли полтора миллиона трупов.

3). 26 ноября 1944 года в Вашингтоне был обнародован доклад с рассказами трех бежавших из Освенцима узников: Врбы-Ветцлера, Мордовича-Розина и Табо.

Самым важным являлся первый рассказ. Нам уже известна книга Врбы «Не могу забыть». Весьма любопытно сравнить ее с тем, что двадцатью годами раньше порассказали о крематориях и газовых камерах в Биркенау словацкие евреи Врба и Ветцлер. Приведем несколько отрывков [188]:

"В конце февраля 1943 года вступили в строй современный крематорий помещение для газации... На сегодняшний день в Биркенау работают 4 крематория. Два крупных I и II и два: III и IV – поменьше (сейчас крематорий в основном лагере Освенцима I обозначается KI, и нумерация соответственно сдвинута.) Крематории типа I и II (т.е. K II и K III) состоят из трех отделений:

- а) помещение для печей,
- б) большой зал,
- в) газовая камера.

В центре первого помещения возвышается огромная труба. Вокруг нее

находятся 9 печей с 4 топками в каждой. В топку за раз помещается три трупа, полностью сжигаемых за полтора часа... От газовой камеры к печам идут рельсы... Оба крематория III и IV (т.е. К IV и К V) в целом построены по типовому проекту... На открытие первого крематория в начале марта 1943 года, которое было отмечено газацией и кремацией 8000 краковских евреев, из Берлина прибыли видные гости: высшие офицеры и гражданские лица. Они остались весьма довольны и часто заглядывали в глазок, сделанный в двери газовой камеры..."

Судя по рассказу, Ветцлер и Врба никогда не были в крематории. Неправильно названо число печей – в каждом из двух больших крематориев было 5 печей с тремя топками, а не «9 печей с четырьмя топками». К печам из «газовой камеры» (т.е. из морга I) шел лифт, а не рельсы. Оба небольших крематория были построены не по плану, «совершенно однотипному» с крупными, а абсолютно иначе. Интересующиеся могут посмотреть планы крематориев в огромном труде Прессака «Освенцим. Техника и функционирование газовых камер», если они его найдут, ибо сей монументальный опус не продается в книжных магазинах, поскольку он вышел тиражом всего около 1000 экземпляров. Прессак, к сожалению, не сослался на то, что большая часть материала была найдена Фориссоном, который его и предоставил. О Прессаке речь пойдет в нашем приложении к последней главе.

Вернемся к рассказу Врбы и Ветцлера. Если сравнить его с более ранним рассказом о Гиммлере, якобы посетившем лагерь в январе 1943 года, то при описании крематория и газовой камеры можно обнаружить положительную и отрицательную правку:

Согласно Врбе и Ветцлеру, первый крематорий в Биркенау вступил в строй то ли в конце февраля 1944, то ли в начале марта 1943 года, тогда как верная дата – 5 марта 1943 года [189]. В 1943 в газовой камере помещалось 2 000, а в 1944 – уже 3 000 человек. Число евреев, уничтоженных при вводе в строй, сократилось с восьми до трех тысяч. Время кремации трех трупов в одной топке уменьшено с полутора часов до 20 минут. Число печей в 1944 году указано верно. И тут же сказано, что из газовой камеры к печам ведут не рельсы, а «особые лифты». В действительности же, лифт был всего один и непонятно, почему он назван «особым».

Хватит о Врбе, этом освенцимском лжеце № 1.

4). Красная армия освободила лагерь 27 января 1944 года. Напомним, что 2 февраля «Правда» нагородила чепуху о каком-то конвейере смерти и поместила газовые камеры вместо западной в восточной части Освенцима. Очевидно, Вашингтон и Москва не договорились друг с другом, от союзников Советы знали, что должны найти в Освенциме доказательства геноцида, но подробностей им не сообщили, и потому ужасы сталинским пропагандистам пришлось выдумывать самим. Грубая режиссерская ошибка!

5). В апреле – мае 1945 года, в Кракове перед польской комиссией

выступило свидетелями несколько бывших узников Освенцима, в том числе евреи, часто упоминаемые в литературе о холокосте: Альтер Фейнзильбер или Альтер Шмуль Файнзильберг, Шлома Драгон и Хенрык Таубер. После «ляпов» «Правды» польские коммунисты постарались – хотя бы в общих чертах – скоординировать показания. На сей раз свидетели верно указывали расположение газовых камер и не рассказывали историй об убийствах при помощи электрических ванн, пневматических молотов, боевых ОВ или конвейера смерти, а говорили лишь о циклоне Б. В остальном они однако дали волю своей убогой фантазии и потому рассказанные ими истории весьма забавны. Интересна называемая цифра убитых: у Фейнзильбера «много миллионов», у Драгона – «более четырех миллионов», у Таубер – «около 4 миллионов». Эта цифра была явно санкционирована советским режимом. Может быть, прав французский ревизионист, предположивший, что Сталин лично благословил названную цифру.

6). Хотя Освенцим уже во время Нюрнбергского процесса был назван центром еврейского геноцида, обвинители смогли выставить свидетелями всего двух узниц лагеря. Французская еврейка Клод Вайян-Кутюрье, позже член ЦК компартии Франции, выступила на суде 28 января 1946 года. Неожиданно она указала газовую (или газовые, ибо говорила то в единственном, то во множественном числе) камеру в неверном месте – не в крестьянском доме или в крематории, а в женском лагере, напротив блока № 25 [190]. Ее показания, в целом тоже довольно неправдоподобные («пепел сожженных трупов просеивался, чтобы собрать золото»; «В предыдущий вечер в костер живьем бросали детей»), были для обвинения неприятным сюрпризом. Через месяц в трибунале свидетельствовала советская гражданка Северина Шмаглевская [191] и тоже несла сплошную околесицу («О числе убитых детей можно было судить только по количеству детских колясок, которые поступали на склад. Иногда это были сотни, иногда тысячи»). Видя слабую доказательность показаний, суд отказался заслушать остальных узниц Освенцима.

7). Англичане в это время лихорадочно искали Гёсса, который должен был стать коронным свидетелем величайшего в истории геноцида Однако Гёсс скрывался, работая на хуторе в Шлезвиг-Гольштейне под именем Франца Ланга. Поисковая команда англичан его наконец-то нашла в марте 1946 года. В книге «Легион смерти», вышедшей в 1983 году, английский писатель Руперт Батлер, опираясь на свидетельство английского еврея Бернарда Кларка, который руководил арестом и допросом первого коменданта Освенцима, описывает, как давал свои показания Гёсс [192]:

"11 марта 1946 года, в 5 пополудни, фрау Гёсс открыла наружную дверь своего дома и увидела перед собой шестеро человек в форме английской тайной полиции; большинство из них были крупными мужчинами и имели грозный вид; это были специалисты по непрерывным и беспощадным допросам. К семье физическое насилие не применяли, да в нем и не было

нужды. Женщин отделили от детей, поставили караул. Голос Кларка звучал нарочито тихо и ласково. Он начал по-дружески: «Насколько мне известно, Ваш муж был здесь в прошлую ночь». Фрау Гёсс сказала в ответ: «Я его не видела с той поры, как он исчез несколько месяцев назад». Кларк снова дружески, но уже с легким упреком произнес: «Вы же знаете, что это не так». Затем он резко изменил свое поведение и заорал: «Если Вы не скажете, мы передадим Вас русским и они отправят Вас на расстрел. А сына сошлют в Сибирь». Этого было более чем достаточно. Сломленная фрау Гёсс выдала местонахождение бывшего коменданта Освенцима, который принял имя Франца Ланга... Гёсс вскрикнул от удивления, увидев английскую форму. Кларк прорычал: «Как Вас зовут?» Слыша в ответ «Франц Ланг», он бил арестованного кулаком в лицо. На четвертый раз Гёсс сник и открыл, кто он на самом деле /.../

Арестованного сбросили с верхней койки и сорвали пижаму. Голым его поволокли в одну из комнат, где казалось крикам и ударам не будет конца /... / На Гёсса набросили одеяло и потащили к машине Кларка, где сержант влил ему в горло глоток виски. Гёсс попытался заснуть. Своей тростью Кларк поднимал ему веки и приказывал по-немецки: «Ты, свинья, не закрывай свои свиные глаза!» /.../ Так продолжалось три дня, пока Гёсс не дал связные показания."

Вряд ли можно сомневаться в том, что признание Франца Цирайса, коменданта Маутхаузена, сделанные 10 месяцами ранее, относительно 1-1,5 млн. убитых газом в замке Гартхайм были добыты тем же способом, что и признание Гёсса о 2,5 млн. жертв Освенцима. О признании Цирайса уже давно никто не вспоминает, тогда как признание Гёсса стало главным доказательством холокоста и фигурирует почти во всех исторических сочинениях.

Уже полвека немецкому народу предъявляется страшное обвинение, что он осудил на смерть всех евреев от новорожденных детей до столетних прабабушек, оказавшихся в его руках, и истребил их посредством хладнокровно продуманного, поставленного на поток массового уничтожения. В основе этого Обвинения лежит признание, выбитое пытками.

И оно сформировало наше представление об истории. Автор данной книги впервые услышал о газовых камерах в 1958 или 1959 годах в возрасте 6-7 лет и верил в них до вечера 29 апреля 1991 года, когда прочел статью «Правды» от 2 февраля 1944 года об освобождении Освенцима и осознал, что в течении 32-33 лет ему изо дня в день лгали.

Пытавшие допустили, правда, несколько досадных ошибок. Они выдумали лагерь уничтожения «Волзек», о котором позже нигде не сообщалось, и заставили Гёсса признать, что он уже в июне 1942 года побывал в лагерях уничтожения Треблинка и Белзек, хотя Треблинка возникла в июле, а Белзец – в марте 1942 года [193].

После показаний в Нюрнберге Гёсса привезли в Польшу, где над ним

поработала группа экспертов-евреев под руководством Яна Сема. Затем в краковской тюрьме он написал свои записки об истреблении евреев в Освенциме. Мы никогда не узнаем, порождены ли мерзости, сообщаемые Гёссом о себе в рассказе о процессе газации и кремации, большой фантазией его тюремщиков, или он сознательно приводил технические несуразности, которые никто не замечал, пока в 1970-е годы их не заметил Фориссон.

Потом польские коммунисты создали на территории лагеря музей ужасов. Но получилось так, как вообще бывает при одноразовых сооружениях коммунистов: «газовые камеры», которые никогда и нигде не смогут работать; «рвы для сжигания», глубиной всего 60 см, постоянно заполненные водой; груды «женских волос», все одинаково светлого цвета и явно изготовленные из конопли или льна; горы обуви «умерщвленных узников». Как сообщает Эрнст Гаусс, зимой, когда посетителей в музее немного и экспозиция подновляется, можно увидеть, что в витрине лежит всего один ряд обуви, и содрогнувшийся от ужаса турист разглядывает лишь декорацию горы обуви [194].

Официальная статистика по Освенциму до сих пор еще во многом опирается на признание Гёсса, хотя, разумеется, никто из историков не верит в названные им три миллиона. Прессак, новый спаситель сторонников холокоста, в вышедшем в 1994 немецком переводе твоей второй книги об Освенциме сообщает о 631-710 тыс. мертвецов, включая 470-550 тыс. погибших от газа [195]. Если последнюю цифру вычестить из 631-710 тыс., то получится приблизительная цифра умерших в самом большом немецком концлагере. Фориссон округляет ее до 150, Маттоньо называет около 170 тыс. человек.

Одно то, что Гёсс назвал невероятное число жертв, с которым не согласны даже западные историки-евреи Рейтлинджер и Гильберг, уже с самого начала должно было навести на мысль о вынужденном характере его признания и дезавуировать оное. Придворных историков это, однако, никогда не смущало, и они всегда с радостью подхватывали любую чушь, лишь бы она рисовала немецкий народ в нужном им непривлекательном виде.

8). Отныне следовало формально благословить ложь о циклоне Б, о чем позаботились уже не поляки, а англичане. В козлы отпущения записали Бруно Теша, основателя и руководителя Немецкого общества по борьбе с вредителями, и его ассистента Карла Вейнбахера. Обоих в марте 1946 года англичане вывели на суд в Гамбурге. Их обвинили в содействии убийству в Освенциме четырех миллионов евреев благодаря поставкам циклона Б – выяснилось, что только в 1943 году было поставлено 12 тонн инсектицида. В том же году Норвегия заказала компании ДЕГЕШ более 12 тонн циклона, еще 10 тонн взяла финская армия. Это вещество, несомненно, послужило для убийства миллионов евреев в Норвегии и Финляндии. Почему на это шоа не обратили внимания Хоферы, Еккели, Кларсфельды, Шеффлеры, Ланцманы, Браунинги и Визентали? Предстоит еще великий труд по изучению,

оплакиванию и преодолению сего геноцида.

Главным свидетелем обвинения был наш старый знакомый – еврей Шарль Сигизмунд Бендель. Когда он заявил, что, смотря по обстоятельствам, в Биркенау загоняли по тысячи человек в газовую камеру размером 10x4x1,6м, вмешался д-р Циппель, адвокат обвиняемого [196]:

Вопрос: Вы сказали, что газовая камера имела размер 10x4x1,6 м. Верно?

Ответ: Да.

Вопрос: Следовательно, 64 куб.м.

Ответ: Я не совсем в этом уверен. В цифрах я слаб.

Вопрос: Как можно поместить 1000 человек в помещении в 64 куб.м.?

Ответ: Правильный вопрос. Этого можно добиться лишь с помощью немецких методов.

Вопрос: Вы серьезно утверждаете, что можно вместить 10 человек в полкубометра?

Ответ: Доказательство – четыре миллиона убитых в Освенциме.

На этом «перекрестный допрос» заканчивается!

16 мая 1946 года Теш и Вейнбахер были казнены англичанами [197]. Тем самым официально было признано применение циклона Б для массовых убийств.

9). В 50-е годы в отношении Освенцима и холокоста на проамериканский марионеточный режим Западной Германии все более сильное влияние оказывали союзники. В 1963-65 гг. прошел Освенцимский процесс во Франкфурте, о котором подробно рассказывается в следующей главе.

10). Начиная с 50-х гг. и кончая нашими днями, непрерывным потоком выходят «рассказы уцелевших», из которых выясняется, что газовой камеры «уцелевшие» избежали лишь чудом. Подробности для сказок авторы или «авторы-призраки» черпают или из известных книг или рассказов других «уцелевших»; например, Филипп Мюллер в халтурной книге ужасов, напечатанной в 1979 году, в точности повторяет бесчисленные глупости, которые есть уже в записках Гёсса: сжигание в одной топке трех трупов за 20 минут, работа без противотога в насыщенной циклоном газовой камере, ежедневное сжигание в глубоких рвах тысяч трупов, вычерпывание вытекающего при горении человеческого жира и использование его как дополнительного горючего и т.д.

Читая эти «рассказы уцелевших», можно порой натолкнуться на сюрпризы; например, Визель в книге «Ночь» в 1958 году пишет о рвах, а не о газовых камерах. Как видно из приведенных примеров, нынешний официальный образ Освенцима сформировался лишь постепенно.

По мнению Фориссона, ложь об Освенциме – это еврейская выдумка [198]:

"С некоторого времени нам известно, что легенда об Освенциме имеет исключительно еврейское происхождение. Соответствующие факты приведены в книге «Обман XX века» Артура Батца и в «Мифе об Освенциме» Вильгельма Штеглиха. Главными сочинителями и распространителями этой

легенды были два еврея из Словакии: Альфред Ветцлер (или Вечлер) и Рудольф Врба (Розенберг или Розенталь), один из Венгрии – раввин Михаэль Дов Бер Вейсмандель (или Вейсмандл), далее Герхард Ригнер и другие представители Всемирного еврейского конгресса в Швейцарии, которые поддерживали тесный контакт с Лондоном и Вашингтоном, и наконец американцы: Гарри Декстер Уайт, заместитель министра финансов, позже оказавшийся советским агентом, Генри Моргентау, министр финансов, и раввин Сэмюэль Уайз, президент Всемирного еврейского конгресса.

Так возник знаменитый доклад Всемирной комитета по делам беженцев об Освенциме и Биркенау, опубликованный в Вашингтоне в ноябре 1944 года. Копии доклада были переданы судьям, которым был доверен суд над немцами, работавшими в Освенциме. Доклад был официальной версией мнимого уничтожения евреев газом в этом лагере. По всей вероятности, докладом пользовались специалисты по допросам и пыткам, которые занимались комендантом Освенцима. Все вышеупомянутые фамилии – еврейские. Кроме того, ныне известно, что пыточный мастер Бернард Кларк тоже был евреем... И Гёсса в Польше тоже допрашивали евреи, которые обращались с ним соответствующим образом.

Полную ответственность за то, что в ложь об Освенциме до сих пор верят, несут немцы: германское правительство, правосудие, историки, пасторы, телевидение и пресса. Эти господа знают, что едва правда откроется, как их попросят, и потому они по мере сил стараются на пять-десять лет отсрочить этот день".

Процессы

«Бывший политзэк, немец и капо стройотряда свидетельствовал, что т.н. технические заключенные (зэки – помощники надзирателей) якобы регулярно устраивали велосипедные гонки в одной из газовых камер лагеря Освенцим-Биркенау. Этим способом они поддерживали физическую форму во время перерывов, которые эсэсовцы делали между массовыми убийствами. Для гонок газовая камера годилась потому, что пол в ней к центру был покатым, там находился жалоб для стекания крови и рельсы для вагонеток, доставлявших трупы в крематорий».

«Нюрнбергер нахрихтен» 11.9.1978 о процессе в Ашаффенбурге.

В монументальном труде Гильберга об уничтожении евреев имеется в общей сложности 6000 примечаний, в которых автор называет источники. Большинство примечаний касательно прямых доказательств геноцида евреев – это свидетельские показания и признания виновных, а также заверенные письменные свидетельства. Поэтому Батц попадает в точку, заявляя, что существование холокоста вообще невозможно без процессов [199].

Поскольку – как уже подчеркивалось – для доказательства геноцида нет улик ни одного немецкого документа, ни одного трупа, орудия преступления, вообще ничего, то после войны державы-победительницы, а позже их немецкие марионетки поручили судам добыть доказательства для легенды о геноциде миллионов евреев в газовых камерах, от которых не осталось ни малейшего следа. Суды, выполню задание, пользовались разными методами. Судя по Гёссу и охранникам из Дахау, западные союзники при необходимости тоже не чурались физических пыток, как и их советские друзья, чтобы добыть нужные показания, хотя в целом они действовали помягче. Из обвиняемых на Нюрнбергском процессе «военных преступников» физическому воздействию подвергся лишь Штрейхер [200], к другим применялась более тонкая тактика.

Целью Нюрнбергского процесса и всех последующих в связи с холокостом было сделать убийство 6 миллионов евреев историческим фактом. О степени личной ответственности того или иного обвиняемого организаторы процесса договаривались по ходу дела. Лишь немногим из обвиняемых с самого начала не оставляли никаких шансов. Так было с Гансом Франком, генерал-губернатором Польши, – на управляемой им территории находилось не менее четырех «лагерей уничтожения» и потому раскаяние ему не помогло бы. Зато такая важная персона, как Альберт Шпеер, министр вооружений, избежал виселицы, признав геноцид и выказав соответствующее раскаяние. Выйдя из тюрьмы в 1966 году, Шпеер написал мемуары, принесшие ему большие деньги, где при каждом удобном случае заявлял, что всю правду узнал только по окончании войны. За эту наглуемую ложь Шпееру платили до самой смерти, хотя, отвечая за военную промышленность, он лучше других должен был знать, что происходит с депортированными. Но если бы перед Нюрнбергским трибуналом Шпеер стал бы отрицать холокост, его бы, наверное, повесили. После освобождения он 14 оставшихся лет жизни играл недостойную роль обратившегося злодея, раскаявшегося нациста, которого для групп туристов-евреев выводили в качестве ученого медведя. Рудольф Гёсс вел себя мужественнее и потому умер в заключении.

Следовательно, на процессах о холокосте большинству обвиняемых предлагалось сотрудничество в обмен на относительно мягкое наказание: досрочное освобождение или даже оправдание и прекращение процесса. Обычно обвиняемые сваливали вину за геноцид евреев на умерших или исчезнувших людей. Стоит в связи с этим рассказать о Вильгельме Хёттле.

В 1942 году Хёттль за коррупцию и мошенничество попал в черный список

СС, а после войны сотрудничал с американской контрразведкой. В Нюрнберге он заявил, что Эйхманн, в отделе которого он работал в войну, говорил ему о 6 млн. убитых евреев.

Как соучастнику Хёттлю грозила виселица или по крайней мере многолетнее тюремное заключение, но с его головы не упал ни один волос. Американцы за столь мягкое отношение, несомненно, потребовали ответной услуги – привести улики по холокосту и идеальным козлом отпущения стал Эйхманн, считавшийся в те годы бесследно пропавшим [201].

Так в мифе о холокосте довольно рано появилась фамилия Эйхманна. В 1936 году Эйхманн поступил в отдел IV Б 4 (еврейские дела) Управления безопасности. Будучи оберштурмбанфюрером (подполковником), он занимал шестое место в служебной иерархии.

Когда осенью 1941 года началась массовая депортация евреев в трудовые лагеря Польши и России, Эйхманн много занимался ее организацией. В стране, где царят правовые принципы, его бы, возможно, привлекли к суду за пособничество по делу о лишении свободы. Но ведь сами американцы не собирались отдавать под суд тех, кто интернировал во время войны американских японцев – приказ есть приказ.

В 1960 году, нарушив международное право, Эйхманна похитили из Аргентины, где он жил в эмиграции. Израиль поступил так по двум причинам. Прежде всего процесс, разумеется, вызвал у евреев в Израиле и за его пределами истерию по поводу холокоста и дал Израилю прекрасную возможность еще сильнее сплотить евреев и израильтян. По мнению Рассинье, не последнюю роль, похоже, сыграла материальная заинтересованность. По первоначальному соглашению Западная Германия должна была после 1962 года прекратить выплату репараций евреям. Устроив сенсационный показательный процесс, где на скамье подсудимых рядом с Эйхманном незримо сидела бы Германия, у немцев снова пробудили бы комплекс вины и их заставили бы и дальше платить репатриации [202].

Вот почему типичного бюрократа возвели в ранг чудовища нашего века. В числе обвинителей Эйхманна выступали также свидетели, клявшиеся, будто видели в Берген-Бельзене газовые камеры, в которые уже никто из историков не верил [203]. Эйхманна казнили 31 мая 1962 года, и немцы до сего дня платят репатриации.

Зачем в Германии до сих пор устраиваются процессы над «нацистскими преступниками»? Назовем причины. В ГДР политические структуры создали советские оккупационные власти, в ФРГ они появились под присмотром и при участии западных оккупантов, прежде всего США. Естественно, американцы хотели, чтобы возникшее с их благословения половинчатое немецкое государство никогда не встало снова на позиции, противоречащие в главном их курсу. Позже в ФРГ политическая элита начала самовоспроизводиться. Подобная тенденция характерна для всех иерархических структур: в католической церкви атеиста или вольнодумца никогда не назначат

кардиналом, а в Политбюро КПСС не мог пролезть человек, сомневающийся в святости марксизма-ленинизма. Горбачев мог замахнуться на догмы, лишь пробравшись наверх.

Во время холодной войны для правящего слоя ФРГ было очень опасно идти на столкновение с США, которые одни могли защитить от агрессивных советских поползновений. Все немецкие канцлеры от Аденауэра до Шмидта верили поэтому – пусть в общих чертах – в холокост, а если не верили, то благоразумно воздерживались от публичного выражения своих сомнений. Чтобы иметь защиту со стороны США, западные немцы решили играть роль образцового ученика атлантистов, что влекло за собой моральную ответственность. Эта ответственность, кроме репатриаций Израилю и пенсий – вполне, по мнению автора, справедливых и морально оправданных, – бывшим узникам концлагерей включала в себя проведение «процессов над военными преступниками». Если бы немцы от них отказались, то «мировая общественность», т.е. в первую очередь контролируемая сионистами пресса США, отреагировала бы страшно шумной антинемецкой компанией. Как американские сионисты могут изолировать государство, официально дружественно к США, убедительно продемонстрировало дело Вальдхайма. Годами управляемая сионистами пресса обливала морем помоев президента Австрии за его явно придуманные военные преступления, вынудив в конце концов Министерств юстиции США объявить Вальдхайма «персоной нон грата», а глав некоторые западных государств – не встречаться с ним из-за страха быть заподозренными в «антисемитизме». Покончил с бойкотом лишь президент Чехословакии Вацла Гавел, порядочный и мужественный человек, что среди политиков является редким исключением.

Процессы «военных преступников» и «лагерных палачей» в ФРГ, наряду внешнеполитическим, имели также важное внутривнутриполитическое значение. Вновь и вновь подчеркивая уникальную в мировой истории жестокость нацистского режима, они одновременно оправдывали парламентскую демократию, которую упрекали в том, что она появилась в Западной Германии лишь в результате военной победы союзников. Наконец, ужасы концлагерей были хорошим способом вытравливания патриотизма в народе, в особенности у молодежи. На каждом процессе через судебные залы пропускали огромное число школьников, дабы задавить в молодом поколении последние следы национального чувства, самоуважения и заставить его согласиться с внешней политикой Бонна, которая полностью была подчинена интересам Вашингтона.

Эти процессы были продолжением «перевоспитания», которыми занимались после войны западные державы, прежде всего США. Они содействовали укреплению послевоенного порядка, основанного на двух постулатах: вина за войну лежит только на Германии (и Японии) и нацистская жестокость, главным образом уничтожение 6 млн. евреев, в истории не имеет аналогий.

Из сказанного видно, что цель процессов была не выяснение индивидуальной вины, а чисто политической. Напрашивается параллель –

сталинские показательные процессы в СССР и Восточной Европе, от которых западногерманские процессы отличаются, правда, отсутствием пыток и казней.

Разумеется, нельзя утверждать, что все обвиняемые были невиновны – среди них, без сомнения, имелись живодеры и убийцы. Однако вопрос: кто из обвиняемых был виновен, а кто нет, являлся полностью второстепенным; неважно, кто сидел на скамье подсудимых. На процессах в жертву политическим целям были принесены почти все правовые принципы. При судебных разбирательствах об убийствах элементарным правилом в правовом государстве считается проведение экспертизы орудия убийства. Но именно на процессах нацистов, где речь шла не об одном, а о миллионах убитых, это правило не соблюдалось. Если бы процессы проходили в соответствии с юридическими нормами, то сразу бы возникли следующие вопросы:

Можно ли было за имевшееся время сжечь в пяти крематориях Освенцима от 1 до 4 млн. трупов? Откуда привозили горючее? Для сжигания одного трупа в крематории освенцимского типа требуется не менее 30 кг кокса. Можно ли установить, было ли доставлено столь большое количество угля? Как сжигались трупы во рвах? Возможно ли это физически? Каким образом зондеркомандам удавалось входить в камеры смерти через полчаса после газации 2000 заключенных, не имея защитной одежды и противогазов, и там работать с трупами? Позовите химика и спросите, можно ли было это делать! Химик говорит, нельзя? Погодите, а как были устроены газовые камеры? У нас, пожалуй, нет соответствующих специалистов, но они есть у американцев. Пусть прилетит кто-либо из американских инженеров, оборудующих для казни газовые камеры, и отправьте его с группой техников в Майданек и Освенцим, чтобы лучше разобраться. Поляки не разрешат? Но почему? Что им скрывать?

Этого ничего не было сделано. Единственным доказательным материалом процессах были показания свидетелей. Напомним, что ценность многих показаний о газовых камерах на территории рейха оказалась равна нулю. Это, правда, вовсе не значит, будто все свидетели говорили ложь. Лебон наглядно доказал на многочисленных примерах, сколь невероятно велика сила самовнушения. Атмосфера концлагеря, полная страха, недоверия и напрасных надежд, особенно хорошо предрасполагала верить слухам и самовнушениям.

В книге «Ложь Одиссея» Рассинье приводит весьма выразительный пример, воротах Бухенвальда были начертаны слова «Каждому свое», которые Рассинье понимал, зная немецкий. Однако его земляки, французские заключенные, были полностью убеждены, что надпись означает: «Оставь надежду сюда входящий». После освобождения Рассинье услышал как-то радиодискуссию о Бухенвальде, и постоянно упоминалась эта цитата из «Ада» Данте [204]. Так рождаются слухи – делает вывод Рассинье.

Бенедикт Каутский, прошедший три года в Освенциме, пишет о газовых камерах [205]:

«Хочу вкратце остановиться на описании газовых камер; хотя я их не видел, но о них мне достоверно рассказывали столько людей, что я не боюсь

привести здесь их описание».

После этого Каутский довольно точно описывает никогда им не виденные газовые камеры. Каутский – это не Врба, Мюллер или Визель; он не придумывает человеческие мельницы, огненные рвы, электрические души и массовые убийства посредством смертоносного белого порошка. Он верит в газовые камеры, но не без иронии изображает, как возникали в лагере слухи [206]:

“Легковерие было распространено в лагере необычайно сильно. Слухи, называемые арийцами «болтовней», а евреями – «бонки», циркулировали непрерывно и им охотно внимали, сколь бы бессмысленными они не были. Хотя в лагере издевались над фабрикацией слухов (часто слышалось: «Меняю две старых бонки на одну новую»), большинство все-таки клевало на т.н. «благородные бонки».

Каутский сам до своей смерти явно не подозревал, что, описывая газовую камеру, он клюнул на самую большую из всех «бонки». Коммунистические ячейки активно, например, муссировали слухи о газовых камерах в Равенсбрюке [207]. На эту удочку попала Маргарита Бубер-Нойман, невестка еврейского философа Мартина Бубера, которая сперва сидела в Гулаге, а затем, после выдачи в начале 1940 года нацистам, – в женском лагере Равенсбрюк, где жилось гораздо лучше за исключением последних страшных месяцев. Она тоже, как и Каутский, не видела в Равенсбрюке газовых камер, но верила в их существование на основе переданной ей «информации» [208].

Хотя в лагерях слухи и самовнушения играли, конечно, большую роль, ими все же нельзя объяснить все показания по поводу газовых камер. Большинство свидетелей просто-напросто лгали, для чего имелось несколько причин, прежде всего – вполне понятная ненависть к мучителям. Человек был вырван во тьме ночной из своей квартиры и отправлен в лагерь, где на палящем летнем солнце и на звонкой зимней стуже ему приходилось заниматься тяжким принудтрудом, а, вернувшись с него, часами стоять на поверке; человек видел смерть союзников от болезней и истощения, а, возможно, и от побоев или казни; сам был унижен и избит, а после войны, может быть, прошел через лабиринт эвакуации – в нем невольно накопился страшный гнев к притеснителям, отчего кое-кто мог на суде поддаться искушению приписать им кроме реально свершенных преступлений и другие, более страшные. Не поддался лишь Поль Рассинье.

Далее стоит задуматься над фактом, что большинство свидетелей были из коммунистической Восточной Европы, главным образом из Польши и Израиля. Коммунистические режимы были очень заинтересованы в легенде о газовых камерах, а для Израиля она была жизненно необходимой. Учитывая это, разве можно представить, что коммунисты и израильтяне посылали в Германию свидетелей, которые не были бы основательно проверены? Нетрудно также вообразить, что стало бы с вернувшимся на родину свидетелем, если бы он

почему-то не сыграл на процессе нужную роль? Даже если коммунистические и израильские власти серьезно не готовили бы свидетелей, то беспокоиться не стоило бы, поскольку немецкие с свойственной им педантичностью исправили бы данный недочет. В последней главе книги «Миф об Освенциме» и брошюры «Западногерманская юстиция и т. н. нацистские преступления» Штеглих рассказывает, как на этих процессах правового государства делали посмешище. Перед процессом над персоналом лаге Заксенхаузен все будущие свидетели получили от прокурора Гирлиха досье в 15 страниц, в котором среди прочего было сказано [209]:

«Изучив дела, возбужденные по преступлениям в лагере Заксенхаузен, перечень преступников, составленный бывшими заключенными, и литературу о лагере, удалось определить местонахождение многих бывших эсэсовцев... Хотя это относится лишь к части бывших охранников, среди них можно все-таки обнаружит причастных к преступлениям... Поскольку к экспертизе в сомнительных случаях привлекается комитет узников Заксенхаузена, то даже по прошествии больше срока (написано в 1962 году) полное и окончательное выяснение совершенных Заксенхаузене преступлений может оказаться небезуспешным, если бывшие узники, в том числе и Вы, не откажутся от сотрудничества».

Среди перечисленных прокурором преступлений, которые, по его мнению, был: совершены в Заксенхаузене, числилось умерщвление заключенных в газовых камерах. Немецкие власти не беспокоили такие «мелочи», что за два года до процесса чисто сионистский Институт современной истории уже установил: газаций не было ни в Заксенхаузене, ни в других лагерях на территории рейха.

Иллюстрация 4.

В послевоенные годы все "лагеря уничтожения" (они обозначены черным фоном) в силу ситуации оказались к востоку от "железного занавеса" и были недоступны для западных исследователей.

Для облегчения задачи потенциальным свидетелям был прислан фотоальбом со снимками подозреваемых, дабы они отыскиали в нем на досуге нескольких извергов, по возможности мрачного вида. В заключение высказывалась просьба сообщить о неизвестных случаях «жестокое обращение». Если срок давности уже истек, то, согласно Гирлиху, могло выясниться, что «в случае поступления дополнительных сведений жестокое обращение может оказаться убийством». Короче говоря, для воспитания народа нужны были лагерные палачи, которым можно было бы вынести приговор, и потому – как говорит Гирлих – власти знали о местопребывании всех подозреваемых в преступлениях эсэсовцев [210].

При таком «правосудии» презумпция невиновности не принималась во внимание как правовой принцип. Штеглих выразительно описывает атмосферу, созданную в Германии перед освенцимским процессом во

Франкфурте. Задолго до его начала пресса дружно взялась за промывку мозгов: обвиняемые – мелкая сошка, не лучше и не хуже других, но попавшая в сети правосудия, изображались зверьми в человеческом обличи; после начала процесса в городе, в кирхе апостола Павла, открылась выставка, посвященная Освенциму, школьников каждый день приводили в зал заседаний.

Наряду с другими источниками, правосудие пользовалось материалами «Комитета узников Освенцима», которому генеральный прокурор выразил свою благодарность в следующих словах [211]:

«При подготовке обширного дела, посвященного еще нераскрытым преступлениям в Освенциме, вы значительно облегчили нашу тяжелую и ответственную задачу, собрав и предоставив важнейшие документальные материалы и сообщив имена многих свидетелей в стране и за границей. Мы разделяем озабоченность и беспокойство уцелевших и внимаем немим голосам миллионов жертв, вместо которых говорите вы, дабы все еще могущие быть найденными палачи Освенцима, несмотря на их скрытность, были выявлены быстро и сполна, и понесли справедливое наказание».

Генеральному «прокурору» не требовалось, оказывается, доказывать убийство миллионов в Освенциме, ему все было ясно уже до начала процесса! Но чтобы сказала пресса и общественность, если бы на обычном процессе об убийстве родственникам или друзьям жертвы было поручено собрать обвинительный материал и назвать свидетелей!

Но почему же ни один из обвиняемых не отрицал существование газовых камер? В этом еще раз можно увидеть силу самовнушения. Вполне возможно, что туповатый человек – имеющий определенные духовные способности разбирается лучше, чем лагерный охранник – начинает сомневаться в своем рассудке, читая ежедневно в «Бильд-цайтунг» и слыша напрямую от обвинителей, этих высокообразованных господ, что он лично участвовал в уничтожении газом миллионов людей. Отчего обвиняемый должен вести себя иначе, чем крестьянская девушка XVI века, которой судья в точности описывал, как она совокуплялась с князем тьмы на Брокене в Вальпургиевую ночь?

Поскольку самовнушение в лучшем случае лишь отчасти объясняет ситуацию, то взглянем на дело с другой стороны:

По мнению Форрисона, ни одной ведьме не приходило на ум заявить: «Я не имела сношений с чертом, потому что он не существует». Для такой матерой ведьмы костер наверняка сделали бы раза в два выше. У обвиняемой ведьмы был один шанс – отрицать не существование черта, а общение с ним [212].

Так как на процессах о холокосте геноцид евреев и существование газовых камер не исследуется, а заранее принимается как установленный факт, то обвиняемый, отрицающий газовые камеры, заранее был бы квалифицирован как недостойный доверия; его «упертость» выглядела бы как отягчающее обстоятельство. По этой причине большинство обвиняемых, договорившись с

защитой, прибегало к уловкам: они или отрицали личное участие в газации или же – если показания свидетелей были чересчур весомыми – ссылались на приказ. Роберт Серватиус, защитник Эйхманна, в газовые камеры не верил, но побоялся заявить об этом в Иерусалиме, так как его бы первым самолетом отправили домой [213].

Для обвиняемого, не бывшего идеалистом (разве идеалисты идут в лагерную охрану?), важна не историческая истина, а оправдание или – если это невозможно – максимально мягкий приговор. Для адвоката тоже не столь интересны исторические факты, сколько оправдательный или гуманный приговор подзащитному.

Остановимся вкратце на роли прокуроров и судей в процессах. Хотя органы юстиции в демократическом государстве в целом действительно независимы от властей, однако в названных процессах давление на юстицию было так велико, что от прокуроров и судей требовалось бы подлинное мужество, чтобы усомниться в догмах. Если бы кто-то из них и проявил бы мужество, то после воплей «мировой общественности», т.е. нескольких сотен журналистов, поставляющих новости и комментарии, он был бы через несколько часов отставлен от должности и его карьера наверняка окончилась бы.

Верно пишет Штеглих в конце своего труда [214]:

«Данный способ определения приговора жутким образом напоминает методы, применявшиеся в средневековых процессах ведьм. На них, как известно, преступление тоже лишь „предполагалось“, поскольку в принципе оно было недоказуемо. Даже самые видные юристы того времени... полагают, что при „трудно доказуемых преступлениях“ незачем заниматься сбором объективных данных, если в основе лежит „предположение“. В деле доказуемости бесовских шашней, места шабаша ведьм и прочего вздора судьи Средневековья оказывались точно в таком же положении, как наши „просвещенные“ судьи XX века относительно „газовых камер“. Им приходилось в это верить, иначе их самих послали бы на костер, как – но в переносном смысле – поступили бы с судьями в освенцимском процессе».

Приведенная параллель – впечатляет: на процессах ведьм тоже имелись «свидетельские показания» и «признания преступниц», но никогда для доказательства не предъявлялась метла, на которой можно было летать по воздуху, а совокупление ведьм с рогатым оставалось без последствий – суду никогда в качестве *corpus delicti* не был представлен чертов сын с рогами, хвостом и козлиными ногами.

В описанной ситуации никакой порядочный юрист не согласился бы быть прокурором или адвокатом на процессе о лагерях, а уступил бы место личности типа Адальберта Рюкерта. Для достижения нужной воспитательной цели, а именно – осуждения обвиняемого (ради соблюдения фикции правового процесса выносились, конечно, и оправдательные приговоры), суды закрывали глаза на смехотворные благоглупости, рассказываемые свидетелями. Поэтому Филипп Мюллер и мог излагать перед франкфуртским

судом свои большие садистские; измышления о младенцах, кипящих в человеческом жире. Сему «пережившему холокост» нечего было бояться – ни одного свидетеля на процессах не обвинили в лжесвидетельстве.

Приговоры соответствовали уровню проведения процессов. Если д-р Лукас, отправивший – если верить суду – в газовые камеры 4000 евреев, отделался на освенцимском процессе во Франкфурте тремя годами и тремя месяцами заключения, то это говорит о том, что судья сам не верил в чушь о газовых камерах. Зато не повезло обвиняемому, который получил пожизненный срок за то, что убил заключенного, бросив в него бутылку.

И когда обвиняемого Роберта Мулку, осужденного на 14 лет тюрьмы, выпустили через четыре месяца «по состоянию здоровья», то даже тупица должен сообразить: сторговавшись, Мулка подкупил суд своим покаянием относительно газовых камер и обеспечил досрочное освобождение в качестве услуги за назидательно-нужные для народа показания [215].

Ах да, мы как будто позабыли о Рихарде Бэре, третьем и последнем коменданте Освенцима, арестованном в декабре 1960 года и назначенным на освенцимском процессе главным обвиняемым. Очевидно, он поверг обвинение в страшное затруднение своим упрямством, поклявшись на допросах всеми святыми, что Освенциме не было ничего похожего на газовую камеру (на этом утверждении правда, не настаиваем – протоколы допросов недоступны общественности). Трудившийся на лесозаготовках, Бэр вряд ли был субтильного телосложения, но в июне 1963 года он, увы, вдруг умер от сердечного приступа, находясь в предварительном заключении.

В акте вскрытия Института судебной медицины во Франкфурте сказано, «нельзя исключить» прием яда; по приказу Генерального прокурора (еврея) Фр Бауэра труп был сожжен [216].

А такого неудобного свидетеля, как Поль Рассинье, к суду и близко не подпустили – экспертом его не взяли, а, когда он решил поехать на процесс как частное лицо, его сняли с поезда и отправили обратно на французскую границу.

Да, так творилось (и творится) право в «самом свободном за всю историю немецком государстве». На результаты этих процессов опирается затем историческая наука, ибо у нее иных доказательств холокоста нет. Со своей стороны, обращаясь к историческим фактам, ссылаются на экспертизу "историю «Историков», подобных Шефлеру и Крауснику, в основном поставлял Институт современной истории, своего рода «министерство правды» Оруэлла, главная, в единственной задачей которого состоит в фальсификации прошлого посредством изображения немецкого народа как преступника. Суды, занимающиеся осужден нацистских преступников, опираются на свидетельства названных "историков «историки» затем ссылаются на приговоры судов для формирования пропагандистской исторической картины.

Рука руку моет. Указанные факты всплыли на поверхность благодаря прежде всего Штеглиху. За это у него сократили пенсию и лишили докторской

степени ссылкой на закон 1939 года о лишении академических званий, подписанный лично Гитлером [217]. Ценность свидетельских показаний, сделанных на подобных процессах, наиболее полно высветило дело Валуса [218].

В 1974 году Визенталь обнаружил, что Фрэнк Валус, гражданин США, родом из Польши, в войну служа у немцев палачом, совершил ужасные преступления в отношении евреев. В январе 1977 Валусу было предъявлено обвинение. Визент хотел передать Валуса коммунистической Польше, где его наверняка ожидало пожизненное тюремное заключение. Целых 11 свидетелей-евреев под клятвой показали, что Валус дубинкой зверским образом убил старуху, молодую женщину и много детей. Чтобы организовать свою защиту, рабочий-пенсионер Валус влез долги на сумму в 60000 долларов. Наконец, ему удалось получить из Герма документы, из которых явствовало, что в указанное время его вообще не было в Польше, а он работал на баварском хуторе, где его помнили как «Францля». Обвинение рухнуло. Валусу просто повезло. Он остался на свободе, но Визент его разорил. Зато не повезло Ивану Демянюку, украинцу, работавшему до пенсии на автозаводе.

Ганс Петер Рудман в своей насыщенной фактами книге «Дело Демянюка» описывает, как из-за махинаций КГБ, министерства юстиции США и израильских властей этот невинный человек был заклеен гнуснейшим убийцей всех времен. Лжедистория этого дела такова:

От большевистского ига, основанного на терроре и убийствах, ни один народ, пожалуй, так сильно не пострадал, как украинский. По оценкам, 8-10 млн. украинцев погибли в Гулаге, были казнены или умерли от голода в 1932-33 годах, который Сталин вызвал искусственно, чтобы сломить крестьянское сопротивление коллективизации. Неудивительно, что на Украине вермахт встретили в 1941 году с ликованием. Так как многие работники большевистского аппарата насилия были евреи, то после прихода немцев и падения соввласти произошли страшные погромы, жертвой которых стали тысячи невинных евреев. С этим периодом у многих евреев связана ненависть к украинцам, на которых была возложена коллективная вина за погромы и убийства. (Если бы кто-нибудь объявил евреев виновными в красном терроре – а шесть главных начальников Гулага, названные у Солженицына, были евреями, – то обвиненные по праву запротестовали бы против принципа коллективной вины). Когда председательница организации «Американцы за права человека на Украине» в вежливом письме к Дову Бен Мейеру, спикеру израильского парламента, выразила озабоченность поведением органов юстиции Израиля в деле Демянюка, тот ответил [219]:

«Вначале я вообще не хотел отвечать на Ваше письмо, потому что со времен Богдана Хмельницкого у еврейского народа есть большие и определенные претензии к украинскому народу... Однако поразмыслив, я пришел к выводу – заявление, подобное Вашему, написанное американской гражданкой (даже если она украинка), нельзя оставить без ответа... Я советую Вам и Вашим

друзьям, каждый день – а не только по воскресеньям – бывать в церкви и на коленях, до тех пор пока из них не пойдет кровь, просить прощения за содеянное Вашим народом нашему».

К чести Израиля надо отметить, что не все его граждане приветствовали расовую ненависть спикера парламента в духе «Штюрмера», и на расиста-фанатика с резкими словами обрушился Авраам Шифрин, писатель и бывший узник Гулага [220].

Вернемся к Украине периода второй мировой войны. Следуя идиотской доктрине о расовой неполноценности славян (которую, как показывает случай с украинцами, разделяет спикер парламента Израиля), нацисты совершили самую большую глупость во время войны. Вместо того, чтобы на равных сотрудничать с украинцами и русскими, что вызвало бы крах большевиков, они создали новый строй угнетения, погнали миллионы славян на принудительные работы и беззастенчиво грабили завоеванные территории. Не прошло и года, как нацисты полностью утратили доверие местного гражданского населения, и на Украине возникло партизанское движение, которое вело столь же мужественную, сколь и бесперспективную войну на два фронта, против немцев и против большевиков. Украинцам, готовым сражаться на стороне немцев, долгое время пришлось служить в роли вспомогательных сил. Лишь после того, как военная удача отвернулась от нацистов, они попытались выправить свою безумную политику и согласились на формирование украинской национальной армии. Но было уже слишком поздно.

О подлой выдаче советских граждан (и хорватов) их палачам см: Julius Epstein, Operation Kellhaul; P. Толстой. Жертвы Ялты; Nicolas Bethell, Das letzte Geheimnis, а также главу "Та весна" в «Архипелаге Гулаг» Солженицына

Родившийся в 1920 году Демянюк попал в 1942 в плен. Чтобы не испытывать голод и тяготы в лагере для военнопленных, он вступил, как и многие его земляки, в украинскую эсэсовскую дивизию. По окончании войны ему удалось избежать судьбы большинства его соратников, которых союзники выдали красным, а те аж сразу отправили в Гулаг. Два года Демянюк работал в Германии в американской армии и в начале 1950-х годов выехал в США. Перед этим он вытравил эсэсовское обозначение группы крови, ибо иначе ему вряд ли удалось иммигрировать. Для Демянюка роковым стало участие в работе украинских эмигрантов. Чтобы очернить украинских эмигрантов как нацистов, прокоммунистические газеты постоянно писали об украинских «военных преступниках в США». «Юкраиниэн ньюс», просоветский журнал, занимаясь расследованием, нашел в поселке в Огайо, где жил Демянюк, 70 подобных «преступников» и выяснил, что некий Иван Демянюк в 1943 году в Собиборе убивал евреев газом. На Демянюка обратила внимание служба эмиграции США, которая послала в Израиль группу «следователей» с фотографиями различных украинских «нацистов» и там семеро «уцелевших в

холокост» вычислили Демянюка как «Ивана Грозного», палача Треблинки.

На двух треблинских процессах, в публикациях, посвященных лагерю, имя Демянюка ни разу не фигурировало. В книге о Треблинке, выпущенной на иврите в 1947 году, Рахель Ауэрбах упоминает только украинца-садиста Ивана Броша. Однако когда в 1979 году книга вышла по-английски, фамилии Броша в ней уже не было, поскольку началась травля Демянюка.

«Доказательство» представило КГБ, прислав копию удостоверения из учебного лагеря Травники, где во время войны украинцы и другие советские граждане обучались на охранников (в основном для охраны имений, но и лагерей тоже). Изготавливая фальшивку, в КГБ не очень-то старались: рост Демянюка был указан неправильно; в документе не были проставлены дата выдачи и срок действия. Однако даже если бы удостоверение было настоящим, то оно пошло бы Демянюку на пользу, а не во вред, потому что из него явствовало, что в 1943 году Демянюк был послан в Собибор и потому не мог быть в Треблинке.

Тем не менее, министерство юстиции США, которое превратилось в исполнительный орган сионистов, признало копию. Другим доказательством было сочтено удаление подозреваемым эсэсовского обозначения группы крови, хотя данная татуировка имелась только у фронтовиков, а не у охранников. Демянюка могли, конечно, отправить на фронт после ликвидации лагеря Треблинка в сентябре 1943 года, но тогда нацисты, столь строго сохранявшие тайну «окончательного решения», рисковали, ибо, попав в плен, их палач № 1 мог бы все разболтать.

В начале 1986 года Демянюка выдали Израилю, государству, которого еще не было, когда в Треблинке якобы свершались массовые убийства. Польша и СССР к выдаче Демянюка не проявили ни малейшего интереса.

Лишь год спустя советские власти удосужились предоставить оригинал удостоверения Демянюка. Проведенный в США химанализ показал, что в фотобумаге содержится окисел титана, который в качестве химикалии начал употребляться лишь в 1960-х годах. Профессоре Вольфганг Шеффлер, ездивший в Израиль для экспертизы, подтвердил подлинность документа – на нем ведь имелась свастика!

Итак, процесс против Демянюка можно было начинать. Десятки свидетелей под клятвой показывали, что творил Демянюк в Треблинке. Он лично умертвил газом 80000 евреев. Одному заключенному он предложил обесчестить девочку и пристрелил его, когда тот не смог справиться. Он отрезал евреям уши, отдавая их в газовой камере. Штыком он вырезал у евреев из тела куски мяса; вспарывал саблей животы у беременных женщин. Еврейкам он обрубал мечом груди перед тем, как они входили в газовую камеру. Он расстреливал, резал, забивал, душил, порол до смерти узников или медленно морил их голодом. И Демянюку, конечно, вынесли смертный приговор.

Тем временем правительству Израиля (которое думало, естественно, не о

Демянюке, а о поддержании истерии вокруг холокоста и очернении украинского народа) показалось, что оно совершило ошибку. Если украинца казнить, то может возникнуть риск конфронтации между Израилем и бесконечно снисходительными американцами. А если его отпустить, после того как толпы свидетелей под клятвой заклеили Демянюка как монстра, убивавшего газом, душившего, избивавшего, отрезавшего уши, вспарывавшего животы и отрубавшего груди, то тогда, пожалуй, у кого-то может появиться мысль о достоверности на подобных процессах показаний свидетелей-евреев, а ведь на этих показаниях строится вся история холокоста и ее без них нет.

Адвокаты Демянюка подыгрывали обвинению по известному сценарию, настаивая, что их подзащитного, увы, с кем-то спутали, не решаясь однако ставить под сомнение официальный образ Треблинки. В сентябре 1993 года произошло неслыханное: Демянюк, очевидно, под американским давлением, был выпущен из Израиля на свободу...

Треблинка или паралич разума

Проиграв Освенцим и впридачу Майданек, экстерминисты руками и ногами будут цепляться за Треблинку. Скажем, был ли в Треблинке Фред Лейхтер? Высчитал ли он пропускную мощность крематориев и определил ли их мощность? В Треблинке Лейхтер не мог изучать крематории потому, что их там никогда не было, а газовые камеры обследовать по той причине, что они бесследно исчезли.

Итак, обратимся к Треблинке. Об этом лагере ужасов советский еврей Василий Гросман так пишет в репортаже «Ад Треблинки» [221]:

"Эсэсовский рейхсфюрер Генрих Гиммлер нашел эту печальную пустошь и счел ее подходящей для устройства здесь всемирного лобного места. Со времен доисторического варварства вплоть до наших суровых дней род человеческий никогда не знал ничего подобного. Возможно, что подобного вообще не было во вселенной. Здесь была создана самая большая эсэсовская бойня для людей, которая превзошла Собибор, Майданек, Белзец и Освенцим.

В Треблинке было два разных лагеря: рабочий лагерь №1, где работали узники разной национальности, в основном поляки, и лагерь №2 для евреев...

В течение 13 месяцев шли составы в Треблинку и в каждом составе было 60 вагонов, на которых мелом были нанесены цифры: 150-180-200. Эти цифры означали число людей в вагоне. Железнодорожники и крестьяне тайком считали составы... Если даже наполовину уменьшить названные свидетелями цифры прошедших в Треблинку составов, то и тогда количество людей, доставленных за 13 месяцев, достигнет приблизительно трех миллионов...

Все нижесказанное составлено по рассказам живых свидетелей, со слов

людей, работавших с первого дня постройки лагеря до 2 августа 1943 года, когда обреченные на смерть восстали, сожгли лагерь и ушли в леса...

Ежедневно через Треблинку проходило до 20 000 человек и спокойными днями были такие, когда с вокзала прибывало всего 6000-7000 человек...

Рассказывая о последнем страшном составе, все свидетели упоминали дикие поступки человекоподобного существа – эсэсовца Цепфа. Он специализировался на убийстве детей. Обладая огромной силой, этот субъект неожиданно вырывал из толпы ребенка, как дубинкой крутил им в воздухе, бил головой о землю или разрывал его тело пополам...

Треблинка не сразу возникла в виде промышленного комплекса. Она росла постепенно, расширялась; закладывались новые предприятия. Сперва были построены три газовые камеры небольшого размера.

Первые три бетонированные камеры были невелики – 5х5 м, т.е. каждая площадью в 25 кв.м... Новые камеры были размером 7х8 м, т.е. площадью в 56 кв.м., а если к ним прибавить площади трех прежних камер, которые и позже использовались для небольших групп, то общая площадь для убийства достигала в Треблинке 635 кв.м. В камеру заталкивали 400-600 человек. Следовательно, при полной загрузке десять камер за один рабочий цикл уничтожали в среднем 4 000-6 000 человек...

Треблинка действовала 13 месяцев и, если вычесть 90 дней на ремонт, остановку, отсутствие составов, то выйдет десять полных рабочих месяцев. Если в месяц прибывало в среднем 300 000 человек, то за 10 месяцев в Треблинке было уничтожено три миллиона...

Для умерщвления применялись разные способы: выхлопные газы от мотора тяжелого танка, работавшего в Треблинке на электростанции... Второй способ – из камер при помощи особых насосов откачивали воздух... И третий, более редкий, но тоже применявшийся, – убийство паром...

Трупы грузились на платформы и отвозились к большим братским могилам. Тесными рядами их укладывали друг на друга, прижимая поплотнее... В конце зимы 1942-43 гг. в Треблинку прибыл Гиммлер... приказал немедленно вырыть трупы и сжечь все до одного, пепел и золу вывезти из лагеря и развеять по полям и дорогам. Поскольку в земле находились уже миллионы трупов, то это задание казалось необычно сложным и трудоемким...

Из Германии приехал пятидесятилетний эсэсовец, специалист и мастер своего дела. Сколько разносторонних мастеров выдвинул гитлеровский режим – специалистов по убийству малых детей, мастеров по газации и постройке газовых камер и по научно организованному разрушению больших городов всего за один день! Нашелся и специалист по эксгумации и сжиганию миллионов человеческих трупов. Под его руководством приступили к постройке печей...

Работали день и ночь. Люди, участвовавшие в сжигании трупов, рассказывают, что печи напоминали огромные вулканы, ужасный жар от которых опалил лица работавших, а пламя вырывалось на восьми –

десятиметровую высоту. Плотные черные столбы жирного дыма вздымались к небу и висели в воздухе тяжелым неподвижным пологом. Ночью жители окрестных деревень видели пламя на расстоянии 30-40 км...

Страшные печи Треблинки работали непрерывно день и ночь, но, несмотря на это, не могли справиться с миллионами трупов. К тому же все время на газа доставлялись новые партии, загружая печи...

В конце июля зной стал удушающим. Когда вскрыли могилы, из них, как из гигантского котла, вырвался пар. Мерзкая вонь и жара от печей убивали изнуренных людей, которые, вытаскивая трупы, валились замертво или падали на колосники...

Долг писателя – рассказать о страшной правде, а гражданский долг читателя – знать о ней Всякий, кто отвернется от этой правды, закроет на нее глаза или пройдет мимо, оскорбляет память убитых. Неведающий всей правды никогда не поймет, против какого врага, против какого чудовища вела борьбу не на жизнь, а на смерть наша великая святая Красная армия...

Набухшая и жирная почва колебалась под ногами, как будто она была пропитана льняным маслом; земля Треблинки колыхалась как бездонная морская пучина. Эта окруженная колючкой пустошь поглотила больше людских жизней, чем все моря и океаны на земном шаре с первых дней существования человечества".

Таким был провокационный репортаж тов. Гросмана, составленный по «рассказам живых свидетелей».

Фигура немецкого мастера, самая мрачная в этом репортаже, подробнее описана в другом эпическом произведении – "Треблинке" Жана-Франсуа Стейнера. Французский еврей Стейнер сам в Треблинке не был; его роман основан на рассказах уцелевших узников. Симона де Бовуар в своем прочувствованном предисловии к этой монументальной книге заверяет, будто в ней каждая деталь задокументирована [222]:

"Это был худощавый блондин с приятным лицом, он держался скромно, когда однажды, солнечным днем, подошел со свои чемоданчиком к воротам царства смерти. Его звали Герберт Флосс и он был специалистом по сжиганию трупов...

На следующий день был сложен первый костер и Флосс открыл тайну, как делал костер. Он объяснил, что не все трупы горят равномерно. Есть хорошие и плохие трупы, огнестойкие и легковоспламеняющиеся. Искусство состояло в использовании хороших трупов для сжигания плохих. Судя по его опыту, – очевидно, весьма богатому – старые трупы горели лучше свежих, толстые лучше тощих, женщины лучше мужчин; дети горели лучше мужчин, но хуже женщин. Из этого следовало что лучшими были старые трупы толстых женщин. Флосс откладывал их в сторону наряду с мужчинами и детьми.

Когда было вырыто и рассортировано около тысячи трупов, занялись их укладкой, причем хороший горючий материал клали вниз, а плохой – наверх. Флосс отказался от предложенной ему канистры с бензином и приказал

принести дрова. Спектакль должен быть безупречным. Дрова положили под колосниками маленькими кучками, как в лагерном костре. Наступил нужный момент. Флоссу торжественно вручили коробку спичек, он нагнулся, поджег первую кучку, потом вторую и, когда дрова наконец запылали, проследовал своей оригинальной походкой к офицерам, ждавшим в некотором отдалении.

Пламя разгоралось и вот уже добралось до трупов, сперва как бы боязливо, но затем охватило их сразу... Вдруг костер запылал ярким пламенем. Пламя рванулось ввысь, поднялись облака чада, раздался сильный треск, лица мертвецов исказились, мясо стало лопаться. Адское зрелище. Даже эсэсовцы на минуту окаменели и молча взирали на чудо. Флосс сиял. Разжигание костра было лучшим моментом в его жизни...

Это событие надо было отметить. Принесли столы, поставили их напротив костра и наставили бутылок со шнапсом, пивом и вином. День клонился к ночи и высоко пламя костра казалось отражается в вечернем небе, тогда как на горизонт закатывалось великолепным заревом солнце.

По условному знаку хлопнули пробки и фантастический праздник начался. Первый тост был за фюрера... Эскаваторщики вернулись к своим машинам. Когда эсэсовцы с шумом поднимали бокалы, машины пришли в движение: стальные стрелы резким движением пошли вверх, изображая ответное нацистское приветствие. То был сигнал. Мужчины десять раз вскидывали руку и каждый раз звучало «Зиг хайль!» Ожившие машины отзывались на приветствие людей-машин и воздух дрожал от здравниц фюреру. Празднование длилось до тех пор, пока костер не потух. После тостов начались песни, зазвучали дико-страшные песнопения, полные ненависти, мерзкие песни в честь вечной Германии".

Историческая наука лишь слегка отретушировала эти рассказы Гросмана и Стейнера. Гросман-де допустил маленькую ошибочку, назвав 3 миллиона убитых; в действительности их было 750 000-900000 (ну пусть 800 000). Другой оплошностью были фразы о камерах, в которых работал пар или из которых откачивали воздух, тогда как истребление производилось исключительно с помощью газа.

Сколько же газовых камер имелось во втором по величине лагере уничтожения?

Согласно нюрнбергскому документу P8-3311 ни одной. В нем упоминаются только паровые камеры. 13 – по Стейнеру. 10 – по Гёссу. Одна, если верить фильму «Шоа» Клода Ланцмана. Парикмахер из Треблинки Абрам Бомба в разговоре с режиссером упоминает только одну газовую камеру. К этому разговору мы еще вернемся.

Как и в случае с Бухенвальдом, займемся арифметикой: суммируем и разделим названные четыре цифры и получим научно обоснованный результат – в Треблинке было 6 газовых камер. Эта цифра в точности соответствует названной на треблинском процессе в Дюссельдорфе и к данному результату суд, несомненно, пришел сходным путем [223].

Анализируя драматические события в Трешлинке в июле 1942 – августе 1943 года, мы опираемся на слова Гросмана и Стейнера, а также на три других ключевых источника:

«Нацистские лагеря уничтожения в зеркале немецких уголовных процессов» Адальберта Рюккерля, бывшего директора Центрального бюро по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. В этой книге приведены исторические сведения, полученные в ходе строго юридических процессов в свободной и демократической ФРГ.

Сборник «Лагерь смерти Трешлинка», изданный Александром Донатом, в котором многочисленные, достойные доверия очевидцы-евреи бичуют жизнь в Трешлинке.

«Шоа» Клода Ланцмана. Кто не сумел посмотреть этот фильм, длящийся 9,5 часов, может прочесть его текст в книге, вышедшей под тем же названием в «Дойче ташенбух-ферлаг», в серии «Современная история». На клапане обложки написано: «Это, по общему мнению, – самая тщательная, добросовестная и уникальная документация об истреблении евреев в Третьем рейхе». Сей труд можно самым энергичным образом рекомендовать любому человеку, интересующемуся историей, поскольку Ланцман (французский еврей) собрал под свои знамена суперсвидетелей, сливки: Врбу (это он писал о глазке, в который смотрел Гиммлер), Мюллера (у него описаны младенцы, которые варятся в кипящем человеческом жире) и его святейшество Гильберга, главного жреца холокоста! Последний просто потрясает острым интеллектом, когда говорит, почему нацисты не скрывали движение составов смерти в Трешлинку: "меня удивляет, отчего на документе о движении составов смерти – не только на нем, но и на остальных – нет слова «секретно» [224].

Если бы оно имелось, то получатели, естественно, заинтересовались бы, у них возникли бы вопросы, обострилось бы внимание...

Особенно захватывающе звучит в «Шоа» диалог между Ланцманом и парикмахером Бомбой [225]:

Ланцман: «Сколько времени Вы провели в Трешлинке?»

Бомба: «Около четырех недель... Вызвали рабочих-евреев и спросили, есть ли среди них парикмахер... Нашли меня, а я назвал других парикмахеров, известны мне... Мы ждали. Нам отдали приказ идти вместе с ними, с немцами. Они довел нас до газовой камеры, находившейся во второй зоне лагеря...»

Ланцман: «Сколько дней Вы непосредственно работали в газовой камере?»

Бомба: «Неделю или дней десять...»

Ланцман: «Ну и что это была за камера?»

Бомба: "Она была невелика, приблизительно четыре на четыре метра. Несмотря на это, немцы набили в помещение много женщин. Они лежали друг на друге. Как я уже сказал, мы не знали, что за работа нам предстоит. Вдруг появился капо: «Парикмахеры, вы должны вести себя так, чтобы входящие женщины думали, будто их только подстригут, затем душ, а потом они опять

выйдут». Но мы-то уже знали, что из этого места не выходят, что оно – последнее и живым выбраться из него нельзя... Мы старались, как могли...

Ланцман: «Нет, нет...»

Бомба: «Старались быть людьми... Женщины были раздеты, совершенно голые, без ничего... Дети тоже, потому что они выходили из раздевалок в бараках, где должны были раздеваться, прежде чем попасть в газовую камеру... Я, следуя приказу, срезал волосы, как делал бы парикмахер при обычной стрижке, стремясь уложиться в определенное время... Мы делали мужскую стрижку, наголо не стригли. Должно было создаваться ощущение нормальной стрижки».

Ланцман: «А зеркало было?»

Бомба: «Нет, не было ни зеркала, ни скамеек, ни стульев, только скамейки и 16-17 парикмахеров. А людей было...»

Ланцман: «Сколько Вам нужно было обработать женщин за один заход?»

Бомба: "За раз? Около 60-70 женщин... Когда кончал с одной группой, следующая уже ждала: 140-150 женщин. И немцы уже все приготовили. Они приказывали нам выйти из газовой камеры через несколько минут, минут через пять. Потом пускали газ и всех душили... На другом конце стояла команда, вытаскивавшая трупы. Не все были мертвы. Все было убрано за две, а то и за одну минуту... "

Ланцман: «Что Вы ощутили, увидев впервые обнаженных женщин и детей, что почувствовали?»

Бомба: 'Там невозможно было что-либо почувствовать или ощутить... Когда был парикмахером в газовой камере, прибыл транспорт с женщинами из моего родного Ченстохова... Некоторых я хорошо знал. Увидев, они стали меня обнимать: «Абе, что ты здесь делаешь? Что с нами будет?» Что я должен был сказать им? Что Вы им могли бы сказать? Среди стриженных был один из моих друзей, который в моем городе тоже был хорошим парикмахером. Когда его жена и его сестра вошли в газовую камеру...

Ланцман: «Продолжайте, Абе, это нужно».

Бомба: «Слишком ужасно...»

Ланцман: «Прошу, продолжайте...»

Бомба. «Он попытался заговорить с ними, но ни им, ни другим он не мог сказать, что то были последние минуты в их жизни, так как за ним стояли нацисты, эсэсовцы, и он знал, что, сказав хоть слово, он разделит судьбу обеих женщин...»

Бомба не упоминает, сколько человек могла вместить газовая камера, эту информацию дает Элиау Розенберг, другой уцелевший в Треблинке и свидетель на многих процессах. В своем свидетельстве, написанном в Вене в 1947 году, он констатирует [226]:

«Вскоре после того (т.е. после марта 1943 года) были построены новые газовые камеры, вмещавших до 12 000 человек».

Как работал механизм лагеря смерти, рассказывает Рахель Ауэрбах в книге

«Поля Треблинки», вышедшей в 1947 году и помещенной на первом месте в сборнике Доната. Согласно Ауэрбах, в августе – сентябре 1942 года в Треблинку каждый день прибывало 6-10 тыс. евреев. Сошедших с поезда ожидало следующее [227]:

"Мужчины направо! Женщины налево! Женщинам и детям предстояло первым идти в огонь. Но сперва они шли раздеваться в бараки... Узники-мужчины раздевались у барачников... Затем их обнаженными вели дальше и они со своей одеждой в руках шли к барачнику-накопителю... На другом конце помещения для раздевания открывались небольшие двери и толпа двигалась на пути, длиной около 300 метров, окруженным колючей проволокой. Он шел через группу сосен, знаменитую «рощу», оставшуюся после вырубki под лагерь этой части леса.

Этот путь называли «кишкой». Немцы юмористически окрестили его «улицей на небеса». В конце улицы, где евреи должны были напрямик отправляться на тот свет, находились другие двери, ведущие в «баню».. В кабинки входили из коридора через двери, размеры которых были рассчитаны на прохождение одновременно только одного человека... На потолке камер виднелись настоящие душевые головки, но трубок к ним не было...

В первом здании сперва имелись три подобные кабины. Позже, когда процесс как будто был отлажен, дело было расширено. Была выстроена вторая «баня» того же типа, но больше и красивее, чем первая, и имевшая 10 кабинок. По обеим сторонам «дороги на небо» стояли эсэсовцы-немцы и украинцы с собаками. Среди собак выделялся пес Барри, натасканный чтобы откусывать у узников половые органы. Избивая, эсэсовцы тоже очень любили бить свои жертвы по этим органам, потом по голове, груди, животу, т.е. по самым чувствительным местам...

В камеры набивали втрое больше людей, чем они вмещали. Не поместившиеся должны были ждать снаружи, пока до них не дойдет очередь. Пол в газовых камерах был покатым и скользким. Входившие первыми подскользывались, падали и больше не вставали... Некоторые свидетели рассказывают, что люди в камерах должны были держать руки поднятыми, а животы втянутыми, чтобы можно было втиснуть побольше народу. Поскольку они стояли очень плотно друг к другу, то маленьких детей бросали им на головы как тюки с одеждой. Газ был дорогим и расходовать его нужно было бережно... Теперь наступало время запускать мотор, стоявший в мастерской рядом с баней. Но сперва вытяжное устройство откачивало чистый воздух. Затем открывали трубы, подававшие в камеры отработанный газ".

Рюккерль в своей документации так описывает процесс газации [228]:

«После того как никого уже нельзя было вместить, двери камер закрывались и начальник-немец отдавал приказ украинцу – например, крича „Иван, Иван!“ -запустить мотор, выхлопные газы которого направлялись в камеры. Процесс умерщвления продолжался 30-40 минут. Затем мотор выключали и у дверей слушали, есть ли движение внутри».

Сколько эсэсовцев ежедневно занималось газацией 12 тысяч евреев? У Рюккерля и на это есть ответ [229].

«Персонал Треблинки, ответственный за безостановочный ход массового уничтожения, насчитывал 35-40 немцев, все они носили серую форму СС и имели чин не ниже унтершарфюрера».

Евреи не слишком мешали работе 35-40 палачей– эсэсовцев, наоборот, весьма ей помогали. Согласно «Франкфуртер альгемайне цайтунг», на процессе в Дюссельдорфе в 1965 году заключенный Сухомель заявил, что «аллея на небеса» (по Ауэрбах – «улица на небеса») [230]:

«Была длиной в 80-100 метров, а в ширину была рассчитана на ряд из пяти голых евреев, шагавших по ней в газовую камеру»

Если бы евреям вдруг вздумалось шагать в газовую камеру не нагишом и не строем, то тогда бы 35-40 эсэсовцев вызвали на помощь расово неполноценных помощников. Среди них была группа украинцев. Одним из них был знакомый нам Иван Демянюк. Напомним, что он обслуживал мотор, вырабатывавший смертоносный газ. Иван не только издевался над своими жертвами вышеописанным способом, но и вел себя очень жестоко в отношении евреев-рабочих, находившихся под его началом. Как вспоминает еврей-рабочий Янкель Верник [231]:

«Он нередко набрасывался на нас во время работы. Он прибивал к стене наши уши гвоздями или приказывал нам лечь, а потом зверски избивал».

Поведение других украинцев тоже не было безупречным [232]:

«Украинцы были постоянно пьяны и продавали все, что могли украсть в лагере, чтобы иметь больше денег для покупки шнапса... Набив брюхо и напившись до одури, они искали развлечений. Часто они выбирали из проходивших мимо голых женщин самую красивую девушку-еврейку, тащили ее в барак, насиловали и потом отправляли в газовую камеру».

Так как украинцы постоянно были пьяны, эсэсовцы в серьезных случаях не очень-то могли на них рассчитывать. Но у них были и другие помощники – более надежные рабочие-евреи. По словам Рюккерля [233]:

«Рабочих-евреев, число которых в среднем колебалось от 500 до 1000 человек, размещали весьма примитивным образом».

Чтобы евреи могли действовать силой, им дали плетки [234]. Посылать день за днем на смерть до 10 000 своих соплеменников, помогая 35 эсэсовцам и толпе пьяных украинцев, было для 500-1 000 рабочих-евреев, несомненно, психологически довольно тяжело, тем более зная, что рано или поздно наступал и их черед. При такой мрачной перспективе они, по словам Абрахама Кжепицкого, уцелевшего в Треблинке, тешились, как могли [235]:

«Денег у каждого еврея-рабочего было навалом... Крестьяне в округе хорошо об этом знали и понимали, что нигде в мире они получают больше за свои продукты, чем в Треблинке... Поэтому каждый день в Треблинку привозились корзины с булками, жареными курами, сыром, маслом, сливками. Молодые люди (т.е. рабочие-евреи) давали одному из крестьян деньги и он

приносил заказанную рабочими еду».

Для эсэсовцев повседневная жизнь в Треблинке тоже не была обременительной. Отдыхом для них была музыка. Ауэрбах пишет [236]:

«Чтобы скрасить однообразие смерти, немцы создали в Треблинке еврейский оркестр. У него была двойная цель: во-первых, звуки оркестра, елико возможно, заглушали крики и стоны гонимых в газовые камеры людей; во-вторых, оркестр развлекал лагерную обслугу, представленную немцами и украинцами, – двумя музыкальными народами».

Для немцев и украинцев, равнодушных к музыке, имелись другие развлечения, о которых сообщает Якоб Эйснер, тоже выживший в Треблинке [237]:

«Франц сказал одному из заключенных: „А не заняться ли нам боксом?“ Заключенный был в Кракове известным боксером-профессионалом. Боксеры надели перчатки, но Франц – только на правую руку, спрятав в ней небольшой пистолет. „Начали!“ скомандовал эсэсовец. Он подошел к молодому узнику и сделал вид, будто начинает боксировать, а сам выстрелил ему прямо в лицо. Бедный парень полетел, убитый наповал».

В феврале 1943 года, т.е. вскоре после посещения Освенцима Гиммлером, столь выразительно описанного Врбой, рейхсфюрер СС такую же честь оказал Треблинке. От Рахель Ауэрбах мы знаем, какой аттракцион придумали лагерные власти для высшего начальства [238]:

«Говорят, для визита Гиммлера в Треблинку в конце февраля 1943 года был подготовлен особый аттракцион. Группа молодых, специально отобранных женщин, голых, дабы рейхсфюрер СС эстетически мог насладиться их телами, была отправлена в „баню“ и вернулась из нее трупами».

Эти трупы надо было, конечно, тоже сжечь, чтобы союзники после войны ни о чем не догадались. Об удивительных пиротехнических способностях инженера смерти Флосса кое-что известно от г. Стейнера. Остальными пикантными деталями нас осчастливил Верник, достоверный очевидец холокоста [239]:

'Трупы обливали бензином. Это стоило довольно дорого и не давало хорошего результата – мужские трупы просто не хотели гореть. Едва в небе появлялся самолет, как все работы прекращались и трупы закрывались листвой, чтобы скрыть их от аэросъемки. То было страшное зрелище, самое ужасное из когда-либо увиденного человеческим глазом. При сжигании трупов беременных женщин, их животы лопались и можно было видеть эмбрион, горящий в материнской утробе... Бандиты стоят рядом с пеплом и корчатся от дьявольского смеха. Их лица сияют воистину сатанинской радостью. Они чокаются шнапсом и изысканными напитками, балагурят и устраиваются поудобнее, как будто греясь у огня».

По словам Ауэрбах, маленьких детей, в основном, газом не умерщвляли, а им разбивали об стену голову или живыми кидали в огонь, потому что [240]:

«Главным соображением была экономия газа и патронов. Кроме того

считалось, что от пуль и газа дети умирают не так быстро, как взрослые. Проблемой занялись врачи, которые установили, что у детей лучше работает кровообращение, так как сосуды у них более эластичные».

Неудивительно, что, живя в таких опасных условиях, в Треблинке легко было заболеть, что означало смертный приговор, ибо, как пишет Верник [241]: «Больных расстреливали или умерщвляли уколом...»

... кроме Верника [242]:

«За мной ухаживал врач-еврей, он ежедневно меня обследовал и утешал лекарствами и участием. Мой начальник-немец Леффлер приносил мне еду: белый хлеб, масло, сметану. Он всегда делился со мной едой, изъятой у пронесивших ее».

Совершенно отвратительно вели себя в Треблинке собаки. Абрахам Гольдфарб, переживший холокост, не находит для них ни одного доброго слова [243]:

«На пути в газовые камеры с обеих сторон ограждения стояли немцы с собаками. Собаки были выдрессированы бросаться на людей, они кусали мужчин за гениталии, а женщин за грудь, вырывая куски мяса».

Особенно отличался Барри, сенбернар коменданта лагеря Курта Франца. По словам Рюккерля, суд в Дюссельдорфе даже затребовал развернутую психологическую характеристику этого пса [244]:

«В конце 1942 или начале 1943 года Барри привезли в лагерь уничтожения Треблинку. Это был величиной с теленка бастард черно-белой масти с явными признаками сенбернара. В Треблинке он пристал к обвиняемому Францу и видел в нем своего хозяина. Обходя нижний и верхний лагеря, Франц обычно брал с собой Барри. В зависимости от желания и настроения он натравливал словами „Парень, хватай собаку“ пса на узников, которые чем-то привлекли его внимание... и Барри кусал человека, где хотел. Поскольку, в отличие от небольших собак, ростом он был с теленка и широк в кости, то доставал до зада и низа живота довольно высокого человека и часто кусал за зад и живот, а мужчин – нередко даже за половые органы, иногда частично их откусывая. Когда Барри был без хозяина, то его нельзя было узнать. Он давал себя гладить и даже ласкать, никого не трогая...»

Эти данные основаны на показаниях обвиняемого, если им можно верить, на рассказах соучастников М. и Н., на судебно заверенных свидетельствах невропатолога и старшего медицинского советника в отставке д-ра Ш. из Шлезвига... и на основательной и убедительной экспертизе о «поведении пса Барри» проф. д-ра Л., директора Института им. М. Планка по исследованию поведения в Зеевизене, Верхняя Бавария.

«Обвиняемый Франц ставил псу Барри определенные задачи – это гнусная ложь, будто он неоднократно натравливал Барри на евреев... Наоборот, Барри ни одному еврею не причинил зла. Это был добрый игривый пес...»

По вопросу, был ли Барри хищным зверем или добродушно-игривым домашним животным, суд присяжных заслушал директора Института им. М.

Планка в Зеевизене, Верхняя Бавария проф. д-ра Л., известного в мире исследователя. В убедительной экспертизе проф. Л. между прочим заявил следующее: по снимкам Барри, показанным ему судом, он видит, что Барри не был породистым сенбернаром, а бастардом, хотя и с преобладающими чертами сенбернара. Смешанные породы всегда эмоциональнее чистокровных. Если бастарды привязываются к хозяину и возникает т.н. связь «хозяин-собака», то они буквально предугадывают желания хозяина, поскольку собака – это «зеркало подсознания своего хозяина» что в особенной степени относится к смешанным породам... Когда возникает новая связь «хозяин-собака», то характер собаки может полностью измениться. В том, что Барри не кусался у нового хозяина – свидетеля д-ра Шт., ничего удивительного нет. Опыты с собаками убедительно подтвердили данное наблюдение".

Драматические события в Треблинке можно почти полностью реконструировать благодаря «достойным» исследованиям Доната, Рюккерля, Ланцмана, Гросмана и Штейнера, а также сведениям, полученным на дюссельдорфском и иерусалимском судах.

Сооружая в промышленной зоне самый крупный лагерь, нацисты возводили в мрачной пустоши другой – второй по величине (Гросман). Составы в Треблинку, везшие обреченных на смерть, не были тайной для населения, хотя оно не очень-то всему верило. В газовые камеры ежедневно отправлялось до 10 тыс. (Ауэрбах), а то и 20 тыс. человек (Гросман). Работу палачей исполняли 35-40 эсэсовцев, которым пособляли украинцы и 500-1 000 рабочих-евреев. Хотя последние наверняка знали, что рано или поздно они сами попадут в газовую камеру, им никогда не приходило в голову напасть со своими плетками на 35-40 эсэсовцев; они им помогали в массовых убийствах своих единоверцев, которые строем голыми маршировали в газовые камеры (Сухомель), точнее не маршировали, а бежали по «кишке».

Эсэсовцы били их по голове и животу (Ауэрбах), а Демянюк отрезал уши (суд в Иерусалиме). По обеим сторонам «аллеи вознесения» или «дороги на небеса» стояли эсэсовские псы под командой сенбернара Барри и откусывали из тел бегущих куски мяса (Гольдфарб); Барри кусал за половые органы, отражая подсознание хозяина и предугадывая его желания (проф. Л. из Института им. Планка). Дополнительные неприятности несчастным причиняли такие человекообразные существа, как Цепф, который время от времени выхватывал из толпы ребенка и разрывал его над собой (Гросман). Все это сопровождалось звуками еврейского оркестра (Ауэрбах). Потом евреев заталкивали в газовую камеру. Мужчины ждали снаружи, а первыми шли женщины и дети, причем детей живыми в огонь не бросали, потому что их неокрепшие сосуды не поддавались газу и пулям (Ауэрбах).

При виде всего описанного у загоняемых в газовую камеру евреек, казалось бы, должно было развиться сомнение, тем более, что Демянюк только что своим мечом отсек им груди? Ничуть не бывало: они вели себя тупо-покорно и спрашивали дежурящего в камере Бомбу, что с ними будет. Бомба не мог

сказать правду, иначе бы сам отправился в камеру. По этой причине он стриг их обычным манером, а не наголо – обман должен был держаться как можно дольше.

По словам Бомбы, в газовой камере размером 4 на 4 метра находились 17 парикмахеров, скамьи и 70 голых женщин. Было довольно тесновато, тем более – что в здании, которое могло вместить до 12 тысяч (Э. Розенберг), ждало еще 11 913 человек. По команде: «Иван, воду!» Демянюк включал мотор русского танка. Через 30-40 минут все были мертвы (Рюккерль). Затем трупы сжигались, т.е. сперва их захоронили, но потом их вырыл Фиосс, веривший, что старые трупы толстых женщин горят особенно хорошо (Стейнер).

При сожжении животы у беременных женщин лопались и поэтому можно было видеть, как в материнской утробе горят эмбрионы (Верник). В это время немцы чокались изысканными напитками и пели отвратительные песни о вечной Германии (Стейнер). Менее приятно чувствовали себя рабочие-евреи, которые сердились на Демянюка за то, что он прибивал им уши к стене (Верник). Вспоминая эту несправедливость, они утешались, лакомясь жареными цыплятами, булочками, сыром, маслом и сметаной – эти лакомства евреи могли доставать без труда, потому что денег у них куры не клевали (Кжешцкий).

И наконец у рабочих-евреев терпение лопнуло. Рюккерль рассказывает [245]:

«После полудня, 2 августа 1943 года, около 400 заключенным евреям удалось захватить врасплох охрану из немцев и украинцев и бежать... Во время восстания беглецы-евреи подожгли при помощи бензина многие лагерные постройки и огонь их уничтожил».

Вскоре после этого мятежа Треблинка была закрыта.

Если вы поедете – как это сделал я 4 октября 1992 года – на место, где разыгрывались все эти достопамятные события, то ничего не увидите кроме поля, так как по словам Когона-Лангбейна-Рюккерля [246]:

'Территория бывшего лагеря уничтожения была перепажана, на ней были высажены деревья и устроены мирного вида крестьянские хутора В них поселилось несколько украинцев из лагерной команды. Стремилась уничтожить все следы и свидетельства о преступлениях, совершенных в Белзеце, Собиборе и Треблинке, где по осторожным оценкам погибло полтора миллиона человек".

Стейнер присоединяется к этому рассказу [247]:

«Вскоре после восстания лагерь Треблинка был сравнен с землей, а земля перепажана. Все документы были уничтожены».

Работами руководил инженер смерти Флосс: он ликвидировал 800 тысяч трупов, не оставив даже кучки пепла. В статистической сводке из Арользена, где упомянут, например, даже лагерь Нойенгамме с точным числом погибших в 5780 человек, о Треблинке нет ни слова. Как тут не вспомнить слова

Полякова в его «классическом» труде о холокосте [248]:

«Благодаря своей технической гениальности немцы за несколько месяцев создали рациональную и эффективную индустрию смерти».

Остановимся немного на «технической гениальности». В Треблинке орудием смерти был мотор русского танка,, Большинство советских танков времен второй мировой войны имело дизельные моторы. И действительно, Гильберг [249] и Рюккерль [250] пишут, что массовые убийства совершались с помощью газов из дизеля. Так было и в Белзеце – в докладе Герштейна везде фигурирует дизельный мотор. Согласно Полякову, в Собиборе тоже использовался дизель [251]; Гильберг однако указывает, что в этом лагере нацисты предпочли «8-цилиндровый бензиновый мотор мощностью в 200 л. с.» [252]. При помощи дизельных выхлопных газов, утверждают экстерминисты, было умерщвлено от 1,4 до 1,75 мил. евреев (800 тыс. в Треблинке, 600 – в Белзеце, 250 – в Собиборе).

В 1983 году Фритц Берг, американец немецкого происхождения сделал доклад о «дизельных камерах» [253] на международной конференции ревизионистов, происходившей в Энахейме, Калифорния. Его выводы были однозначны: вся эта история – полная чушь.

Человека можно, конечно, убить с помощью выхлопных газов от дизеля, однако это – трудный и малоэффективный способ, поскольку газы плохо умерщвляют из-за очень низкого содержания углекислого газа. Если с помощью бензинового мотора легко создать в кубометре воздуха насыщение в 7 % и более углекислого газа, то дизель дает всего один процент, даже при специальном неправильном режиме, увеличивающем выход углекислоты. Смерть в дизельной камере наступает не в результате отравления углекислотой, а от недостатка кислорода, содержание которого в воздухе падает при постоянном поступлении выхлопных газов. В камере люди погибали через 32 (Герштейн), 30-40 (Рюккерль) и 5 минут (Бомба). Отбросив время Бомбы как фантастическое, Берг рассчитал, что смерть может наступить только через полчаса. Для нее необходима концентрация углекислого газа не менее 0,4 % на кубометр воздуха, достичь которую дизель может, работая на 80 % мощности, но при таком режиме он несколько раз в день выходил бы из строя. Следовательно, дизель пришлось бы постоянно перебирать, и очереди из обреченных в входа в газовую камеру делались бы длиннее и длиннее.

Гораздо лучше дизеля с убийством справлялся бы бензиновый мотор. Если нацисты действительно хотели бы травить жертвы не ядовитыми газами, во множестве производимыми их промышленностью (они первые изобрели нервно-паралитический газ зарин), а выхлопными, то они взяли бы на вооружение т.н. «газогенераторные машины».

Эти машины не надо путать с мифическими «душегубками», в которых немцы – согласно творцам легенд о холокосте – умерщвляли людей с помощью выхлопных газов. Тысячи газогенераторных машин работали в Европе как при немцах, так и при союзниках. В качестве горючего они

использовали в основном дрова, реже уголь. В генераторе горючий материал превращался в газовую смесь, содержащую 18-35 % углекислоты. Следовательно, если бы при «окончательном решении» для истребления людей хотели использовать выхлопные газы, то выбор, несомненно, пал бы на газогенераторные автомобили, которые вполне подходят в качестве орудия убийства.

Если холокост действительно имел место, то преступники-бюрократы и инженеры смерти были гениями организации и техники. Им удалось незаметно доставить в центры по уничтожению миллионов людей, истребить их за рекордный срок (800 тыс. за 13 месяцев в Треблинке, 600 тыс. за 10 месяцев в Белзеце, 400 тыс. всего за 52 дня в Биркенау!) и бесследно ликвидировать миллионы трупов. И эти гении организации и техники использовали для убийства в двух или трех лагерях выхлопные газы от дизеля, т.е. применяли самый нелепый способ, какой вообще можно вообразить! В Освенциме они использовали дорогой, дефицитный и опасный в обращении циклон Б, вместо того чтобы проложить из Моновица в Биркенау трубу, по которой можно было бы гнать в газовые камеры промышленный углекислый газ, дешевый и для палачей безвредный!

Будучи профаном в технической области, автор для верности проконсультировался с двумя специалистами, которые подтвердили информацию, взятую из книг, о токсичности отработанных дизельных газов и о мощности крематориев. 5 февраля 1993 года в Техническом университете Цюриха он встретился с экспертом по дизельным моторам. Уже через несколько минут, еще не зная, что собеседник занимается холокостом, эксперт ответил: «До чего же глупы были нацисты, совершая массовые убийства при помощи дизеля! Понятно, отчего они вскоре перешли на циклон Б». Университетский эксперт не знал, что, согласно официальной историографии, циклон Б применялся только в Освенциме и Майданеке, тогда как в других лагерях смерти использовался дизель.

10 февраля автор побывал в базельском крематории, который считается одним из самых современных в мире; он работает 24 часа в сутки и труп в нем сжигается в среднем за час. Когда автор назвал цифры, упоминаемые в литературе по холокосту (по Гёссу и Врбе – 20 минут на три трупа), директор крематория заявил, что сообщавшие их явно были не в своем уме. Если бы крематории Биркенау обладали такой же производительностью, что и базельский, и работали все время безаварийно, то через 52 дня после начала операции по сожжению венгерских евреев, несожженными в Биркенау лежали бы еще 345 000 трупов, а газация и кремация, хотя и в более медленном темпе, продолжались до ноября 1944 года. Двух кратких разговоров со специалистами, число коих тысячи, было достаточно, чтобы разоблачить страшную ложь, духовно почти полвека отравляющую человечество в интересах крошечной клики.

Немецкий инженер Арнульф Ноймейер занялся вопросом, что нужно было

сделать для того, чтобы сжечь в Треблинке на открытом воздухе 800 тыс. трупов. Его статья вышла в конце 1994 года в сборнике Эрнста Гаусса.

Нужно было бы иметь 160 000 тонн сухих дров, заготовить которые за короткое время было невозможно. Сырые дрова не дали бы достаточно жара и потому их пошло бы неизмеримо больше. В литературе о холокосте нигде не говорится о таком огромном количестве дров. Пепел от 800 тыс. трупов и зола от их сожжения весили бы 2372 тонны И даже если бы зола была тщательно перемешана с землей, то Красной армии нетрудно было бы найти миллионы зубов и костных останков. В этом случае у нас бы имелись конкретные доказательства о холокосте в Треблинке, а не рассказы гг. Гросмана, Стейнера, Верника, Розенберга, Бомбы, Гольдфарба и др. (Один перечень имен показывает, что ложь о Треблинке, как и об Освенциме, имеет чисто еврейское происхождение: ни один другой народ в мире не способен . выдумать подобные ужасы).

Если бы во время обоих треблинских или иерусалимского процессов против украинца Демянюка была назначена экспертиза орудия убийств – как это обычно делается при любом связанном с насилием преступлении – то процессы сразу бы лопнули. Для некоторых людей отказ от подобной экспертизы является роковым. Курт Франц, арестованный в 1959 году и приговоренный затем к пожизненному заключению, писал в январе 1976 года д-ру Герлаху [254]:

«На Ваш запрос относительно Треблинки я готов дать точную информацию в любой форме. Я не носил прозвище „лалка“, когда летом 1942 года был лагерным начальником. Так звали унтерннггурмфюрера д-ра Ирмфрида Эберля... Я поступил на службу в Треблинке 1 ноября 1942 года..., а потом отвечал за караул и охрану лагеря... Уже целых 16 лет я безвинно сижу за чужие преступления, так как на треблинском процессе требовался козел отпущения. На меня всех натравливали, объявляли убийцей и подделывали бумаги, относя мою службу в Треблинке на лето 1942. Мне жаль, что сейчас я не в состоянии конкретно ответить на Ваши вопросы. В настоящий момент я борюсь с судами, потому что мне отказали в предоставлении защитника для подготовки заявления о пересмотре дела... С официальными защитниками мне пришлось расстаться, поскольку по указке прокурора они не защищали мои интересы».

Просидев 35 лет, если не считать отдельных отпусков на побывку, за то, что упорно отрицал официальную версию относительно Треблинки, Курт Франц в 1994 был отпущен из тюрьмы умирать от рака.

Его подельник Сухомель, видевший, как евреи «шагают в газовую камеру голые и строем», просидел в тюрьме всего четыре года [255]. Густав Мюнцбергер, ответственный – судя по приговору – за газовые камеры, получил 12 лет, отсидев лишь шесть [256]. Он тоже сознался в газациях и с ним обошлись милостиво, следуя поговорке «рука руку моет».

Конечно, если бы в Дюссельдорфе и Иерусалиме провели экспертизу об

орудии преступления, то Франц не просидел бы 35 лет за решеткой, а Демянюк годами не ждал бы палача в камере смертников. Однако после такой экспертизы исчез бы лагерь уничтожения Треблинка, а затем, возможно, и сам холокост; прекратилось бы перевоспитание немецкого народа, исчезли бы прочные, хорошо оплачиваемые местечки чиновников в Центральном бюро в Людвигсбурге и миллиардные компенсации ФРГ Израилю, очень и очень нужные последнему для расселения советских евреев-иммигрантов на оккупированных палестинских территориях! Посему от экспертизы относительно газовых камер пришлось, к сожалению, отказаться. Вместо этого судом в Дюссельдорфе была проведена экспертиза пса Барри и перед судьями выступил не специалист по дизелям, а собачий психоаналитик.

Два необходимых дополнения:

1) Наряду с писаниями Гросмана, Штейнера, Ланцмана, Доната и Рюккерля есть еще одно классическое произведение о Треблинке – «У бездны. Исследование совести» Гиты Серени-Хонейманс, которое мы ни разу не цитировали, ибо в нем нет ничего любопытного кроме обложки, на которой начертано – «научная работа». Но поскольку для Еккеля только в этой книге «о величайшей бесчеловечности рассказано столь человечно» (так написано на клапане), то все же процитируем из нее один отрывок [257]:

"Сухомель помолчал. «Знаете ли Вы, – спросил он тоном научной заинтересованности, – у всех евреек на заднице есть ямочки? Это установили специалисты по расам!» «Как Вы можете серьезно верить в эту ерунду?» – спросил я. «Видели ли Вы когда-нибудь попку толстой христианки? Немки, например?»

Данный вопрос столь сильно занимал автора, что на 403 страницах своей бездарной работы он не нашел места для обсуждения иных проблем: сколько газовых камер было в Треблинке, какого они были размера, как работали, на каком газе, как за шесть месяцев (с апреля по сентябрь 1943 г.) удалось ликвидировать 800 тысяч трупов, не оставив ни костей, ни пепла?

2) В августе 1992 года «Польское историческое общество» (США, 06902 Коннектикут, Стэмфорд, 91 Строуберри авеню), которое объединяет в основном американских поляков, интересующихся историей, выпустило обширнейшее досье, полностью изменившее представление о Треблинке как «лагере уничтожения». Вот некоторые его тезисы:

Уже в июле 1942 года, вскоре после сооружения транзитного лагеря Треблинка 2 (в конце 1941 г. на расстоянии трех километров возник трудовой лагерь Треблинка 1), начала работать пропаганда. Во время войны и после нее, кроме выхлопных газов, писали о следующих способах уничтожения: циклон, горячий пар, откачка воздуха из камеры, электроток, расстрел из винтовок и автоматов. Технически невозможно – и это теперь признали все «историки» – убивать газом от дизеля. В досье упоминается о дизель-поезде, застрявшем в 1988 году в Вашингтоне в туннеле. Хотя газ заполнил туннель и до прибытия спасателей прошло 40 минут, никто из 420 пассажиров не

пострадал. Треблинка 2 находилась всего в 240 метрах от железнодорожной линии, в 270 – от крупной автодороги и в 800 – от ближайшей деревни. В подобной ситуации массовое убийство можно было скрывать разве что в течении недели... Польское правительство в изгнании, в апреле 1943 года, откопало еще один «лагерь уничтожения» – т.н. "Треблинку 3" , в 40 км севернее, в лесном массиве, но позже о нем ни разу не вспоминали. Бывшие эки Треблинки нарисовали почти 40 планов лагеря, в которых все противоречат друг другу. На этих планах «газовые камеры» расположены то в одном, то в другом месте. Как доказал Валенди в «Хисторише татзахен» № 44, Красная армия бомбами и снарядами полностью сравняла с землей Треблинку 2 и потому нельзя утверждать, будто следы преступлений уничтожили нацисты. Наряду с Освенцимом самолеты-разведчики союзников снимали также Треблинку. На хороших аэроснимках места с захоронениями можно распознать спустя столетия, благодаря чему возможны интересные археологические открытия. На аэроснимках Треблинки 2 видна лишь одна братская могила, (66 на 5 метров и 3 метра глубиной, судя по фотографиям советско-еврейской комиссии, сделанным после 1944 года), которая как максимум могла вместить 4000 трупов. Так как через Треблинку прошел почти миллион евреев и условия транспортировки были порой очень бесчеловечными, то названная цифра выглядит весьма реалистичной. Начиная с апреля 1943 года, немцы выкапывали и сжигали трупы, поскольку при разливе Буга возникала опасность эпидемии.

Подобное, совершенно в ревизинистском духе, досье было составлено американскими поляками, чья прародина наиболее сильно пострадала от нацистов. Их, как и все большее число ученых в самой Польше, волнует историческая правда, связанная с продолжением военной пропаганды против вчерашнего врага. И они поэтому тоже нацисты?

Вероятность того, что Нольте, Дивальд и Цительман, не говоря уж о Еккеле, Моммзене, Бенцене и Шефлере, когда-нибудь составят такое же досье для реабилитации собственного народа, столь же мала, как участие папы в съезде атеистов. По словам Ирвинга, немецкие историки – лжецы и трусы. Эта истина подтверждается немногими исключениями – Христиан Конрад написал, например, в соавторстве с инженером, химиком и юристом весьма хорошую брошюру под названием «Время лжет».

Белзец, Хелмно, Собибор

«Вы забыли о лагере уничтожения Белзце!» вопят, кликушествуя, экстерминисты. Разберемся с Белзцем, где было уничтожено 600 000 евреев!

Лагерь Белзец был создан в восточной Польше в марте 1942 года и служил транзитным для переселяемых в Россию евреев. Вскоре после своего открытия этот транзитный лагерь был объявлен военной пропагандой «лагерем

уничтожения», где евреев якобы убивали всеми возможными способами. В своем великолепном исследовании, посвященном мифу об истреблении евреев, итальянец Карло Маттоньо проанализировал варианты этой пропаганды [258].

Первый вариант появился в декабре 1942 года в польском эмигрантском журнале «Полиш Фортнайтли Ривью»:

«После высадки мужчины идут в барак по правую, женщины – по левой сторону, где они должны раздеться якобы в баню. Раздевшись, обе группы направляются в третий барак, где имеется платформа, по которой можно пропускать ток. Так свершается казнь».

Второй вариант: всех евреев расстреливают, уцелевших отравляют газом или убивают током (заявление Информбюро союзников от 19.12.1942) [259].

Третий вариант: Евреев ведут в душ, где по полу пускают ток. Эта версия появилась в 1944 году, в книге «Ликвидация евреев в Польше» Абрахама Зильбершейна. Ее подхватил Визенталь, добавив рассказ о мышоварне, согласно которому 900 тысяч убитых в Белзеце евреев были переработаны на мыло марки RIF – Rein jüdisches Fett, т.е. чисто еврейский жир).

Четвертый вариант: Человеческая мельница д-ра Сенде. Евреев загоняли в огромное помещение, пол которого затем опускался в водный резервуар. Через воду пропускался ток, мгновенно убивавший всех евреев. Позже пол превращался в крематорий, а трупы убитых – их были миллионы – в пепел.

Пятый вариант: Евреев уничтожали жаром в электропечах. Эта поучительная история тоже вышла из-под пера ретивого Зильбершейна [260].

Шестой вариант: Евреев убивали при помощи негашеной извести. Автором этого варианта был не еврей, а поляк Ян Карский, выпустивший в США в 1944 году книгу «История тайного государства».

Через 35 лет Карский, вместе с Эли Визелем, был назначен президентом Картером председателем комитета, задачей которого стало научное исследование холокоста. О научности сочинений Визеля мы могли судить по его рассказам об огненных рвах в Освенциме. Визель нашел в Карском достойного коллегу – вот отрывок из его книги [261]:

«Пол в составе (куда набили евреев) был покрыт толстым слоем какого-то белого порошка. Это была негашеная известь. Всем известно, что происходит с такой известью, если ее полить водой... Немцы использовали известь с двойной целью: она стоила гроши и кроме того соответствовала их жестокости. Контактирова с известью, плоть быстро обезвоживается, „сгорает“. У пассажиров поезда кости постепенно съедали мясо... Состав заполнялся три часа. Наступили сумерки, когда все 45 вагонов (я их считал) были загружены. Состав с грузом терзаемой людской плоти раскачивался и из него шел вой. В лагере на земле валялись в предсмертных судорогах десятки тел. Немецкие полицаи бродили с дымящимися винтовками в руках и добивали умирающих. Теперь в лагере настала тишина. Молчание нарушали лишь крики боли, доносившиеся из состава. Потом и они стихли и в воздухе и ощущался только

сладковато-тошнотворный запах пролитой крови. Земля кровоточила... Я знал, куда направляется состав. На расстояние сотни километров. Затем он остановится в каком-нибудь пустынном поле и будет стоять три – четыре дня, пока смерть не доберется до последнего уголка вагона».

Седьмой вариант: Евреев уничтожали посредством циклона Б, который подавался в душевые по трубам. Этого варианта придерживался суд, состоявшийся в 1965 году по делу лагеря в Белзеце, а также Рюккерль в своей книге о «лагерях уничтожения». Через несколько недель, правда, вспомнили о выхлопных газах. Дуракам-эсэсовцам понадобилось несколько недель, прежде чем они заметили, что гранулы циклона не подходят для труб [262].

Восьмой вариант: Евреев умерщвляли выхлопными газами дизеля. В связи с этим мы можем наконец-то процитировать отрывок, который, наряду с признаниями Гёсса, принадлежит к перлам литературы по холокосту. Напомним, что СС показало лагеря уничтожения Курту Герштейну, антинацисту и бывшему ээку. Согласно одной из шести галлюцинаций Герштейна в Белзеце дело обстояло следующим образом [263]:

"Камеры заполнялись. «Набить до отказа» – приказал капитан Вирт. Люди стояли впритык. 700 – 800 человек на 25 кв.м., в 45 куб.м. ... Двери закрываются. Оставшиеся ждут голыми снаружи... Теперь-то я наконец понимаю, отчего все заведение носит имя Гекенхольта. Гекенхольт – это шофер дизеля, мелкий техник... демиург всего хозяйства. Людей убивали с помощью выхлопных газов его дизеля. Но дизель не работал...

Подошел капитан Вирт. Как видно, ему было неприятно, что это случилось в моем присутствии. Разумеется, я все вижу! И жду. Мой хронометр отлично все фиксировал. 50, 70 минут, а дизель все не заводится! Люди томятся в газовых камерах. Напрасно! Слышны плач, рыдания. «Как в синагоге!» заметет профессор Пфаннештиль, припав ухом к деревянной двери. Капитан Вирт хлыстом бьет по лицу украинца, помогающего Гекенхольту с дизелем.

Через два часа 49 минут – хронометр это точно замерил – дизель завелся. До этого момента люди находились в четырех заполненных камерах, в каждой по 750 человек, в объеме 45 куб.м.! Проходит еще 25 минут. Конечно, многие уже мертвы. Можно заглянуть в камеру через глазок, когда ее на мгновение освещает электрический свет... Спустя 28 минут в живых остаются немногие. Наконец, через 32 минуты все мертвы".

«Какой же из восьми вариантов правдив?» спрашивает искатель истины. Не могут же все быть правдивыми!

Так вот, историки выяснили, что окончательную правду содержит последний вариант. Записки Герштейна победили!

Отчего? Отчего чушь о дизеле исторически правдивее и убедительнее, чем чушь об электродуше, электробараках, людских мельницах, вагонах с негашеной известью и циклоне Б?

Да оттого, что названная чушь закреплена решением западногерманского

суда! В январе 1965 года в Мюнхене состоялся процесс против Йозефа Оберхаузера, единственного обвиняемого из Белзеца. Он длился четыре дня и закончился приговором за соучастие в убийстве 300 000 человек. А каков был приговор? Четыре с половиной года тюрьмы! И это за 300 000 убитых!

По словам Рюккерля, Оберхаузер на судебном разбирательстве утверждал, что он подчинялся приказу и к делу не имеет отношения [264]. Ход процесса мог бы убедить даже самых упрямых скептиков. Немецкому правосудию требовалось подтверждение доклада Герштейна в форме судебного приговора. В поисках какого-нибудь эсэсовца из Белзеца оно наткнулось на некоего Оберхаузера, который отрицал на процессе причастность к делу, ссылаясь на приказ, а это означало, что он не оспаривал судебную версию событий в Белзеце. И Рюккерль поэтому мог снова торжественно заявить, что преступники якобы не отрицали массовые убийства. За свой важный вклад в дело укрепления холокоста Оберхаузер получил награду в виде смехотворно мягкого – по сравнению с обвинением – приговора, который он едва ли полностью отсидел.

Каковы же доказательства убийства в Белзеце 600 000 евреев?

Ни одного документа у нас нет – нацисты, мол, отдавали лишь устные приказы. Братские могилы не найдены – нацисты-де сожгли трупы. Исчез и пепел 600 тыс. убитых – нацисты развеяли его. От газовых камер не осталось ни одного кирпича – нацисты-де взорвали камеры и убрали руины. В списке архива в Арользене, где, например, фигурирует лагерь Натцвейлер с 4431 убитыми, Белзеца вообще нет и число жертв не указано. Нет больше и живых свидетелей – из 600 тыс. уцелел лишь некий Рудольф Редер, скончавшийся где-то в 1950-60-х годах.

Рассказ Редера о Белзеце приведен К. Маттоньо, знающим наряду с другими языками и польский, в его книге «Записки Герштейна» – исследование фальшивки».

Редер, хотя ему было уже 60 лет, а в лагере имелись, очевидно, более молодые и сильные евреи, был эсэсовцами зачислен в рабочие. Он прожил несколько месяцев «среди безжалостных монстров», которые «с садистским сладострастием совершали ужаснейшие преступления». Однажды «безжалостные монстры» послали на машине Редера и эсэсовца за покупками. Эсэсовец мирно уснул и Редер бежал. Несомненно, он был «везунчиком», которому должны бы позавидовать Мюллер и Визенталь, – ведь он уцелел после 80 ликвидации!"

Редер в своем «рассказе уцелевшего» говорит, что в газовые камеры Белзеца, объемом 45 куб.м., набивали 750 евреев. Если бы Рюккерль мог читать по-польски, он в этих строках, несомненно, увидел бы доказательство достоверности записок Герштейна и никогда бы не задался мыслью: а не списал ли Редер с Герштейна?

Но вернемся к первому вопросу: каковы доказательства убийства 600 тыс. евреев в Белзеце?

Ответ: Безумные фантазии параноика Герштейна и белзецкий процесс в Мюнхене, на котором Оберхаузер не оспаривал обвинение в обмен на заранее предусмотренный мягкий приговор.

«Ну а как же лагерь смерти Хелмно!» – воскликнут, волнуясь, экстерминисты. Поговорим о Хелмно, где, согласно «Еврейскому ежегоднику» (Jewish Year Book, vol.47, p.398), был убито 1,35 млн. [265], по Ланцману, – 400 тыс., Шеффлеру – 300 тыс., Гильбергу – 150 тыс. евреев [266]!

Лагерь смерти Хелмно находился в западной Польше, в лесах Кульмхофа, близ местного замка. По словам Гейнца Хёне, замок «стоял в стороне и был как бы создан для зверских деяний» [267]. Деяния были действительно зверскими, ибо ни один еврей не выжил в этом адском лагере. Последние свидетели были «расстреляны с короткой дистанции из автоматов 17.1.1945, на ледяном холоде, едва одетые, лежа лицом к земле» [268]. Но, о счастье! – на хелмнском процессе в 1963 году число свидетелей возросло с нуля до четырех.

В Хелмно умерщвляли не в газовых камерах, а в душегубках, которые так много поработали в России и которых, увы, не видел ни один из смертных. Когон-Лангбейн-Рюккерль, доказывая существование этой машины смерти, цитируют документ от 5 июня 1942 года, где говорится, будто в трех душегубках было «обработано 97 000 и машин хватило» [269]. Из документа однако неясно, что было обработано. Ни на одном листе нет «шапки», зато есть подписи и штамп «секретно», но после войны подобные документы массами фабриковались в мастерских фальшивок, созданных союзниками. В документе имеются данные по эксплуатации душегубок, которые с технической точки зрения содержат бесчисленное количество нелепостей. В фильме «Шоа» Ланцмана из этого документа зачитывается отрывок, в котором опущены самые грубые технические погрешности. Желающий прочесть халтуру пусть возьмет «документацию» Когона, Лангбейна и Рюккерля и одновременно «Хисторише татзахен», №5, где Валенди скрупулезно разоблачает чепуху о душегубках.

Сколько же душегубок было в Хелмно? Рююсерль называет их число [270]:

«Душегубки – это большие серого цвета грузовики иностранного производства с закрытым кузовом, отделенным от кабины; около 2 метров ширины, 2 высоты и 4 длины... У зондеркоманды было три таких душегубки, из которых две затем использовались постоянно, а третья – периодически».

Если «периодически» означает то, что третья душегубка работала лишь четверть времени, то можно сделать вывод, что в двух с четвертью душегубках общей площадью 18 на 2 метра было уничтожено 1,35 млн., 300 или 150 тыс. евреев. У замка Кульмхоф обреченных на гибель перегружали в душегубки, внутрь направляли выхлопной газ и запертые люди умирали.

Затем душегубки ехали в лес, где еврейская «лесная команда» копала могилы. Очевидец Иоганн И. помнит все точно [271]:

«Душегубки с трупами прибывали пять десять раз в день В небольших машинах помещалось всегда 50, а в больших – около 70 трупов».

Последняя фраза особенно любопытна, если вспомнить, что задействованы были две или порой три машины. Летом 1942 года в проклятом лесу случилось нечто страшное. Сказочник Адальберт повествует [272]:

«Во многих местах захоронения из земли большими струями забила кровь или кровавистая жидкость, образуя немалые лужи».

Чтобы устранить эти фонтанирующие гейзеры крови, Гиммлер приказал вырыть и сжечь трупы. К сожалению, Флосс, изобретший, как без бензина и кокса сжигать под открытым небом плохие трупы при помощи хороших, находился в это время по делам в Треблинке, и в Хелмно пришлось воспользоваться иным способом. Бруно Израэль, член зондеркоманды, так описывает его [273]:

«Печи крематория имели в длину приблизительно 5 – 6, в ширину – 10 метров. На земле они не выдвинулись – труб у них не было. Внизу, где находились колосники, сделанные из рельс, печи сужались. Короткие рельсы служили колосниками, а длинные должны были маскировать печи от авиации».

Последний крик фашистской техники, подарившей человечеству столь много ценного: механизм, разбивавший головы с помощью педали, казнь посредством атомной энергии, вагоны смерти с негашеной известью, – подземные крематории без дымовых труб! Остается лишь загадкой: зачем нужно было маскировать от вражеских самолетов эти полностью подземные чудо-крематории?

Остались ли в Хелмно какие-либо следы от убийства 1,35 млн., 400, 300 или всего 150 тыс. евреев? Никаких. Трудно сказать, чем на самом деле был лагерь в Хелмно, – документов о нем почти нет. Он явно не был трудовым лагерем, а скорее всего перевалочным и транзитным или был просто выдуман. Судя по всему, число убитых в Хелмно евреев равнялось нулю.

Ну а как же лагерь уничтожения Собибор? – в возмущении вопят экстерминисты. Что ж обратимся к Собибору, где погибло 250 тыс. евреев.

В Собиборе тоже лютовал страшный сенбернар Барри, кусая перед казнью голых евреев за зад и половые органы [274]. Процесс казни описан Александром Печерским в книге «Восстание в Собиборе», вышедшей в 1946 году [275]:

«На первый взгляд все выглядело как в обычной душевой: краны холодной и горячей воды, раковины... Когда все заходили внутрь, двери с громким шумом закрывались. Из отверстий на потолке начинала спиралью литься тяжелая темноватая жидкость...» И так далее.

Куда делись миллионы?

О том, почему экстерминисты исчисляли в 6 миллионов количество убитых евреев, дает пояснение Бенц в предисловии к изданному им сборнику «Масштаб геноцида» [276]:

«В 1951 году демограф Якоб Лещинский опубликовал расчеты, которые общую цифру в 6 миллионов жертв геноцида: в 1939 году в Европе жило 9,5 млн евреев, а в 1950 – 2,75 млн».

Можно продолжить аргументацию: в 1944 году на восток от Одера и Нейсе жило 12 млн. немцев, а сегодня там живет всего миллион. Выходит, было уничтожено 11 млн. немцев!

Под «прямо или косвенные пострадавшими» подразумеваются евреи:

- 1) погибшие при депортациях и в лагерях, независимо от причины,*
- 2) гражданские лица, убитые при военных действиях или в результате военных Преступлений, как-то при ликвидации варшавского гетто или от действий айнзатц-команд,*
- 3) умершие от голода и эпидемий, вызванных войной,*
- 4) убитые при погромах, устроенных местным населением при наступлении немцев,*
- 5) погибшие от немцев в отдельных случаях.*

Не учитываются евреи, павшие в боях (как солдаты армий союзников и партизаны).

Опровергнув выдумки о газовых камерах посредством точных научных данных, ревизионисты занялись вопросом, что стало с миллионами исчезнувших евреев и как установить число евреев, прямо или косвенно пострадавших от национала социализма? Ныне по этому вопросу имеется прекрасное и новаторское демографическое исследование. Мы не стали бы публиковать свою книгу не только без экспертизы Лейхтера, но и без вышедшего на английском «Исчезновения евреев Восточной Европы» Уолтера Сэннинга.

Лейхтер объяснил, что с евреями ничего не случилось – в газовых камерах они не погибли. А Сэннинг показал, что с ними все-таки произошло. В отличие от экспертизы Лейхтера работа Сэннинга не базируется на точных научных данных. Автор сам признает, что у него много ошибок. Ему все время невольно приходится оперировать со спорными оценками; для него оказались недоступны израильские, немецкие, польские и советские архивы; бесчисленные трудности возникают при работе с еврейской статистикой: кто является евреем (сто лет назад это было ясно, но в эпоху культурной ассимиляции, религиозной индифферентности и смешанных браков, подчас трудно отличить еврея от нееврея); сионистская и советская статистика ненадежна, а в США евреи, как таковые, вообще не фиксируются.

Американский немец Сэннинг строит свою вышедшую в 1983 году книгу следующим образом: он опирается прежде всего на результаты переписей и

вдобавок почти исключительно на еврейские или союзнические документы. Большинство приводимых им цифр взято у евреев. Немецкими источниками он пользуется только тогда, когда они имеют несомненную антинацистскую и просионистскую направленность, как, например, труды мюнхенского Института современной истории.

Цензоры никогда не страдали избытком ума. Это относится и к свободной демократической ФРГ. Они запретили «Миф об Освенциме» Штеглиха, где энергично отрицалось существование газовых камер, но ничего не предприняли против «Исчезновения» Сэннинга, представляющего гораздо большую опасность для лжи о шести миллионах. Сэннинг не занимается вопросом газовых камер, и тупые цензоры не заметили, что холокост можно опровергать косвенным путем при помощи статистики.

Приведем результаты Сэннинга только в части Польши и СССР, двух ключевых стран. Желаящие узнать о расчетах относительно других стран могут обратиться к его книге.

Начнем с Польши. В большинстве исторических трудов указывается, что в ней в 1939 году насчитывалось 3,5 млн. евреев. Данная цифра получается, если взять 3 113 933 евреев по переписи 1931 года и приплюсовать 2,6 процента ежегодного прироста, хотя последний сомнителен, так как в это время польские евреи переживали глубокий демографический кризис.

Нестабильное экономическое положение и все нарастающий антисемитизм вынуждали эмигрировать между двумя войнами сотни тысяч граждан иудейской веры. По данным официальной статистики, в 1921 – 31 гг. выехало почти 300 000 евреев, хотя на самом деле их было гораздо больше, и эта тенденция в 30-е годы постоянно сохранялась. Хотя по статистическим данным из Польши с 1934 по 1937 годы выехало 75 000 евреев, большинство эмигрантов в ней не учтено, поскольку они выезжали в другие страны нелегально, как нынче беженцы. Сэннинг указывает, что в США в 1933-43 годы перебралось более 200 000 польских евреев; большое количество выехало в Палестину, Францию и другие страны. По сведениям Института современной истории, начиная с 1933 года, ежегодно около 100 тыс. евреев уезжали из родных мест [277].

Так как большинство эмигрантов были, безусловно, молодыми людьми, этот массовый исход отрицательно сказывался на показателях рождаемости среди польских евреев. Сэннинг, который ради перестраховки исходит из более низких цифр эмиграции, чем Институт современной истории, приходит к выводу, что в Польше – после гибели 30 тыс. жидов в недолгой, но кровопролитной польско-германской войне – проживало 2633 000 евреев, т.е. на 900 тыс. меньше, чем указано в большинстве исторических работ.

В сентябре 1939 года в Западную Польшу вторглись немецкие, в Восточную – советские войска, и страна, несмотря на героическое сопротивление, была

разбита и исчезла с географической карты. Западные области (в основном аннексированные Польшей после Первой мировой войны) перешли к Германии, центральные контролировались немцами как «генерал-губернаторство», а восточные захватил СССР. По переписи 1931 года 20,2 % польских евреев проживало на территории, оккупированной немцами, 40,8 – в «генерал-губернаторстве» и 39 – в советской зоне.

Но спустя некоторое время начался огромный массовый исход. Среди евреев симпатии к коммунистам испытывало только меньшинство – хотя и немалое, – ибо Сталин был не лучше матерого антисемита Гитлера. Нацисты, естественно, радовались, когда евреи добровольно уезжали из их оккупационной зоны; известно также много случаев изгнания немцами евреев на советскую территорию. Опираясь на множество примеров из отдельных местечек, Сэннинг делает вывод, что под советскую защиту бежало более половины евреев, живших в западной и центральной Польше. Около 100 тыс. евреев ушло в Румынию, в те годы имевшую общую границу с Польшей. Учитывая сказанное, на конец 1939 года приводятся следующие приблизительные цифры:

В немецкой зоне – 757 тыс. польских евреев

В советской – 1776 тыс.

В Румынии – 100 тыс.

Конечно, приведенные оценки не могут быть абсолютно точными. Мы не знаем, действительно ли более половины евреев уехало из немецкой зоны на восток, ибо имеющиеся по отдельным местечкам данные, возможно, не являются репрезентативными. Однако кажется неправдоподобным, чтобы на занятой Гитлером территории в конце 1939 года жило более миллиона польских евреев. Хотя в немецких источниках даются более высокие цифры (в середине 1940 года «Кракауэр цайтунг» говорит о 1,4 млн. евреев в генерал-губернаторстве), немцы, во-первых никогда не пытались подсчитать число евреев, во-вторых, они обычно преувеличивали их число, дабы «в резких тонах» живописать некую «жидовскую опасность». Например, названная газета рассуждала о 1,2 млн. евреев во Франции, тогда как их в действительности было 400 тысяч.

По переписи от 17 января 1939 года в СССР проживало 3 020 141 евреев. Хотя к советской статистике надо всегда относиться с недоверием, в данном случае вряд ли есть основания сомневаться в правильности названной цифры. По сравнению с позднейшими временами, перед войной у советских евреев не было никаких причин скрывать свое происхождение; да и зачем Москве нужно было сильно занижать или завышать их число? В результате огромного расширения территории между сентябрем 1939 и июнем 1941 года (присоединение трех прибалтийских республик, а также больших кусков Польши и Румынии со значительной долей евреев среди населения) еврейское население СССР (ориентировочно) выросло на 2 млн. 317 тыс. человек:

В восточной Польше – 1 млн. 775 тыс. (включая беженцев)

В Литве, Латвии, Эстонии – 225 тыс.

В Молдавии и Буковине – 316 тыс. (включая беженцев)

Для евреев Восточной Европы за пределами СССР потеря 2,3 млн. человек была ударом, от которого они не смогли больше оправиться. Уже вскоре после аннексии в польских областях, занятых Сталиным, воцарился невероятный террор. Тысячи расстреливались, десятки тысяч бросались в тюрьмы. Не менее 1,5 млн. человек из-за классового происхождения или предполагаемой политической нелояльности было выслано внутрь СССР. При этом евреям пришлось понести относительно большие потери, что было связано не с религией или национальностью (советским властям не был присущ расизм или антисемитизм), а принадлежностью к «капиталистам», каковыми у коммунистов считались даже мелкие лавочки и кустари-одиночки.

В 1954 польский еврей Гершель Вейнраух заявил под присягой в комитете Пала представителей США, что в 1940 году советские власти предлагали евреям, бежавшим из немецкой зоны оккупации, или принять советское гражданство или вернуться к немцам. По словам Вейнрауха, большинство евреев решило вернуться, ибо по опыту знало, что такое коммунистический террор. Все эти евреи были арестованы и депортированы. Данные показания подтвердили много других евреев [278]. Всего в Сибирь было депортировано около миллиона польских евреев, включая 600 тыс. бежавших от немцев. По сообщению благотворительной организации «Джойнт дистрибьюшн комитти» от июня 19443 года: среди депортированных погибло от одной трети до одной пятой: «Не видевший тысяч могил, главным образом детей, с трудом может себе это представить» [279]. Если эти данные точны, то в результате депортации погибло не менее 150 тыс. польских евреев, наряду с намного большим числом поляков.

Итак, в 1940 году в сталинской империи находилось около 5,3 млн. евреев, немало «новеньких» вскоре пало жертвами террора. «Американский Еврейский ежегодник» (1941, Т. 43, С. 319) говорит даже о 5,5 млн. советских евреев, счет «умеренной» названную цифру. Подобным образом сионистские источники невольно подтверждают, что называемая позже цифра евреев, проживавших на подвластной немцам территории и впоследствии ликвидированных, является чистой фантазией.

22 июня 1941 года вермахт вторгся в Советский Союз, предварив, возможно, на 14 дней советское нападение. Так как Красная армия свою авиацию неосторожно сосредоточила на западной границе, то за неделю она потеряла 4000 машин и столь же колоссальными были людские и материальные потери, вследствие чего немецкое наступление развивалось очень стремительно.

Тогда Сталин перешел к тактике выжженной земли. Все, что враг мог использовать, уничтожалось или по возможности вывозилось на восток. Благодаря прекрасной железнодорожной сети на Урал и далее на восток удалось переместить огромное число заводского оборудования. Помня опыт Первой мировой войны, когда противник далеко проник на Украину, советская

власть предусмотрительно построила на востоке многочисленные заводы, которые теперь оснащала вывезенными с запада оборудованием. Производство, таким образом, прекращалось, а захватчикам доставалось лишь малопригодное.

Для работы заводов на востоке властям нужны были рабочие руки и поэтому одновременно с эвакуацией оборудования происходило самое большое в истории переселение людей. Потери при этом были ужасными. На востоке имелась лишь примитивная инфраструктура; не хватало жилья, больниц, всего. Этой политикой во многом объясняются огромные людские потери СССР во Второй мировой войне (не менее 25 млн.). Эвакуируемые на восток умирали от холода, болезней и недоедания.

По сравнению с Литвой и Латвией евреев в Эстонии было немного – 5 тыс. и у них было время спастись бегством от наступления немецких войск в августе 1941 года.

В первую очередь эвакуировались нужные системе категории населения, т. е. квалифицированные рабочие и молодежь. Вывозились также и те, кто не ждал ничего приятного от немцев – партийные чиновники и евреи. Неприятности грозили евреям в основном на Украине, где антисемитские настроения вызывало большое число жидов в коммунистической элите. И, действительно, когда Красная армия отступала, начинались кровавые погромы. Нечто похожее происходило в Латвии и Литве, где незадолго до начала войны в Сибирь были высланы десятки тысяч, а в застенках после прихода немцев найдены сотни трупов. В этих местах коммунистические организации были под сильным жидовским контролем, за что расплачиваться приходилось невинным евреям.

Опираясь на приведенные цифры, Сэннинг пришел к выводу, что до прихода немцев было эвакуировано почти 80 процентов еврейского населения. Давид Бергельсон (позже расстрелянный при чистке), секретарь Еврейского антифашистского комитета, писал в декабре 1942 года в Москве [280]:

«Эвакуация спасла большую часть евреев Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии. По сообщениям из Витебска, Риги и других крупных городов, захваченных фашистами, немцы нашли там немного евреев».

Эти данные подтверждает американский «Институт еврейских дел» [281]: «В Киеве практически вся еврейская молодежь ушла с Красной армией. Остались лишь старики».

Журналист Артур Рэймонд Дэвис, еврей из Канады, работавший военным корреспондентом в СССР, сообщал в конце 1944 года, со ссылкой на советских евреев, что перед приходом немецких войск было эвакуировано 3,5 млн. евреев [282].

Большая часть евреев, разумеется, жила на территории, оказавшейся потом

в руках немцев. Ни Москва, ни Ленинград, где велик был процент еврейского населения, немцами взяты не были. Если предположить, что цифра 80% эвакуированных, названная Сэннингом на основе советских и еврейских данных, точна, то под немцами никогда не было более 750 тыс. советских евреев. Среди них, понятно, было много пожилых людей, потому что их в основном не вывозили по экономическим соображениям. Сокращение этой группы населения вызывалось также неблагоприятной демографической ситуацией. Кроме того, много евреев - их точное количество назвать нельзя, но, очевидно, десятки тысяч – было убито немцами, главным образом айнзатц-командами. В легенде о холокосте, как и в любой легенде, есть зерно истины. Меньше всего ревизионисты исследовали вопрос об айнзатц-командах, хотя им занимались два весьма умных человека – Валенди и выдуманные казни свершались на огромной территории и документы сообщают о них с необычайной осторожностью.

На Восточном фронте война с обеих сторон велась с неслыханной жестокостью. По советским данным, партизаны уничтожили полмиллиона немецких солдат. Даже если эти цифры с пропагандистской целью завышены, все равно потери вермахта от (незаконной по международному праву) партизанской войны были необыкновенно велики, и потому немцы реагировали также, как позже американцы во Вьетнаме, – беспощадным террором, в том числе и против невиновных. Во Вьетнаме американская армия напалмом стерла с лица земли огромное число деревень, где предполагались вьетконговцы; десятками тысяч исчисляется количество насмерть замученных и искалеченных.

Для борьбы с партизанами были созданы четыре айнзатц-части, которые насчитывали чуть более 3 000 человек, включая переводчиков, радистов, секретарей и т.д. Доказательством массовых казней, совершенных этими четырьмя частями, считаются хранящиеся в архиве «отчеты», согласно которым только с начала войны до середины 1942 года было ликвидировано более 2 млн. евреев и бесчисленное множество «бандитов» (так они именуется в отчетах). Эта цифра явно абсурдна по ряду причин:

Она совершенно не согласуется с демографическими данными и с массовыми эвакуациями, о которых известно достоверно. Нефронтовые айнзатц-части численностью чуть более 3 000 человек вели борьбу с партизанами на огромной территории и никогда и нигде не могли бы попутно истребить всех евреев даже при активной поддержке местных антисемитов. Английский адвокат Реджинальд Пейджет аккуратно перепроверил типичный отчет, согласно которому часть Д уничтожила в Симферополе 10 000 евреев, и пришел к выводу, что в любом случае на самом деле число жертв не превышало трехсот человек [272]. Отсутствие документации о газовых камерах экстерминисты объясняют желанием скрыть геноцид. Но почему же айнзатц-части, не прибегая к шифровке, рапортовали в Берлин о казни миллионов? И почему инкриминирующие документа в свое время не

уничтожили, а с окончанием войны спокойно передали союзникам? Советская пропаганда объясняет малое число массовых захоронений жертв немецких преступлений тем, что, отступая, немцы якобы выкапывали и сжигал трупы. Так, мол, были ликвидированы трупы 33711 убитых в Бабьем Яру евреев (по еврейским источникам, при вступлении немцев в сентябре 1941 года Киеве оставалось очень мало евреев). Но почему? Ведь Гитлер, как можно прочесть в любом школьном учебнике, уже в январе 1939 года оповестил весь мир о грядущем истреблении евреев? Зачем же нацисты тратили огромное количество бензина, столь необходимого для танков и грузовиков, для сожжения миллионов трупов и гнал на эту работу людей, которых так потом недоставало на фронте?

С началом перестройки в России, Белоруссии и на Украине были вскрыты братские могилы с жертвами коммунистического террора. Если бы нацистам действительно удался фокус с эксгумацией и сожжением миллионов трупов, местоположение и размеры захоронений можно было бы определить с помощью аэросъемки и подсчитать приблизительно число жертв в них. Однако по вполне понятным причинам господа историки не очень-то заинтересованы в этом предприятии.

Гильберг игнорирует названные отчеты и оценивает в 650-800 тысяч число истребленных советских евреев [284]. Хотя и эта цифра далека от действительности, печальные факты тем не менее свидетельствуют: очень много евреев, в том числе женщин и детей, в какой-то мере сознательно ликвидировали «по подозрению в большевизме». Здесь не было границы между борьбой с партизанами и расовым истреблением. Со временем, возможно, удастся приблизительно определить число убитых гражданских лиц, евреев и неевреев.

Все сказанное указывает на то, что, оказавшись в немецкой оккупации, значительное число советских евреев выжило. Еврейский писатель Лев Зингер в начале 1946 года попытался высчитать количество еврейского населения в десяти ранее оккупированных немцами городах и, оказалось, что оно сократилось незначительно по сравнению с довоенным временем, хотя к данному моменту еще не все эвакуированные вернулись [285]. На территории, занятой немцами во время войны, Сэннинт исчисляет общие потери евреев в 130 тыс. человек. Эта оценка не противоречит статистике относительно советских евреев в послевоенный период, которая излагается в следующей главе.

Из вышеизложенного можно сделать определенный вывод – отчеты айнзатц-частей, очевидно, сфальсифицированы.

Второе вавилонское пленение

Вернемся к польским евреям, оказавшихся под властью национал-социалистов. Постепенно их согнали в гетто, находившиеся под управлением зависимого от немцев «Еврейского совета». Совет должен был регулярно поставлять рабочую силу и нужные немцам изделия, в основном военные: форма, каски и пр., которые в гетто изготавливались на заводах и в мастерских. Хотя принятые вначале жесткие меры (например, запрет на образование) вскоре были отменены или по крайней мере строго не соблюдались, в ходе войны положение в гетто становилось все хуже и хуже. Огромное число людей уносили эпидемии и голод. Особенно тяжелым были условия в лодзинском гетто.

Согласно летописи лодзинского гетто, между осенью 1939 и осенью 1944 гг. скончалось 43411 евреев, в Варшаве, по еврейским источникам, – 26950 чел. до момента ликвидации гетто (NT, N 36, s. 13).

Нацисты относились к евреям как к удобной рабочей силе, которую всегда можно было направить на фронтовые работы. Многие семьи при этом разлучались навсегда.

По мнению экстерминистов, евреи Польши были в основном истреблены уже в конце 1942 года [286]. На самом деле и гораздо позже, т.е. после начала депортации в Россию, сотни тысяч евреев еще жили в генерал-губернаторстве (евреи западной Польши, присоединенной к Германии, были в большинстве своем вывезены Советами на Восток). В октябре 1943 года социалистический листок «Бунд» в статье «Говорит гетто» восхвалял «совместную борьбу польских и еврейских масс» [287]. Разве на стороне польского движения Сопротивления сражались отряды из духов? Еврейские организации помощи на Западе при терпеливом содействии немецких властей слали еще в 1944 году продовольственные посылки евреям Польши [288]. Кому предназначались эти посылки – убитым в газовых камерах?

Весной 1943 года идеалисты подняли в варшавском гетто смелое, но безнадежное восстание, которое после яростного сопротивления было жестоким образом подавлено. К этому времени основная часть евреев была уже депортирована из Варшавы, а после ликвидации гетто большинство уцелевших отправлено в Трешлинку. Трешлинка, наряду с Белцецом и Собибором, была одним из транзитных лагерей, через которые евреи пересылались в Россию или рабочие лагеря. Высылаемых, разумеется, обирали – им разрешали брать с собой лишь минимум.

Займемся теперь «окончательным решением еврейского вопроса». По словам Батца, здесь все очень просто, достаточно прочесть немецкие документы, например, т.н. «меморандум Лютера», названного по его автору – Мартину Лютеру из германского МИДа. Лютер 20 января 1942 года участвовал в конференции в Ваннзее, где речь шла о переселении евреев на Восток. Семь месяцев спустя, 21 августа 1942 года, он писал в своей памятной записке

[289]:

«Основа немецкой политики в отношении евреев заключалась в том, чтобы всемерно поощрять эмиграцию евреев... Нынешняя война предоставляет Германии возможность и право решить в Европе еврейский вопрос... Опираясь на... вышеупомянутое указание фюрера (о переселении евреев), начата эвакуация евреев из Германии. Высказывалась мысль об участии в этом деле еврейских граждан из стран, принявших против них соответствующие меры... Количество евреев, отправляемых подобным образом на Восток, было недостаточным для удовлетворения потребности в рабочей силе. Ведомство имперской безопасности поэтому обратилось, по указанию рейхсфюрера СС, к Министерству иностранных дел с предложением, просить правительство Словакии выделить для перемещения на Восток 20000 молодых и крепких словацких евреев... Вследствие благожелательного согласия правительства Словакии рейхсфюрер СС предложил также переместить на Восток и остающихся в Словакии евреев, чтобы тем самым очистить ее от них...»

Далее в извлечениях приводится реакция союзных Германии правительств на просьбу о переселении евреев. Если, например, Хорватия и Словакия не возражали против немецкой политики, то в Италии немцы столкнулись с трудностями, а к венгерскому правительству они вообще не обращались, ибо не рассчитывали на успех своих требований. Лютер продолжает:

'Транспортировка в генерал-губернаторство является лишь временной мерой. Едва появятся технические возможности, евреи будут перемещены дальше, на оккупированную территорию на Востоке".

Поскольку в меморандуме Лютера и протоколе конференции на Ваннзее ничего нет об истреблении евреев, то экстерминистам снова приходится цепляться за чушь о «тайном языке». Они, конечно, не могут игнорировать данные о депортации евреев из Германии и Западной Европы в Польшу, а потом в Россию. По словам Лютера, генерал-губернаторство было лишь промежуточным этапом. Много евреев, переселяемых из Западной Европы на Восток, на карантин попадали в Освенцим-Биркенау, а депортируемые польские евреи транспортировались в Россию через Белзец, Собибор и Треблинку.

Рейтлинджер, упоминая о перемещении немецких евреев в Лодзь, пишет [290]:

«Вероятно, Лодзь была задумана лишь как промежуточный пункт на пути в Россию до появления дальнейших возможностей к передвижению... Из письма ведомства Розенберга от 25 октября 1941г. явствует, что существовал план разместить работоспособных перед линией Восточного фронта. Позже возникли слухи, будто евреев из Лодзи пошлют осваивать припятские болота и в еврейские сельхозпоселки под Кривым Рогом на Украине... Значительное число депортируемых отправили в Ригу... Жаннет Вольф, ныне депутат бундестага, насчитала 11 составов, в том числе необычно длинные, в одном из которых она сама – в числе 1350 человек – была отправлена 25 января 1942

года из Дортмунда в Ригу... Труднее найти документы о транспорте в Каунас, завершившемся еще большим числом погибших... Большинство было прямо направлено в форт № 9 и через несколько дней поблизости расстреляно. Литовец-охранник показал в 1945 году советской комиссии по расследованию, что 10 и 14 декабря 1941 года было казнено от 3000 до 4000 жидов, прибывших из рейха... После этого (вследствие вмешательства немецкого вермахта, ценившего евреев в качестве рабочих и канцеляристов) в июле – августе 1942 года вновь вернулись к „русскому плану“, по которому около 25000 евреев Великого рейха были депортированы в Ригу, Эстонию и окрестности Минска».

По этому отрывку можно хорошо представить, за кого экстерминисты принимают своих читателей. Все известные палачи-нацисты, например, из Лидице, свои жертвы расстреливали прямо на месте. Рейтлинджер силится нас убедить, что предназначенных к уничтожению немецких евреев отправляли составами – которых не хватало – через Польшу в СССР, чтобы там их ликвидировать. Разве в Германии мало было уединенных мест, где это можно было проделать?

Доказывая казнь тысяч немецких евреев, Рейтлинджер приводит показания литовца-охранника советской комиссии, состоявшей из коммунистов! В голову ему явно не пришла мысль, что система, добивавшаяся от старых большевиков московских процессах признаний, будто они, начиная с 1917 года, служили капиталистам, могла выбить нужные признания и у литовского охранника. Летом 1942 года масса немецких евреев была направлена в Ригу и Минск, минуя шесть работавших на полную мощность лагерей уничтожения, только потому, что вермахт ценил их в качестве рабочих и канцеляристов!

Места, где были поселены депортированные евреи, находились на линии Рига-Минск-Украина. Информации о типе поселений и числе проживавших в них евреев почти нет и имеется мало свидетельств вернувшихся оттуда. Это не удивительно – еврейские поселения противоречили легенде о холокосте и потому державы-победительницы, несомненно, уничтожили или спрятали в сейфах соответствующие документы, «свидетельства уцелевших» евреев, высланных в Россию, были нежелательны, ибо они делали нелепым миф об истреблении евреев Европы в «лагерях уничтожения». Сборник «Мы уцелели», изданный в 1949 году Эриком Бёмом, содержит, правда, упоминаемый Рейтлинджером рассказ социал-демократки еврейки Вольф о больших поселках под Ригой [291].

Немецкий математик Вернер Стеффен пишет во «Втором вавилонском пленении» о депортации евреев в Белоруссию. Эту книгу следует читать с осторожностью – автор плохо знаком с результатами работы ревизионистов и, к сожалению, наряду с сомнительными гипотезами, допускает также ряд грубых ошибок. Однако ознакомиться с книгой все-таки стоит. Вернер собрал внушительное число сведений о том, что значительная часть депортированных евреев действительно бы перемещена в восточные районы Белоруссии.

Согласно Стеффену, в ряде бесед Гитлер оправдывался, почему он отправлял евреев «в Россию» или «на болота». Вот несколько примеров [292]:

"Еврей должен убраться из Европы! Лучше всего – в Россию. У меня нет жалости к евреям. Они всегда являются элементом, натравливающим народы друг на друга.

Если какая страна и имеет право на эвакуацию, то это – наша, так как мы не эвакуировали своих же людей: из одной Восточной Пруссии переселено 800000 человек. О нашей немецкой щепетильности можно судить по тому, что нам кажется необычайно жестоким изгнать страну от 600 тыс. евреев, тогда как эвакуацию своих людей мы безропотно восприняли как должное.

Не говорите мне: нельзя же посылать их в болота! А кто жалеет наших людей?"

Цитируемые слова показывают, что много евреев действительно были отправлены «на болота», т.е. в болотистые районы восточной Белоруссии, и приводимые Рейтлинджером слухи, будто евреи должны освоить припятские болота, являются, следовательно, обоснованными. Одно из поразительных доказательств, приведенное Вернером, – это коммунистическая статья о партизанской войне в Белоруссии [293]:

«В братской семье белорусских партизан храбро сражались с фашизмом чехи и словаки, французы и югославы, греки и голландцы, испанцы и австрийцы, немцы и представители иных народов.»

Но как очутились представители этих народов в белорусских болотах? Напрашивается ответ: речь идет о депортированных евреях (хотя, возможно, имелись и антифашисты-евреи, ибо, как попали в руки немцев испанские евреи?), которые примкнули к местным партизанам.

Перемещенных на Восток евреев было, возможно, больше миллиона. Статистик по СС Ричард Коргер считает, что на март 1943 года их насчитывалось 1873549 человек [294]. Конечно, доклад Коргера не полностью достоверен.

Судьба этих людей отчасти неясна. Вернер полагает, что Советский Союз до сих пор удерживает европейских евреев против их воли. В эпоху гласности это кажется невозможным. Сэннинг, рассуждающий лишь о польских евреях в СССР, считает, что добровольно там остались немногие и никто не был задержан. Батц, напротив, предполагает, что большая часть польских евреев осталась по своему желанию в СССР, для чего имелись веские причины. Во-первых, нацисты ограбили евреев и собственности в Польше у них больше не было; во-вторых, в северных и восточных областях Советского Союза, где поселилось большинство из бежавших или депортированных евреев, антисемитизм или отсутствовал или проявлялся в слабой мере (в отличие от Украины и Белоруссии, не говоря уже о Польше).

Советское правительство, проводившее в те годы подчеркнута юдофильскую политику, несомненно, форсировало интеграцию новых граждан. Предположение Батца оправдано в свете приводимых ниже данных о

еврейском населении СССР.

По соглашению между Москвой и Варшавой польские евреи могли до середины 1946 года возвращаться на родину. По официальным данным этой возможностью воспользовалось 157 тыс. человек [295]. На деле же эта цифра была значительно больше; большинство евреев, однако, в Польше не оставалось, а уезжало дальше, на Запад, и потому не считало нужным регистрироваться у польских властей.

Уцеживали ли польских евреев в СССР силой? Если удерживали, то почему же вернулось (не менее) 157 тыс. человек? Сколько же осталось добровольно? Что было с депортированными евреями из других стран? Более чем маловероятно, чтобы многие евреи из Германии и Европы добровольно отказались от возвращения домой. Что стало с тысячами голландских евреев, которых отправили в Россию через Биркенау и Собибор? Кто из них умер, кто вернулся, какова судьба остальных? На эти вопросы нет ответа! Через полвека после окончания войны, пришло, казалось бы, время покончить с официальным лицемерием, ложью и фальсификацией, похерить чепуху о газовых камерах, открыть архивы и стимулировать серьезные исторические изыскания, а не отдавать под суд солидных ученых вроде Фориссона, запрещать технические экспертизы и вносить в черный список такие книги, как «Миф об Освенциме».

Ключ к решению демографического вопроса, несомненно, надо искать в Советском Союзе. По переписи 1959 года в нем жило 2 млн. 267 тыс. евреев, однако все западные эксперты-евреи согласны в том, что это – совершенно нереальная цифра. Согласно советским правилам при переписи можно назвать любую национальность, с которой себя соотносишь. В 1959 "Американский еврейский ежегодник" 1978, Т. 78, С. 432 сообщал о 4 млн. евреев в СССР. Профессор Михаил Занд из Еврейского института в Иерусалиме, эмигрант из Советского Союза, говорил в конце 1970-х гг., т.е. после начала выезда евреев в Израиль, о 4,5 млн. советских евреев [296]. А «Нью-Йорк пост» писала 1 июля 1990 года: «Раньше считалось, что в СССР живет 2-3 млн. евреев. Однако израильские эмиссары, свободно посещающие Советский Союз благодаря улучшению дипломатических отношений, сообщают, что правильное число – более 5 млн.»

Эта цифра просто поражает, если вспомнить, как много евреев эмигрировало после открытия (сперва осторожного) советских границ. Если «Нью-Йорк пост» права, то к 1970 году в СССР проживало не менее 5,5 млн. евреев.

По сравнению с другими народностями рождаемость у советских евреев была самой низкой. Уже в 1926 году она была на уровне, который был достаточен лишь для сохранения евреев в качестве нацменьшинства. Если учесть ассимиляцию, то вряд ли можно говорить о каком-то естественном росте этого меньшинства [297]. Не является ли это определенным доказательством в пользу того, что большая часть «убитых в газовых

камерах» польских евреев осела в СССР? Многие из жидов Прибалтики и Румынии тоже могут проживать в разных пунктах огромной страны и не исключено, что в СССР добровольно или по принуждению остались и евреи, депортированные немцами в Белоруссию из других стран. Иначе, как еврейское население, насчитывая в 1939 году 3,02 млн. человек, понеся в войну большие потери и имея необычайно низкую рождаемость, могло бы возрасти до 4,5 или даже 6 миллионов?

Рассеяние

Применяя опробованную в отношении Польши и СССР методику, Сэннинг проанализировал также демографические данные о евреях в других районах, оккупированных немцами во время Второй мировой войны. Он учел факты, забытые почему-то Гильбергом и Поляковым, а также «знаменитыми» авторами «знаменитого» сборника «Масштаб геноцида» «знаменитого» проф. Бенца: число эмигрантов-евреев в войну (только из Констанцы в Румынии, по-видимому, морем выехало в Стамбул 100 тыс.), необычайно активная предвоенная эмиграция, которая авторами-экстерминистами рассматривается в основном лишь в отношении Германии и Австрии, а также отрицательные показатели роста рождаемости и т.п. Все эти данные взяты из союзных, еврейских и просионистских источники. Полученные результаты автор затем сравнивает с результатами первой переписи, проведенной сразу после войны в соответствующих государствах (чаще всего в 1946, а иногда и в 1947 году) и выводит цифру в 1,27 млн. «пропавших» евреев, которые, по-видимому, не попали в переписи. На самом деле, значительная часть «пропавших» эмигрировала после войны в силу вполне понятных причин. Зачем еврею-некоммунисту было оставаться в разоренной войной Польше, где к тому же был силен антисемитизм, а власть перешла к сталинистам? Ввиду такой мрачной перспективы любой еврей при первой возможности – а границы были в то время не очень на замке – старался удрать подальше из страны, в США, Палестину, Францию или еще куда-нибудь.

В одной послевоенной Германии в лагерях «перемещенных лиц» насчитывалось 250 тыс. евреев, которые затем разъехались кто куда. Сэннинг отслеживает этот эмигрантский поток и показывает, какими, подчас авантюрными, путями евреи попадали на свою новую родину: многие годами жили в Иране или на Кипре, другие, прежде чем добраться до цели, заезжали в Марокко или Тунис.

По подсчетам Сэннинга, в СССР погибло 130 тыс., в других странах, оккупированных немцами, – чуть более 300 тыс. евреев, хотя верная цифра может быть на несколько сотен тысяч как выше, так и ниже. По нашему мнению, первое гораздо более вероятно, чем второе. Принимая во внимание множество статистических неточностей, не исключено, хотя и весьма

маловероятно, что в общем и целом число погибших евреев надо исчислять в 1 млн. человек, из каковой цифры и исходил Рассинье, ставший в данной области первопроходцем.

Если даже газовых камер и систематического массового истребления не было, трагедия евреев остается все-таки ужасной; ее можно сравнить с трагедиями других народов, которых в мировой истории было немало. Например, с трагедией прибалтов, десятки тысяч которых были вывезены в Сибирь, где большая их часть погибла. С трагедией украинцев, которых Сталин преднамеренно обрек на голодную смерть. С трагедией русских, 40 млн. которых, очевидно, погибло от большевиков и войны. С трагедией поляков, чья столица в 1944 году была обращена в руины, тогда как Красная армия стояла на восточном берегу Вислы, ожидая полного подавления польского восстания. С трагедией восточных и судетских немцев, потерявшим около 3 млн. человек во время бесчеловечного изгнания. Полмиллиона-миллион евреев, погибших от войны и преследований, – большая цифра и нет никакой моральной причины, чтобы увеличивать ее в 6-12 раз.

Приведем цитату из газеты «Стэйт тайме», выходящей в штате Луизиана (США), от 24 ноября 1978 года [298]:

"Прежде Стейнберги жили в еврейском местечке в Польше. Это было до лагерей смерти Гитлера. Ныне здесь собралась большая группа из более 200 уцелевших и их потомков, чтобы вместе участвовать в четырехдневном празднике, который знаменательным образом начался в «День благодарения». Родственники прибыли из Канады, Франции, Англии, Аргентины, Колумбии, Израиля и 13 американских городов. «Это фантастика, – говорит Айрис Краснова из Чикаго, – здесь собрались пять поколений, от трехлетнего малыша до 85-летнего старца. Люди плачут от счастья и ощущают незабываемое. Это похоже на съезд беженцев Второй мировой войны».

Сэм Клапрада из Тель-Авива обомлел, увидев в салоне отеля Мэрриот международного аэропорта в Лос-Анджелесе внушительное генеалогическое древо. «Замечательно, что у меня столько родных», сказал он. Идея проведения семейного сбора исходила от Джо и Глэдис Стейнбергов из Лос-Анджелеса. /.../ Нелегко было разыскать членов семьи. «Сотни, – сказала г-жа Стейнберг, – были уничтожены при холокосте». Корни Стейнбергов – в довоенной Польше, в местечке Скарсейка-Камина. «Лишь немногие из наших продолжают жить там», – заявил Джо Стейнберг /.../

Элен, мать Айрис Красновой, прибывшая в США из Польши через Францию, развеселила собравшихся, заявив. «Я не могу удержать слез радости; мне не верится, что столько наших уцелело при холокосте. Тут видишь так много жизни – целое новое поколение. Это великолепно. Если Гитлер это увидел бы, то он перевернулся бы в гробу».

Действительно, перевернулся бы!

Из сотен человек, не найденных Джо и Глэдис Стейнбергами, многие, несомненно, погибли в гитлеровское время: были расстреляны айнзатц-

командами, погребены под развалинами варшавского гетто, умерли от голода в лодзинском гетто, умерли от истощения в лагере Дора, от сыпняка – в Освенциме, убиты в каменоломнях Маутхаузена, замерзли при эвакуации из Освенцима в Гросс-Розен, погибли во время погромов, устроенных населением Литвы и восточной Польши после отступления Красной армии в 1941 году. Многие другие, как и найденные, живут, вероятно, в разных странах на Западе – от США до Аргентины и Израиля. Еще большее число проживает где-нибудь на бескрайних русских просторах или скончались там естественным путем. И очень многие, кто, по мнению родных, умер в огненном аду Освенцима, смерть нашли на самом деле в ледяном аду Сибири.

До конце XIX века рассеяние евреев среди иных народов казалось невозможным. Большая часть евреев жила в определенном регионе на западе Австро-Венгрии и востоке царской империи. Они говорили на одном языке – идише, имели одни обычаи и ассимилировались весьма слабо. Процесс рассеяния начался в конце прошлого века с эмиграции и болезненно ускорился во Вторую мировую войну. Более 80 % евреев живет сегодня в трех странах: США, России и Израиле, остальные разбросаны по всему свету. Ныне в мире насчитывается около 16 млн. евреев, почти столько же, сколько до последней войны; демографически исчезновение евреев могут предотвратить лишь многодетные восточные евреи.

Отдельные судьбы

"Так вот, меня уже везли в лагерь уничтожения, но мне удалось бежать. Это было чудо".

Эфраим Кишон, еврейский юморист [299].

От эпидемий и лишений в нацистских лагерях умирало множество евреев и неевреев, но это не было систематической политикой истребления, о чем свидетельствуют судьбы многих отдельных людей. Примо Леви пошел в партизаны, когда немцы вступили в Италию после свержения Муссолини. Его арестовали. Если бы, как участник Сопротивления, он попал в руки армии Муссолини в Ливии или Албании, то его бы тут же расстреляли или повесили на ближайшем дереве. С партизанами немцы тоже в основном не очень-то церемонились, но в это время они очень нуждались в рабочей силе. Поэтому они не тронули Леви, который на допросе объявил себя евреем, а отправили его на принудработы в Освенцим. Леви выжил и позже описал свои переживания в книге «Если это – человек».

Если придерживаться схемы, то «чистый еврей» и левый социалист австриец Бенедикт Каутский должен был неоднократно умереть. Семь лет провел он в

лагерях и после войны написал книгу «Дьявол и проклятый». Его мать умерла в Биркенау, 80-ти лет, в декабре 1944 года, после продолжительной болезни. Заключение столь пожилых людей – позор, но оно не есть жажда уничтожения: к фрау Каутской приходил врач, и вряд ли бы она прожила дольше на свободе, учитывая страшные условия в конце 1944 года.

Отто Франк и его дочери Анна и Марго выжили в Освенциме. Франк оставался там до освобождения советскими войсками, а Анна и Марго были эвакуированы в Бельзен, где умерли, по всей вероятности, от сыпняка. Вторым браком Франк после войны женился на Эльфриде (Фритци) Гейрингер, чей первый муж умер в Маутхаузене за три дня до окончания войны. Их дочь Ева Шлосс в 1988 году, при содействии Э.Д. Кент, сочинила книгу «История Евы».

Как и большинство подобных «живых свидетельств», эта книга – смесь фактов и вымысла. Ева, несомненно, верно описывает голод, ужасные гигиенические условия и массовый мор от эпидемий в Освенциме-Биркенау. Но для подкрепления легенды о холокосте она вставляет такие пассажи [300]:

"Крепко сбитый капо встал перед первой шеренгой: «Что, нравится вам крематорий?» злобно крикнул он. «Там были загазованы ваши любимые родственнички, не соображавшие, какая судьба им уготована. Им сообщили, что они идут в баню, а вместо этого их сожгли. Вы с ними никогда больше не увидите».

На нервах заключенных играл также вездесущий д-р Менгеле [301]:

«Вы обе пойдете со мной к д-ру Менгеле», приказал нам один из офицеров /.../ Я знала, что Менгеле ставит над людьми страшные опыты. Он стерилизует и ампутрует без наркоза. /.../ Меня сразу провели в комнату, где за письменным столом сидел Менгеле. Он оглядел меня и прохрипел: «Раздевайся!» Я покорно сняла свое платье и предстала перед ним обнаженной..."

Для ревизионистов книга Евы Шлосс – настоящая находка [302], «В июне (1944) прибыли тысячи заключенные из Венгрии, которые трудились, не покладая рук, в „Канаде“ (так прозвали огромный вещевой склад). День за днем сортировали они для нацистов свой скарб».

Внимай и дивись! Ева ничего не пишет о сотнях тысяч венгерских евреев, которых уничтожили в газовых камерах в мае – июле 1944 года, а о тысячах, которые прибыли в июне и работали. Как Вы, г-н Ласло Варга, эксперт по холокосту в Венгрии и сотрудник почтенного профессора Бенца, объясните это? Далее Ева пишет [303]:

'Тем временем все мы догадались, что нацисты хотят покончить с евреями и что каждого из нас ждет смерть".

А страницей раньше говорилось [304]:

«Она сама привела меня к лечащему врачу и осталась в кабинете, чтобы меня исследовали, как следует. Врач, действительно, определил у меня тиф. Я чувствовала себя сквернейше, но Минни не хотела, чтобы я вернулась в

больницу».

В другом месте Ева пишет [305]:

«Нас всех без исключения замучили вши /.../ Их укусы оставляли маленькие кровяные прыщи, которые при расчесывании вскрывались /.../ Раз в неделю, после бани, нас посыпали каким-то порошком, который, убивая живых вшей, не уничтожал их яйца».

Если бы нацисты хотели покончить с евреями, то зачем они повели Еву к врачу, давали ей и ее товаркам порошок против вшей, чтобы не умереть от тифа?

При селекции Еву поставили направо, а ее мать налево. Последнее означало, – как знает всякий, знакомый с литературой по холокосту – направление в газовую камеру. Ан нет, некоторое время спустя мать Евы снова появляется целой и невредимой. Она рассказала, что чудом избежала камеры [306].

"Заклученные выходили по одному и эсэсовка сверяла татуированный номер со своим списком. За ней стояли грузовики, на которых нас должны были отвезти к газовым камерам /.../ Вдруг одна из женщин слабо прокричала. «Фрау оберштурфюрер, я дочь павшего в Первую мировую войну немецкого офицера!» Эсэсовка равнодушно пожалала плечами. «Мне всего шестнадцать» причитала другая «Пощадите, пожалуйста, меня! Сохраните мне жизнь». На лице офицерши не дрогнул ни один мускул /.../

В шеренге передо мной стояла Лоретта. Когда настала ее очередь, она сказала: «Фрау оберштурмерфюрер, мы не из этой партии. Нас по ошибке взяли из другого барака». Эсэсовка оторвалась от своего списка. «Какой у вас номер?» «А-6893». «А мой – А-5271», ответила я. «Разве?» Карандаш пополз по списку. От волнения мне стало почти плохо, когда она искала в списке наши номера. Наконец она наморщила лоб и обратилась к капо. «Этих заключенных привезли отдельно от других?» Она разозлилась, что здесь явно что-то напутано. /.../ Офицерша подпрыгнула и так сильно ударила надзирательницу по лицу, что та упала на землю. Лоретта и я молча взглянули друг на друга. Дверцы грузовика щелкнули, и шофер получил приказ ехать. А нас отвезли в другой барак. В эту ночь печи крематория горели не один час."

Рвущееся из труб пламя и д-р Менгеле, – обязательная часть любого серьезного рассказа уцелевшего. Как до сих пор не могут уцелевшие уразуметь, что в крематории пламя не вырывается из труб [307].

«В бараке нас становилось все меньше. Каждые два дня эсэсовцы забирали 30-40 женщин, чтобы отправить их в Германию, на запад. День ото дня усиливалась опасность тоже попасть в транспорт. При появлении эсэсовцев я опускала голову, плела свой канат и молилась».

Тут есть чему подивиться: Ева молилась о том, чтобы остаться в Освенциме, этой самой большой в истории человечества мясорубке, где было убито от одного до трех миллионов евреев и где каждый день нужно было ждать, что

тебя пошлют в газовую камеру, расстреляют или до смерти замучают!

Ева была не единственной, кто неопределенности отправки на запад предпочитал стабильность «лагеря смерти». Врач-еврей Марк Клейн пишет [308]:

«Пересылка постоянно была угрожающе-неприятна, так как с ней сразу исчезали материальные, крупные и мелкие преимущества, добытые за долгое время в лагере. Это было путешествие в неведомое, сопряженное с тяготами транспортировки и трудностями в новой среде чужого лагеря. /.../ Однажды отправлялся транспорт в Натцвейлер-Штрутгоф. Для меня было великим искушением записаться в него, дабы все-таки вернуться в Эльзас. Однако как я узнал из верного источника, это была скорее всего спецгруппа на тот свет и я поэтому отдумал».

А еврей Бернгард Клигер впадает почти в лирический тон, вспоминая о 1944 годе в Освенциме [309]:

«При (оберштурмфюрере) Гёсслере лагерь почти утратил свой концентрационный характер. По нашим понятиям он превратился в санаторий. Прекратились даже побои. Для евреев наступила золотая пора и Гёсслер зашел столь далеко, что однажды объявил, что не видит никакой разницы между немцами и евреями. Мы для него лишь заключенные, и он не хочет, чтобы с евреями обращались особенно жестоко».

Клигер выжил в Освенциме. И Клейн тоже. Ева Шлосс осталась жива в Освенциме, как и ее мать. Наум Голдман, который в качестве бывшего председателя Всемирного еврейского конгресса знал, о чем говорил, откровенно пишет в «Еврейском парадоксе», сколько евреев на самом деле выжило в Освенциме и других немецких лагерях [310]: «В 1945 году насчитывалось около 600 000 уцелевших лагерях, которых не хотела принимать ни одна страна»

Если бы немцы хотели истребить евреев, то как смогли выжить 600 000 человек? Разве для завершения геноцида не хватало времени и «лагеря смерти» Белзец, Собибор и Треблинка закрылись уже в конце 1942 или в 1943 году, когда нужно бышо уничтожить еще миллионы евреев?

Но, может быть, нацисты оставляли в живых только работоспособных, «беспольных едоков» убивали? Ответ на этот вопрос дает польская акушерка Станислава Лещинская, которая два года провела в Освенциме [311]:

«В этих (тяжких) условиях я приняла более 3 000 родов. Несмотря на отвратительную грязь, насекомых, крыс, несмотря на заразные болезни и иные неопишуемые ужасы происходило нечто необычайное, невероятное, но реальное. Однажды лагерный врач велел мне составить отчет об инфекционных заболеваниях среди рожениц и смертности матерей и грудных детей. Я ответила, что смертных случаев нет ни среди матерей, ни среди новорожденных. Врач бросил на меня недоверчивый взор и сказал, что подобными результатами не может похвастаться ни одна лучшая немецкая клиника».

Легко опровергается также легенда, будто евреев-стариков и нетрудоспособных камеры посылали без регистрации. В рассекреченных в СССР метрических книгах каждого умершего указана причина смерти. Для 35% евреев – это «старческая дряхлость», как явствует из оценки, проведенной Арольzenом относительно 123 человек, умерших . августа 1941-18 декабря 1943 года (Westphal / Kretschhmer / Konrad / Scholz, s.16-17).

Лещинская, несомненно, упомянула бы в рассказе, если бы младенцев, принятых ею в столь тяжелых условиях, умутили.

Приведем и длинный перечень знаменитых евреев, уцелевших в Освенциме или других нацистских концлагерях:

Леон Блюм – глава правительства Народного фронта в довоенной Франции,
 Симона Вейль – будущая председательница Европейского парламента,
 Анри Красуцкий – позже второй человек в профсоюзах Франции,
 Мари-Клод Вайян-Кутюрье – член ЦК французской компартии,
 Юзеф Цыранкевич – председатель Совета министров Польши,
 Дов Шиланский и Шеевах Вейс – бывший и нынешний председатель кнессета
 Жорж Шарпак – лауреат Нобелевской премии по физике в 1992 году,
 Роман Полянский – кинорежисер («Девушка Розмари»),
 Лео Бек – крупнейший, по мнению некоторых, раввин нашего столетия,
 Жан Амери – философ,
 Самюэль Писар – французский писатель,
 Юрек Беккер – немецкий писатель,
 Эрик Блюменфельд – немецкий политик из ХДС,
 Герман Аксен – немецкий политик из СДП,
 Пауль Целан – немецкий поэт («Смерть – мастер из Германии»),
 Симон Визенталь – известный «охотник за нацистами»,
 Эфраим Кишон – юморист,
 Гейнц Галинский и Игнац Бубис – председатели Центрального совета немец евреев,
 Жорж Веллерс, Герман Лангбейн и Шмуль Краковский – авторы сборник «Нацистский геноцид посредством отравляющего газа»,
 и наконец – сам Эли Визель.

Русским и украинским читателям будет особенно интересно узнать, что ревизионисты разоблачили ложь о резне в Бабьем Яру более 33 000 евреев. Их якобы расстреляли и потом сбросили в овраг в конце сентября 1941 года в виде возмездия за взрывы, устроенные евреями, борцами Сопротивления. Затем, немцы, мол, засыпали овраг. Через два года, а именно 19-28 августа 1943 года, когда фронт придвинулся необычно близко, немцы якобы заставили киевлян вырыть трупы и СЖЕЧЬ их. Вот почему никаких следов не осталось. Как обычно, доказательствами служат только свидетельские

показания. Валенди пункт за пунктом разбил эту легенду в «Хисторише Татзахен» № 51. Его выводы подтвердила немецкая аэросъемка, обнаруженная в США. На снимке от 26.9.1943 – когда трупы якобы вырывали и сжигали, видно, что никаких работ в овраге нет: ни раскопок, ни костров, го складов горючего. Этим доказывается, что резня в Бабьем Яру изобретена пропагандой ужасов. Хотя вполне возможно, что евреев осенью 1941 года расстреливали под Киевом. Зная русский язык, автор был бы признателен читателям книги за дополнительную информацию относительно судьбы советских евреев во время войны. У ревизионистов и этом вопросе очень много пробелов и он разрешается не так однозначно, как в деле с газовыми камерами Вы можете написать автору прямо в Швейцарию по адресу: Jürgen Graf, Gideon Burg Verlag, Postfach52, 4009 BASEL, Schweiz.

Цель Гитлера – полное истребление евреев. На заседании в Ваннзее 20 января 1942 года было положено начало уничтожению в Европе евреев. Так написано всех книгах. Если бы это было верно, то в мае 1945 года вместо 600 000 евреев, бывших узников концлагерей, в живых осталось бы в лучшем случае всего 60 человек. Третий рейх был необычайно эффективным полицейским государством. И из вышеперечисленных евреев ни один в лагере не уцелел бы. Ни один бы! В том числе и Визель, который, опираясь на советскую пропагандистскую выдумку о бойне в Бабьем Яру", сочинил в своей книге «Слово чужеземца» следующий абзац [312]:

«Позже от свидетеля я узнал, что земля в течении месяцев все время колебалась и из нее иногда били гейзеры крови».

В январе 1945 у ээка Визеля заболела нога, он утратил трудоспособность в казалось, был обречен на смерть. Ан нет, его поместили в больницу и оперировали В это время Красная армия подходила все ближе. Здоровым заключенным сообщили что их эвакуируют на запад, а больных оставят в лагере. Эли и его отец были среди последних. И какова была их судьба? Они стали ждать освободителей? Ничуть не бывало: они присоединились к тем самым немцам, которые на глазах Визеля высыпали детей из грузовиков в огненные рвы, а взрослых сталкивали в друга более крупные, где они потом часами горели в огне! Об этом можно прочесть : «Ночи», а лучше – во французской версии, но не в «переводе» г. Курта Мейера Класона.

Эли прибыл в Бухенвальд, где, по его словам, каждый день убивали по 10 000 человек. Но ему, как всегда, повезло. Его не истребили, потому что во время казней он всегда был последним [313].

Около 600 000 евреев в немецких концлагерях выжило, но 200-300 тысяч погибло. Эту цифру мы получим, экстраполировав данные по Дахау, Бухенвальду и Освенциму [314]:

Привезенные в лагерь Погибшие Выжившие (в %)
Дахау (годы войны) 168 000 28 000 84%

Бухенвальд 239 000 33 000 86%

Освенцим 363 000 ок. 125-130 тыс. 59-66 %

В Дахау и Бухенвальде процент выживших выше, в Освенциме ниже среднего. Мы исходим из предположения, что в целом в лагерях уцелело от 65 до 75 % заключенных, что дает для евреев цифру в 200-300 тыс. погибших. Мы не стали бы заниматься расчетами, если бы особый ЗАГС в Арользене наконец-то открыл архивы, а не бормотал бы об «отсутствии документов по лагерям уничтожения».

Большинство погибших в войну узников скончалось по тем же причинам, которые полвека назад привели к гибели 20 000 буров в британских концлагерях. В газовой камере не умерло ни одного бура, расстреляны были лишь немногие, большая же часть умерла от неподвластных англичанам эпидемий.

Процент евреев, погибших в лагерях, был, конечно, выше, чем среди буров, – многих убили эсэсовцы или ээки-уголовники, но в страшные последние месяцы войны и на свободе люди массами мерли от эпидемий и истощения, а что уж говорить о лагерях!

По Голдману, в немецких лагерях уцелело 600 тыс. евреев. В этих же лагерях, вероятно, скончалось – в основном от эпидемий и недоедания – 200-300 тыс., и пусть экстерминисты назовут фамилию хоть одного умерщвленного газом еврея, приведя одновременно всего одно доказательство, которое признал бы суд на обычном неполитическом процессе об убийстве, проведенном по правилам закона. Не 3,5 млн. фамилий, а всего одну! Одну-единственную!

В блестящем докладе об исторических перспективах легенды о холокосте Батц предположил, что будущие историки будут, пожалуй, упрекать ревизионистов в странной слепоте, из-за которой они за деревьями не увидели леса. [315] Смысл данного замечания можно верно понять, прочитав в приложении к книге «Освенцим и союзники» Гильберта краткие биографии упомянутых в ней лиц Вот некоторые из них:

Сара Сендер – в 1944 году депортирована в Освенцим и после войны эмигрировала в США. Вильгельм Фильдерман – в войну выжил в фашистской Румынии. Ари Гассенберг – в 1943 году отправлен в Освенцим, откуда в январе 1945 бежал. Эрих Кулка – выжил в Дахау, Нойенгамме и Освенциме и в 1975 году изложил на бумаге свои лагерные воспоминания. Шалом Линдеман – «бежал из маршевой колонны» после эвакуации из Освенцима. Чеслав Мордович – бежал в мае 1944 году из Освенцима и в 1966 году переехал в Израиль. Арност Розин – в 1942-44 содержался в Освенциме и в 1968 году поступил на работу в еврейскую общину Дюссельдорфа. Катерина Зингерова – депортирована весной 1942 года в Освенцим и после войны стала председателем Национального объединения творческих работников в Чехословакии. Дов Вейсмандель – в 1944 году отправлен в Освенцим и

«бежал из поезда, сделав дыру в полу вагона пилой, спрятанной в хлебном каравае». Альфред Ветцлер – бежал в мае 1944 года из Освенцима вместе с известным Рудольфом Врбой, соавтором «Отчетов Комитета военных беженцев» и брошюры «Освенцим – могила для 4 миллионов».

Остальные, упоминаемые Гильбертом евреи не были депортированы нацистами, а привлекались ими в качестве сотрудников по переговорам – например, Рудольф Кастнер – или шпионов (Андор Гросс). На страницах своей книги объемом в 462 страницы Гильберт часто говорит об убийстве газом, но не приводит ни одной фамилии убитого этим способом жида! Зато – как мы только что показали – перечисляет уйму евреев, которые от газа не погибли. Если воспользоваться выражением Оруэлла, то миллионы погибших в газовых камерах – это «несуществующие люди».

Журнал «Шпигель» в №5 за 1992 год рассказал в статье «Потом я ночью бежал» о следующих евреях:

Ральф Джордано в войну с ведома гестапо свободно проживал в Германии. Лео Бек после освобождения из Терезиенштадта предсказывал, что в Германии навсегда кончилась жидовская эпоха. Иоханан Зараи пережил нацистские времена в будапештском гетто. Инге Дойчкрон описала свою молодость в Германии в автобиографии «Я носила желтую звезду». Теодор Гольдштейн, 80 лет, был депортирован нацистами в трудовой лагерь Вульхайде.

В конце названной статьи журналу дает интервью Игнац Бубис, председатель Центрального совета евреев Германии, тоже уцелевший при холокосте, преемник Гейнца Галинского, человека с такой же судьбой.

Уцелевший при холокосте, уцелевший при холокосте... В течение многих десятилетий без них не обходится ни одна неделя. Нет ни одного номера «Шпигеля», «Цайта», «Вельтвохе» без рассказа об уцелевшем при холокосте! И каждый лишь чудом избежал газовой камеры.

И вот Фритц Берг и Фред Лейхтер, Вальтер Люфтль и Гемар Рудольф прилежно начинают собирать доказательства того, что в истории с газовыми камерами что-то не так. Они высчитывают, при каких условиях дизельный мотор может дать концентрацию углекислого газа в 0,4 % на кубометр воздуха; измеряют остатки цианида в известке; рассчитывают время растворения гранул циклона Б при зимней температуре. Эта кропотливая работа в общем-то не имела смысла, ибо есть одно впечатляющее доказательство того, что холокоста не было: в Европе и после войны евреи не исчезли.

Четыре пути к цели

Холокост – это колосс, но колосс на глиняных ногах, который рухнет, возможно, еще в этом десятилетии и наверняка в следующем. Разоблачая миф

нашего столетия, ревизионисты идут четырьмя путями, каждый из которых связан с одной или несколькими фамилиями.

Первопроходец Поль Рассинье опирался на показания очевидцев и выяснил, что в отношении убийства газом нет достойных доверия свидетелей.

Абсурдность показаний и признаний преступников – на этой аргументации базировался Ричард Харвуд, написавший в 1974 году брошюру "Погибло ли шесть миллионов?" Оба названных автора подробно также анализировали судебные процессы и методы, на них применявшиеся для выбивания признаний Штеглих в «Мифе об Освенциме» разоблачил, как правосудие стало соучастником в фальсификации истории.

Батц в своем замечательном труде «Обман XX века» поднял вопрос: что во время войны о холокосте знали союзники, Красный Крест и Ватикан? Вряд ли от них можно было утаить столь громадное преступление, как убийство в газовых камерах миллионов людей. Однако ни союзники, ни Красный Крест, ни Ватикан не заметили этот геноцид. Следовательно, его и не было. Батц исследует истоки легенды о холокосте и показывает, что это была обычная военная пропаганда, вроде страшных историй, распространяемых в Первую мировую войну англичанами и французами, будто немцы отрубали детям руки. Но если вскоре после войны в отрубленные руки никто не верил, и британский министр за ложь даже извинился перед немцами, то после Второй мировой войны миф о газовых камерах по политическим причинам был сохранен державами-победительницами.

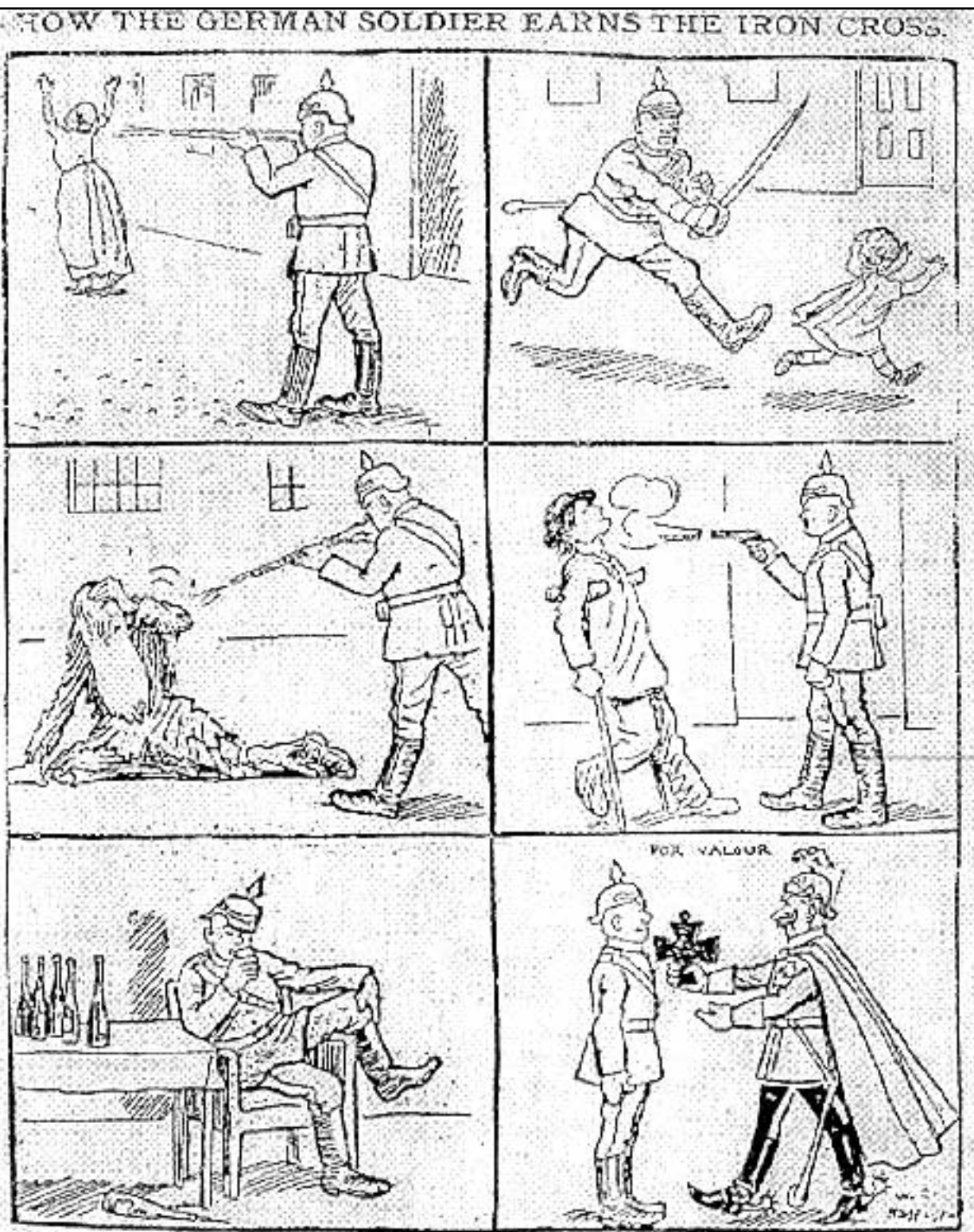

Иллюстрация 6.

Пропаганда ужасов была эффективным оружием уже в I Мировую войну.

Поскольку Батц был технически образованным человеком, то ему бы и доказать техническую невозможность убийств в газовых камерах. Но в

истории, в том числе истории науки, бывают свои сюрпризы. Пошатнуть глиняные ноги колосса холокоста – газовые камеры суждено было не инженеру, а учителю музыки и иеговисту Дитлибу Фельдереру, а потом в большой степени – профессору литературы Роберу Фориссону. Последний подтолкнул Лейхтера на проведение его экспертизы. Благодаря ей холокост был погребен методами точной науки.

После окончания войны мифотворцы геноцида вовремя отказались от историй с камерами, где убивали паром или током, ибо вместо них появились газовые камеры. Сдавать камеры нельзя, дабы не рухнул весь молох холокоста. В связи с этим, как замечает Фориссон, газовые камеры превращаются для фальсификаторов истории в хитон Несса. Они должны защищать их всеми силами, хотя эта задача столь же безнадежна как для математика квадратура круга и, отчаянно слясь спасти газовые камеры, они могут опираться лишь на авторов типа Прессака и Вегнера.

От коммунистов в Латвии погибло около 10% населения и приблизительно столько же в соседней Литве и Эстонии, И если мы исходим из 1 млн. евреев, погибших от нацистов (эта цифра маловероятна, но теоретически допустима), то в процентном отношении их погибло столько же, сколько прибалтов. Расстрелянными или сгинувшими в Гулаге прибалтами интересуются только в их странах, зато потери евреев преувеличены в 6-12 раз и подаются как эпохальное преступление.

Эстерминисты – по крайней мере после «Исчезновения» Сэннинга – больше не могут отговариваться, что, если газовых камер не было, то 6 млн евреев убили каким-то иным способом. Сэннинг в своем прекрасном демографическом исследовании, основанном почти целиком на источниках союзников и евреев, пришел к выводу, что потери евреев на гитлеровской территории сопоставимы с потерями других пострадавших народов.

Итак, ревизионисты опровергают миф о геноциде четырьмя способами: демонстрируют недостоверность показаний очевидцев и признаний преступников; указывают на истоки мифа в военной пропаганде и, наконец, приводят технические и демографические аргументы. Для доказательства этого достаточно, хотя остается еще выяснить множество отдельных вопросов.

Фальсификаторы за работой

«Отталкивались, как правило, от очень верного принципа, что, чем больше ложь, тем больше ей верят, поскольку широкие массы /.../ восприимчивее к крупной, чем мелкой лжи».

Адольф Гитлер [316]

27 февраля 1933 года загорелся рейхстаг. На месте преступления был схвачен поджигатель – голландский анархо-коммунист Маринус ван дер Люббе. В ту же ночь Гитлер и Геринг приказали начать аресты членов германской компартии, что сломало ей хребет.

Никто не верил, что виновен один Люббе, которого потом казнили. Правые рассматривали поджог как сигнал к коммунистическому восстанию, левые – как явный трюк коричневых, которые более всех выиграли от пожара. После войны стало аксиомой, что поджог совершили нацисты.

Сомнения возникли после того, как немецкий историк-любитель Фриц Тобиас в серии статей в «Шпигеле» 1959-60 гг., а затем в отдельной книге, убедительно доказал, что Люббе поджег рейхстаг в одиночку. В 1968 году образовался «Европейский комитет научного изучения причин и последствий Второй мировой войны», единственной целью которого – несмотря на громкое наименование – было доказать, что рейхстаг поджог Гитлер.

В 1972 году была проведена пиротехническая экспертиза, дабы продемонстрировать, что один человек не мог организовать пожар за короткое время. В 1978 году вышел второй том, где были представлены доказательства, будто рейхстаг подожгли нацисты. Предисловие к нему написал швейцарский историк Вальтер Хофер, игравший в комитете главную роль. Книга однако сработала вхолостую, ибо «улики» были сфальсифицированы, как досконально раскрыла одна работа, напечатанная в 1986 году. В ответ Хофер, не опровергая аргументацию, обвинил своего критика в стремлении обелить нацистов [317].

«В ФРГ докатились уже до того, что международно известного историка (Хофер имеет в виду себя!) можно упрекать в том, будто он /.../, доказывая, фальсифицировал документы /.../ Какую же надо иметь наглость и самомнение, чтобы столь клеветническим способом...»

Поражаешься, с каким упорством защищается раскритикованная позиция, хотя в конце концов это – второстепенный вопрос. К чему весь этот шум, если неверящий в вину нацистов при поджоге рейхстага может спокойно верить в вину за войну, одного Гитлера, в газовые камеры и шесть миллионов убитых евреев?

По словам Голо Манна, разоблачения Тобиаса были «нежелательны с общественно-воспитательной точки зрения» [318]! Каста, формирующая общественное мнение, инстинктивно противится малейшей попытке реабилитировать национал-социализм, опасаясь, что любая уступка повлечет за собой дальнейшие. Когда Анри Рок в своей диссертации разоблачил записки Герштейна как выдумку, он вызвал шум, докатившийся до правительственных кругов Франции, хотя Рок не оспаривал существование газовых камер (этого вопроса он просто не касался). Стоит только из здания лжи выпасть хоть одному кирпичу, как фальсификаторов истории охватывает

паника и им чудится, будто рушится все здание.

Если же каста, которая пишет и переписывает историю, уступает иногда перед фактами – в 1960 году Институт современной истории не признал газовые камеры в самом рейхе, в 1990 музей Освенцима сократил ниже 4 млн. число жертв, Институт Яд-Вашем вдруг заявил, что мыла из евреев не делали, – то делается это не от любви к истине, ибо ее эти люди больше всего ненавидят, а ради сохранения всей конструкции. Кроме того, вместо одной отброшенной лжи профессиональные лжецы тут же подсовывают новую: в газовых камерах Дахау не убивали лишь потому, что их до конца войны не достроили; да, в Освенциме погибло не четыре, но все же более миллиона узников; лживые выдумки о мыле из жидовского жира распространялись оттого, что – об этом, по сообщению «Зюддойче цайтунг» от 25 апреля 1990 года, говорил Шмуль Краковский из архива Яд-Вашем, – «сами нацисты нарочно распускали слухи об изготовлении из евреев мыла» – и все это проделывается с болезненной фантазией, которой некоторые люди, судя по «рассказам очевидцев», процитированным в данной книге, одарены лучше нацистов.

Посмотрим на примерах, как работают экстерминисты:

Они приводят неверные цитаты. В каждом почти школьном учебнике или учебнике истории приведены слова Гитлера из «Разговоров с Гитлером» Раушнинга, хотя эта книга давно разоблачена как фальшивка [319]. Однако придуманные Раушнингом высказывания Гитлера сохранены и в новейших изданиях.

Они используют фальшивые документы. В «Окончательном решении» Рейтлинджера и других трудах экстерминистов рассказывается, будто евреев умерщвляли газом при помощи устройства, созданного Виктором Браком. В доказательство цитируется письмо некоего д-ра Ветцлера рейхс-комиссару Лозе в Риге [320]:

«В соответствии с моим письмом /.../ я сообщаю Вам, что г. Брак, главный делопроизводитель канцелярии фюрера, изъявил согласие помочь при создании необходимых помещений и аппаратов по газации. /.../ Представляется несомненным, что нетрудоспособные евреи могут быть ликвидированы по способу Брака».

В письме нет подписи, а Ветцлера и Лозе союзники после войны не нашли, т. е. перед нами – типичная фальшивка. В связи с этим логично предположить, что союзники фабриковали много фальшивых документов о газовых камерах, но тут сорвалось, и цитированное письмо – особый случай, наряду с вышеприведенной инструкцией по обслуживанию душегубок. Довольно скоро возобладало мнение, что приказы о газации нацисты отдавали устно и вовремя уничтожали соответствующие документы.

Они приводят фальшивые снимки. Их выразительную подборку можно увидеть в книге «Иллюстрации по истории?», опубликованной Валенди в 1973 году. В книги по истории и газеты широко проникли порой жалкие

фотомонтажи, а то и рисунки, выдаваемые за снимки.

Иллюстрация 2.

Есть два варианта этой фальшивки "Повешение на дереве". Как можно, однако, повесить с согнутыми ногами?

В фильме «Смерть – мастер из Германии» Иекеля и Рош можно увидеть вид вокзала в Румынии, с которого, согласно тексту фильма, евреев увозили для уничтожения в Трешлинку и Освенцим. На самом деле снимок изображает вокзал рурского направления в Гамбурге [321]. Кроме фильма, авторы

изготовили книгу под тем же названием, где перепевают старые страшные сказки, ибо неспособны выдумать что-либо новенькое. Оригинальна книга лишь неудачными потугами на бездарную поэтичность: «Страстная пятница. Льет как из ведра. Тусклый свет. Кругом пасмурно. Погода как раз для Освенцима» (С. 231). Иекель – профессор истории и директор Института истории при университете в Штутгарте. Относительно его соавтора – телерепортерши Лее Рош достаточно сослаться на замечание о ней Ирвинга на 10-м международном съезде ревизионистов [322].

Они дают фальсифицированную статистику. Чтобы увеличить максимально число погибших среди депортированных французских жидов, Серж Кларсфельд в «Памятке о депортации французских евреев» прибавляет к ним всех угнанных евреев, которые до 31 декабря не отметились в военном министерстве. А ведь эта регистрация была вовсе необязательной! К тому же многие из депортированных евреев были иностранными подданными, потому что Петэн был против депортации, французских граждан. Множеству евреев-иностранцев не очень-то, вероятно, хотелось возвращаться во Францию, которая их выдала нацистам, и они скорее всего сразу уезжали в Палестину, Америку и другие места [323].

Они работают с поддельными текстами. Маттоньо в своем исследовании о «признаниях» Герштейна указывает на то, что Леон Поляков в книге «Справочник по ненависти» 398 раз подчистил «записки» Герштейна: сделал изменения, ней пометил купюры и вставки [324]. Герпггейн, например, говорит, что в газовую камеру в Белзеце набивали 700-800 человек на площадь в 25 кв.м., а Поляков увеличивает эту площадь до 92 кв.м. И это не было недосмотром – последняя цифра сохранена и в новом издании, хотя Рассинье указал Полякову на его «ошибку».

Ицхак Арад приводит в шестой главе сборника «Нацистские массовые убийства при помощи ядовитого газа» Когона, Лангбейна и Рюккерля отрывок из Герштейна, из которого изъяты некоторые слова о дизельном моторе. Технически все сделано корректно – купюра показана отточием. Мы имеем дело с т.н. «благочестивой купюрой» – убираются важные места, «неудобные» для цитирования, а чепуха о дизельном моторе была для экстерминистров столь неприятной, что они не рискнули поднести ее читателям.

Теперь понятно, как у экстерминистов получается цифра в 6 млн. убитых евреев. Они или игнорируют или преуменьшают очень высокую довоенную эмиграцию (ни в одной книге по истории нет цифры в 100 тыс евреев, ежегодно выезжавших после 1933 года из Польши, а с ней согласен Институт современной истории). Замалчивается или умалется массовая депортация и бегство евреев на территории СССР; не учитывается добровольная эвакуацию множества советских евреев перед приходом немецкой армии; потери по переписям 1946 или 1947 годов вывод без учета массовой эмиграции сразу после войны; игнорируются такие тонкости, как снижение рождаемости вследствие эмиграции молодежи.

Для иллюстрации изложенного приведем два случайно взятых примера.

Примечание: видимо, гипотетических, а не случайных. Глюк переводчика.

Первый: Один польский еврей, наряду с тысячами своих единоверцев, выехал в 1930-е годы во Францию. Там его в 1942 году арестовывают и отправляют на принудработы. После освобождения в 1945 году он эмигрирует в Южную Америку. В статистике холокоста он фигурирует дважды: как польский еврей, который по переписи 1931 года жил в Польше и исчез после войны – следовательно, он погиб в газовой камере – и как депортированный французский еврей, который не отметился в Министерстве ветеранов войны до 31 декабря 1945 года, – следовательно, он был уничтожен. В статистике холокоста стало на два мертвеца больше!

Второй: Еврейская семья, по фамилии, скажем, Зюсман, арестована в 1942 году нацистами. Муж отправлен в концлагерь, жена с двумя детьми поселена в гетто, где она находит нового партнера. После войны вместе с ним и детьми она выезжает в Палестину и там выходит замуж. Первого мужа она объявляет пропавшим и он попадает в жертвы холокоста. На самом же деле, муж живет в США и пишет, что его семья пропала.

Если кто-нибудь в 1950-60-е годы решил бы отыскать в Америке Якоба Зюсмана, то ему бы это не удалось, потому что такового не было. В издаваемой в Нью-Йорке немецкими евреями газете «Ауфбау» от 19 марта 1982, мы находим следующее объявление о смерти: «14 марта 1982 года внезапно скончался наш дорогой и любимый отец, тесть и дедушка Джеймс Суитмэн (Зюсман), ранее живший в Данциге...» В журнале «Хисторише татзахен» №52 можно найти другие примеры изменения фамилий, взятые из «Ауфбау»: Гюнцбургер стал Ганби, Кенигсбергер – Кингом, Моренвитц – Муром, Гейльберг – Хилбурном.

Удивительное умение касты фальсификаторов истории манипулировать цифрами можно видеть по сборнику «Масштаб геноцида», изданном Бенцом. Когда он вышел, «Шпигель» (1991, №35) захлебнулся от восторга:

«Преступники первыми назвали число жертв холокоста немецких евреев. Они – верны, как бы не крутили и не опровергали сегодня сторонники неонацизма /.../ Ныне цифры бесчеловечной бюрократии научно подтверждены в необычайно скрупулезном, хотя и сдержанно написанном исследовании „Масштаб геноцида“ /.../ Это, конечно, не помешает кучке неонацистов и антисемитов и дальше шуметь относительно „лжи о шести миллионах“ и „лжи об Освенциме“. Однако разумный человек имеет отныне в своем распоряжении образцовый труд, результаты которого неопровержимы».

Говоря о «цифрах, названных преступниками», Бенц (как это принято в его кругах) имеет в виду признания Вильгельма Хёттля, сотрудника Эйхманна, сделанные в обмен на освобождение от наказания, и признания Дитера Вислицени, начальника гестапо в Братиславе, вырванные в сталинском застенке [325], Гёсс, Герпггейн, Герштейн, Гёсс, Гёсс, Гёсс, Герштейн, Хёттль, Вислицени, отрывки из «Майн кампфа» о 12-15 тысячах евреев-растлителей,

которых надо истребить газом, речь Гитлера 30 января 1939 года, письмо Геринга Гейдриху от 31 июля 1941 г., совещание в Ванзее 20 января 1942 года, две речи Гимmlера в октябре 1943 года в Познани и признания вины Шпеером и Франком, сделанные под влиянием слов Гёсса, – вот в течение десятилетий арсенал экстерминистров, на бесконечных вариациях которого ряд немецких ученых строит прочную и хорошо оплачиваемую карьеру.

В сборнике Бенца есть глава о евреях в СССР, написанная Гертом Робелем. Если ей верить, то из более пяти миллионов евреев, живших в СССР перед войной [326] (с этой цифрой согласен Сэннинг), нацисты якобы истребили 2,8 млн. [327]

Из-за массовой эвакуации и политики выжженной земли, проводимой Сталиным, во время войны скончалось не менее 12 процентов советского населения. И нет оснований считать, что потери евреев были меньше. Следовательно, из 2,3 млн. евреев, которые, согласно Робелю, выжили, надо вычесть 280 тыс. или более, которые погибли по иным, связанным с войной причинам. Если согласиться с Робелем, то в 1945 году в Советском Союзе проживало по крайней мере 2,02 млн. евреев или гораздо меньше.

Как специалист Робель должен знать, что советской статистике в отношении еврейского населения доверять нельзя. Ему должно быть известно, что его численность перед началом эмиграции в США и Израиль западные сионисты оценивали в 4,5-5,5 млн. человек, а уж они-то были прекрасно осведомлены о положении евреев в СССР.

Каким образом количество советских евреев, несмотря на очень низкую рождаемость и сильную ассимиляцию, удвоилось или утроилось после 1945 года? Этот вопрос мы задавали и раньше и охотно услышали бы на него ответ г. Робеля.

Фальсифицированные цитаты, поддельные документы и снимки, фальсифицированная статистика, искаженные тексты, признания, добытые под пытками или в обмен на смягчение наказания – вот панорама нашей истории. Оруэлл ее предвидел [328].

«Рядом, над и под ними массаслужащих занималась немыслимо многообразной работой. Там были огромные типографии, редакторы, печатники и прекрасно оборудованные ателье, в которых фабриковались фотографии /.../ Там были толпы библиотекарей, задача которых заключалась в том, чтобы составлять списки книг и журналов, которыми надлежало заняться. Там были большие склады, где хранились исправленные документы, и тайные печи, в которых уничтожались оригинальные издания».

Зулус и эскимос

Когда в XVI веке Коперник возвестил, что Земля вращается вокруг Солнца, Лютер обозвал его «безумцем, опрокидывающим все искусство астрономии». В

качестве доказательства Лютер с восторгом сослался на Библию, где написано, что Иисус Навин остановил Солнце, а не Землю!

Порой кажется, что с той поры человечество ни на шаг не продвинулось вперед. Если экстерминистов спросить, как в немецких лагерях уцелело 600 тыс. евреев, несмотря на запланированную уже в 1942 году операцию по их уничтожению, в ответ можно услышать: «Вы хотите реабилитировать Гитлера?» Задайте им вопрос, как же все-таки работали в Освенциме газовые камеры, и услышите вопль: «Задающий такой вопрос убивает во второй раз!» Если вы захотите узнать, почему на стенах камер не осталось следов циклона Б, то вам ответят: «Зачем вы глумитесь над жертвами коричневой диктатуры?» Попробуйте указать, что крематории Освенцима не могли сжечь и четверти предполагаемых убитых, и вы получите в ответ: «Разве после происшедших ужасов еще существует расовая ненависть?» Диалог экстерминиста и ревизиониста невозможен равно как между зулусом и эскимосом – каждый из них знает лишь свой язык. На одной стороне – логика и разум, на другой – система псевдорелигиозных запретов.

В принципе в демократическом западном обществе гарантирована свобода исследований. Позволительно ставить под сомнение существующие взгляды и анализировать исторические заблуждения методами точных наук. Долгое время в Швейцарии считалось бесспорным, что после клятвы 1291 года в Рютли сторожевые замки австрийцев были взяты, разрушены и «пали». Однако как показали раскопки, замки сдались без боя задолго до или после 1291 года и, следовательно, их «падение» является легендой. (См. книгу: W. Meyer, «1291, Die Geschichte») И не слышно было, чтобы судьи растерзали руководителя раскопок за «оскорбление наших предков». Миллионы благочестивых богомольцев с благоговением взирали на «туринскую плащаницу» до тех пор, пока лабораторные исследования не доказали, что она относится к Средним векам. Насколько известно, папа не отлучил от церкви занимавшихся исследованиями ученых.

По существующим общественным нормам сегодня любой исторический период можно подвергнуть критическому изучению, при необходимости прибегая к помощи точных наук. Исключение – 1941-45 годы. Но эти годы научные методы не распространяются – критическая мысль и свободное исследования подменяются государственно санкционированным идиотизмом.

От историка действительно нельзя требовать, чтобы он занимался проблемами химии, физики и техники: токсичностью выхлопов дизеля, особенностями инсекцицида циклона Б или производительностью крематориев, но даже, отбросив научно-технические проблемы, вся история холокоста настолько фантастична, что любой ученый, обладающий минимумом профессиональной этики и самоуважения, не станет с нею связываться. Слова «эвакуация» и «выезд» были, мол, в немецких документах всего лишь шифром «газаций», нацисты, желая сохранить в тайне геноцид, выстроили самый большой лагерь уничтожения в промышленной зоне и открыто

похвалялись убийствами; Гёсс уже в июне 1941 года посетил Трешлинку, хотя построена она была 13 месяцев спустя; в Биркенау евреев полгода держали в карантине, а потом умерщвляли с помощью того же инсектицида, которым проводили дезинфекцию их одежды с целью медицинской профилактики; немецкие евреи не ликвидировались эсэсовцами на месте, их через пол-Европы везли в Россию составами, число которых все сокращалось, и там расстреливали айнзатц-команды; пленным, которых собирались прикончить, оказывали врачебную помощь... Серьезно защищать весь этот бред серьезным людям просто не позволяет приличие. Выходит, что почти все историки поддерживают вроде бы легенду, имея, разумеется, в виду историков, занимающихся современной, а не античной или средневековой историей?

По нашему мнению, совершенно невероятно, чтобы современный специалист, изучающий Третий рейх или Вторую мировую войну, верил в газовые камеры. Ведь нет же гинекологов, верящих в сказку об аисте? Активно ложь поддерживает лишь меньшая часть историков, а большинство поддерживает пассивно своим молчанием, поскольку фальсификация удобна для них по идеологическим причинам или они боятся, зная цену за подрыв догмы, установленную свободно демократическим обществом.

Не надо обольщаться и морем книг по холокосту – в них мы имеем дело с духовной проституцией худшего вида, со списыванием и цитированием авторами друг друга. Лишь немногие авторы задалась трудом написать научно обоснованную общую историю холокоста. В 1950-е годы образцовым считался «Словарь ненависти» Полякова, затем «Окончательное решение» Рейтлинджера, сегодня это – «Уничтожение европейских евреев» Гильберга. К трудам второго класса можно и отнести: «Холокост» Норы Левин, «Войну против евреев» Люси Давидович и «Невиданное преступление» Мэнвелла и Фрэнкля, хотя эти работы цитируются гораздо реже, чем вышеназванные. Все авторы этих «образцовых трудов» – евреи. Если вдруг появляется новая общая работа, то ее авторы в основном содрали ее с названных трудов.

Бывают, конечно, в новых работах удивительные «открытия». Иегуда Бауэр, профессор по холокосту в Еврейском университете Иерусалима, в книге «История холокоста», вышедшей в 1982 году, написал, что в Одессе румыны уничтожили, в основном утопив, 144 000 советских жидов [329]. Поскольку источник автор не называет и о массовом утоплении в Одессе не упоминают Рейтлинджер, Гильберга, Поляков и Давидович, то можно предположить, что эта история родилась в больном воображении проф. Бауэра. Ею Бауэр внес свой «научный вклад» в изучение холокоста.

Говоря о «фактах», мы в другом месте уже рассказали о «заслугах» немецких «специалистов по окончательному решению». В своих работах и на своих съездах они горячо спорят о таких вопросах: кто несет основную ответственность за холокост? Гитлер, Гиммлер или же все-таки Гейдрих? Если Гитлер, то когда он впервые задумал план истребления евреев – в 1924, 1939, летом или декабре 1941, а может быть, в январе 1942 года? О фактах не

спорят, поскольку они непреложно установлены на все времена Гильбергом, Рейтлинджером, Поляковым и другими.

В Швейцарии нет историка, который бы написал серьезную книгу о холокосте. Хорошим специалистом, казалось, мог бы стать проф. Жан-Клод Фавес, автор капитального труда «МКК и Третий рейх. Можно ли было остановить холокост?» Но, увы, отвечая 27 декабря 1992 года автору данной книги, Фавес сообщил, что он не является таким «специалистом в области окончательного решения, как Гилберт и Гильберг». Изучив позицию Международного Красного креста во время войны, Фавес пришел к выводу, что тот ничего не сделал для спасения евреев от газовых камер и поэтому несет моральную ответственность. Вопросом о существовании камер автор не задавался – его уже разрешили другие. Если бы Фавес серьезно занялся историей холокоста, то он волей-неволей пришел бы к мнению, что для спасения евреев МКК ничего не предпринял по той же причине, по какой он не спасал от газовых камер эскимосов или жителей южных островов.

Гилберт, которого Фавес хвалит как специалиста по холокосту, в принципе тоже таковым не является. В своей толстой книге он занимался вопросом: что сделали союзники для спасения евреев и также пришел к выводу, что ничего, и потому они морально ответственны и т.п. Дальше говорить просто скучно.

Нельзя утверждать, будто такой человек, как Гилберт, заблуждается. Он просто-напросто лжет. В 19-й главе своей книги он, например, пишет [330]:

«28 октября (1942) в Освенцим пришел состав из Терезиенштадта с заплombированными вагонами для скота. В нем прибыло 1866 евреев, в основном старики; при прибытии 215 мужчин и 32 женщин на кожу нанесли татуированные номера и отправили в бараки; всех же остальных, числом 1619 (эта цифра взята из записей гестаповцев-бюрократов), убили газом».

Пусть Гилберт хоть раз покажет нам эти «записи гестаповцев-бюрократов»!

В другом месте Гилберт, не комментируя, цитирует промеморию Хаима Вейцмана, согласно которой в Биркенау четыре крематория могли ежедневно истреблять и сжигать 60 000 человек [331]. Следовательно, для обращения трупа в пепел требовалось всего 63 секунды! Вот Вам, профессор Фавес, и «специалист по окончательному решению»!

Согласно Голо Манну, человек, думающий, что в 1941-44 годы законы физики были отменены, верно мыслит исторически, и его, по словам «Шпигеля» можно обучить. Повествователь о кровавых фонтанах, которые спустя месяцы после резни бьют из-под земли, и о людях, которые часами могли находиться в огне, награждается за эти премудрости Нобелевской премией. К тем, кто в этом сомневается и открыто выражает свои сомнения, власти применяют меры, которые были в ходу в приснопамятные времена при марксистко-ленинском режиме и которым нет аналогий в открытом обществе.

Причина, почему экстерминисты используют против ревизионистов запреты книг, штрафы и тюремное заключение, состоит в том, что у них нет контраргументов. Об Уровне «аргументации» экстерминистов можно судить по

таким примерам:

14 июля 1967 «Альгеймайне унабхэнгиге юдише вохенцайтунг» писала о Рассинье [332]:

«Под легким и хорошо угадываемом прикрытием научного энтузиазма он выливает /.../ целый ушат грязи и яда, собранный во время „изысканий“, на евреев и Израиль и на всех, кто рискует говорить евреям правду о нацистских преступлениях...»

А вот слова Давидович о Батце [333]:

«Хотя данная книга („Обман двадцатого века“), несомненно, – плод помраченного разума, общее возмущение вызвал факт, что ее автор преподает в университете...»

В книге «Право, а не месть» Визенталь пишет [334]:

“Всякий отрицающий газовые камеры Освенцима – это или бывший нацист или неонацист. Вдобавок он еще, пожалуй, и дурак, потому что суется туда, где удача возможна разве что среди детей и слабоумных. Круг внимающих его аргументам – скажем, в ближайшие десятилетия – чрезвычайно невелик. Профессиональный неонацист станет уклончиво говорить об Освенциме /.../ Зато симпатизирующего национал-социализму можно легко распознать при помощи другой дискуссии – дискуссии о книге Анны Франк. «Ведь подлинность этой книги весьма сомнительна?» – этим типичным вопросом подобные люди осторожно пытаются выяснить позицию собеседника. Иногда вопрос ставится ребром. «Это, возможно (вероятно, несомненно), – фальшивка».

С дневником Анны Франк г. Визенталь уж точно сел в лужу. Даже французский историк Пьер Видаль-Наке, еврей и неумный критик ревизионистов, признает правоту Фориссона в одном-единственном пункте: дневник – это в лучшем случае откорректированный документ [335]. Что же до первого, гораздо более важного утверждения в приведенной цитате, то каждый ревизионист страстно желает скрестить шпаги с г. Визенталем, лучше всего на австрийском телевидении. Такие дебаты, понятно, никогда не состоятся. Телевизионщики знают почему, а еще лучше это знает сам венский фабрикант мыла.

По поводу Лейхтера и Ирвинга 88 английских парламентариев сделали такое заявление [336]:

«Парламент, помня о более чем тысячи беженцах от холокоста, собравшихся в Лондоне, большинство которых из-за нацистских убийц потеряло свои семьи в газовых камерах или в других местах, призывает выступить против заявлений защитника нацистов Дэвида Ирвинга, будто позорных газовых камер в Освенциме, Треблинке и Майданеке никогда не было и они были якобы придуманы в войну британской военной пропагандой, обратить также внимание на новую фашистскую публикацию – „Экспертизу Лейхтера“, где снова представлена гнусная ложь, и безоговорочно заклеить этих гитлеровских последышей...»

Вот что пишет Иегуда Бауэр проф. Карлу Нордлингу, который, проверив материал Сэннинга, нашел его в целом правильным и дополнил некоторыми своими изысканиями [337]:

Уважаемый профессор!

Мы получили Ваше письмо и статью о числе евреев, погибших в лагерях. Наш журнал – университетский и потому не принимает статей, явно безосновательных.

Не стоит детально разбирать Вашу работу, поскольку она просто повторяет несуразности, присущие неонацистской литературе самого низкого пошиба. Ваш источник Сэннинг – один из тех нацистов, которые под видом статистики по-детски возятся с цифрами. Почти 6 млн. евреев, погибших в холокост, – это жертвы пуль, лишений, пыток и газа в лагерях уничтожения (а не в концлагерях). С подробностями Вы можете ознакомиться в «Энциклопедии холокоста». Впредь просим избавить нас от Ваших статей и мы больше не станем отвечать на Ваши письма.

Французский католический журнал «Акпоалитэ релижъез дан лё монд» писал 15 апреля 1991 года о Фориссоне [338]:

«Его зовут Робер Фориссон. Ему 67 лет. Он специалист по французской литературе, но его достижения в этой области скромны. Дурную славу принесло ему другое. Бывший сторонник Петэна и поклонник ОАС чувствует себя вольготно в обществе ку-клукс-клановцев и английских неонацистов...»

Журнал прибавил Фориссону пять лет, чтобы сделать из него сторонника Петэна. Фориссон не был поклонником ОАС, а входил в комитет против пыток в Алжире. Все остальное в статье – тоже мерзость.

«Шпигель», которому автор в 1992 году послал копию экспертизы Лейхтера с просьбой о комментарии, прислал в ответ такое письмо:

Глубокоуважаемый г. Граф!

Преподавателю языков, чей уровень образования, несомненно, выходит за рамки начальной школы, думается совсем нетрудно самому составить мнение о т.н. «экспертизе Лейхтера». Если Вы действительно очень жаждете разъяснений, то их Вы можете получить в любой хорошей библиотеке.

С дружеским приветом, Вольфганг Айзерман

И т.д. и т.п. Однако поскольку оскорбления и идиотские заявления Айзермана не могут задержать ревизионизм, то демократическая элита свободного мира, увы, вынуждена прибегать к другим мерам защиты газовых камер, столь милых ее сердцу.

В 1990 году во Франции был принят «закон Гейсо» (названный по имени депутата-коммуниста), из которого мы хотим привести самый важный пассаж [339]:

"Наказание, указанное в шестом пункте 24-го параграфа, в отношении оспаривающих одно или ряд преступлений против человечества, как они квалифицированы в 6-м параграфе Международного военного трибунала, созданного в соответствии с Лондонским соглашением от 6 августа 1945 года, назначается за преступление, которое было совершено или членами преступной организации, названной в 9-м параграфе указанного положения, или если одно из данных преступлений совершено лицом, которое найдено виновным французским или международным судом.

Наказание за описанное в этом законе преступление – до года заключения и 300 000 франков штрафа".

В феврале 1992 года австрийский парламент единодушно (при поддержке известного «правого» Йёрга Хайдера) проголосовал за закон, по которому отрицание холокоста карается тюремным заключением до 10 лет.

В других странах власть имущие применяют эластичные статьи об «оскорблении памяти умерших» или об «отрицании геноцида и преступлений против человечности». Закон, дающий свободу произволу, принят в 1994 году и в Швейцарии.

Мариэт Пашу, учительница французского и истории в Лозанне, была, по проискам раввина Ваднаи, уволена сперва от преподавания истории, а потом и французского, потому что в 1986 году она представила на пресс-конференции докторскую диссертацию Анри Роке о приснопамятных шести «признаниях» Герштейна. В январе 1993 года без предупреждения был уволен Бернгард Шауб, атропософ и учитель немецкого в школе им. Штейнера в Адлисвиле. Четырьмя месяцами ранее Шауб опубликовал книгу «Орел и роза», где высказал еретическое мнение, что наконец-то нужно выяснить истинное количество жертв в Освенциме с помощью профессиональных методов, как это делается на обычных процессах об убийстве, вместо того, чтобы полагаться на оценки советских комиссий. Вначале книга получила положительную рецензию в школьном журнале, но затем на нее обратили внимание средства массовой информации и против Шауба началась кампания, которая вскоре привела к увольнению отца двух детей.

Заинтересованные в продолжении обмана стали бы, конечно, непрерывно травить школу им. Штейнера, что поставило бы ее в опасное положение. Фельдерера посадили в Швеции на три месяца и по-коммунистически подвергли принудительной психиатрической экспертизе. За решетку попал и Ахмед Рами, шведский гражданин марокканского происхождения, который в передачах на руководимом им «Радио ислама» часто высказывал ревизионистские взгляды. В 1992 году, в результате давления шведского правосудия, радиостанцию пришлось закрыть.

В США нет и, возможно, не будет закона против ревизионистов. По этой причине тамошние «антифашисты» вынуждены пользоваться другими методами. Ридэк, член «Международной амнистии», призвал на американском телевидении финансово разорить Лейхтера. Кампания бойкота инженерного

бюро Лейхтера стоила ему 300 тыс. долларов [340].

По полицейскому преследованию свободного исследования первое место занимает Австрия, второе почетное место – Франция, за нею идет Германия. Покажем на примерах, как в двух последних странах ведутся процессы против ревизионистов.

21 сентября 1991 года Артур Фогт, пенсионер, в прошлом школьный учитель естествознания и математики, прочел в Нюрнберге доклад по приглашению Общества им. Томаса Делера, которое близко стоит к свободным демократам. Среди выступавших Фогт был единственным ревизионистом; никто из присутствующих не опровергал его тезисы и, по словам Фогта, конференция проходила вполне спокойно. Но через несколько месяцев ему пришло письмо из нюрнбергской прокуратуры. В нем говорилось, что заявления Фогта «подпадают под действие статьи 194 Уголовного кодекса об оскорблении памяти усопших и ст. 130 о разжигании национальной ненависти. В связи с этим нарушением против Вас начато предварительное следствие...» На суде в Нюрнберге Фогта приговорили к штрафу в 4800 марок; Общество им. Делера не тронули.

Можно не сомневаться, что судьи и прокуроры, участвующие в подобных процессах, имеют от Министерств юстиции и внутренних дел инструкции касательно приговора и его обоснования и жесткие указания не давать защите представлять доказательства, а у прессы есть строгие наставления не приводить аргументы обвиняемых и их адвокатов и очень скупно сообщать о данных процессах. В июне 1992 года Ирвинга присудили в Мюнхене к штрафу в 10 000 марок за отрицание холокоста, а в январе 1993 года апелляционный суд увеличил штраф в три раза. Ирвинг хотел пригласить экспертом химика Рудольфа, который должен был рассказать о своих исследованиях относительно цианистых следов в «газовых» и дезинфекционных камерах Освенцима. Рудольфа суд не пригласил, поскольку, по словам судьи, речь шла о «реконструкции газовых камер». Это заявление, к сожалению, не дошло до дирекции Освенцимского мемориала, где туристам рассказывают, что крематорий в главном лагере сохранился в первоначальном виде. Руины в Биркенау в качестве «реконструкции» – это уж слишком!

Когда в 1980 году был запрещен «Миф об Освенциме» Штеглиха, немецкое правосудие еще пыталось опровергать содержание книги. Ее отдали на экспертизу проф. Вольфгангу Шефлеру. На проведение экспертизы у профессора ушло полтора года, но несмотря на это, она оказалась не нужной и была насыщена посторонней полемикой [341]. Тем временем суды получили от правительства строгий приказ не вступать в споры с ревизионистами и их адвокатами, а довольствоваться ссылкой на «очевидность» холокоста. Приведем выдержку из доказательной части приговора Ирвингу:

"1. Обвиняемый Дэвид Ирвинг виновен в оскорблении действием памяти усопших.

2. Он приговаривается к денежному штрафу в 100 марок сроком на 100 дней /.../ В своей речи (21 апреля 1990 года перед Немецким молодежно-просветительным обществом) обвиняемый в частности заявил следующее: "Теперь мы знаем – упоминаю только мимоходом – что в Освенциме никогда не было газовых камер".

/.../ Обвиняемый, отрицающий убийство евреев в Третьем рейхе, – как выяснилось на главном заседании – знал, что делал, и он оскорбляет каждого еврея /.../ Преследование евреев достигло своей кульминации в убийстве миллионов еврейских мужчин, женщин и детей в лагерях уничтожения, в том числе в Освенциме-Биркенау, где при помощи газа циклон Б было умерщвлено не менее миллиона евреев (см. протокол заседания конференции в Ваннзее 20.1.1942 об «окончательном решении еврейского вопроса» в книге Курта Петцольда «Повестка дня – истребление евреев. Конференция в Ваннзее 20 января 1942 года»; Вольфганг Бенц «Легенды, ложь, предрассудки. Справочник по современной истории», статьи: «Ложь об Освенциме», Газация"). Отрицание данного факта означает одновременно глумление над евреями. ..

При определении наказания было учтено как смягчающее обстоятельство, что подсудимый признал внешние факты.

Штельцнер, судья государственного суда".

Сходным образом проходят суды и во Франции, только штрафы там выше. Во время парижского суда-фарса 9 декабря 1992 года над Фориссоном и Бользо (издателем журнала «Шок дю муа», опубликовавшего интервью с Фориссоном) председатель суда Симон запретил Фориссону зачитать даже небольшой отрывок из документа. Каждый из обвиняемых был присужден к 187 тыс. франков штрафа. В связи с интервью против них идут еще два процесса, так как нарушены якобы три разных закона. Из указанного штрафа в казну поступило только 30 тысяч, остальные деньги получили различные еврейские организации. В прессе (например, в «Фигаро» и «Котидьен де Пари» от 10.12.1992) была названа лишь уменьшенная сумма. Французский народ, очевидно, не должен знать, что подобное правосудие стало необычайно выгодным дельцем для еврейских организаций страны, потому что только в январе 1993 года перед судом предстали 7 ревизионистов, в том числе левый интеллектуал Пьер Гийом и автоконструктор Пьер Марэ, автор неопубликованной книги, посвященной легенде о «душегубках». Основой процессов служит вышеупомянутый «закон Гейсо», по которому критикам нюрнбергского приговора угрожает год тюрьмы.

Сомневающиеся, будто немецкие офицеры расстреляли в Катыни 10 000 польских офицеров, убили в Освенциме 20 000 жидов посредством атомной бомбы, в Треблинке удушили паром сотни тысяч евреев, в Заксенхаузене отправили на тот свет 840 000 советских военнопленных при помощи аппарата, дробящего затылок, и ликвидировали 840 000 трупов в

передвижных прицепах-крематориях, рискуют годом тюрьмы в стране, где была провозглашена Декларация прав человека, поскольку в Нюрнберге это утверждали обвинители. Таким образом, нюрнбергский приговор объявляется непогрешимым. На это не решился даже Сталин. Инициатором названного закона был премьер-министр Лоран Фабиус, еврей, который ради маскировки использовал коммуниста Гейсо.

Для Фориссона декабрьский процесс был, к сожалению, не первым. Начиная с 1979 года, его непрерывно травили, он потерял место профессора, был облит помоями сразу подключившейся прессой, не имея возможности защищаться, – его контраргументы в основном не печатаются, его семья живет в постоянном страхе. В сентябре 1989 года антифашисты доказали, что у них есть «сильные» доводы. Три крутых парня из группы «Дети памяти об евреях» напали на Фориссона, гулявшего вблизи своего дома в Виши, облили его кислотой и до полусмерти избили. Он однако остался жив, не в пример Франсуа Дюпре, учителю истории, которого 24 марта 1978 года взорвали вместе с машиной.

Почему открытый диалог подавляется при помощи террора и самых примитивных государственно-полицейских методов? Зачем нужна тотальная цензура? Входят ли газовые камеры, как пирамиды и собор св. Петра, в культурное наследие человечества? Стало бы в мире меньше красоты, если бы не было камер на выхлопных газах в Белзеце, где после страшных мучений медленно задохнулись 600 000 еврейских мужчин, женщин и детей? Разве мы меньше гордились бы достижениями человечества, если не было газовых камер в Освенциме, где миллион евреев, как паразиты, был уничтожен синильной кислотой?

Почему политическая и культурная элита «свободного мира» с такой бешеной яростью защищает холокост и газовые камеры?

Потому, что имеются невероятное множество невероятно могущественных людей, для которых конец легенды означал бы огромную катастрофу. Потому, что с ложью о холокосте связаны большие финансовые интересы. Потому, что обман необычайно нужен руководящему слою западной демократии, в особенности левым. Оттого, что репутация специалистов по современной истории и журналистов зависит от продолжения фальсификации истории.

Фориссон, который больше других содействовал разоблачению величайшего обмана в истории человечества (без него не было бы экспертизы Лейхтера), в 1979 году сочинил о холокосте "Тезисы в 60 слов". Приведем их в расширенном позднейшем варианте [342].

«Мнимые газовые камеры нацистов и мнимый геноцид евреев это – историческая ложь, которая была использована для гигантского политического и финансового шантажа. Самую большую выгоду эта ложь принесла Израилю и международному сионизму. Главными жертвами являются немецкий народ – но не его руководящая верхушка, – палестинцы в целом и наконец молодое поколение евреев, которое в результате религии холокоста

все сильнее замыкается в морально-психологическом гетто».

Остановимся подробнее на этих тезисах.

Кому ложь выгодна

"Теперь я хочу поведать Вам о двух эпизодах, взятых из главы «Кто, рассказывая истории, загребает миллионы»...

Н. Голдман, 6. президент Всемирного Еврейского конгресса [343]

В марте 1916 года «Дейли телеграф» сообщила, что австрийцы и болгары истребили газом 700 тысяч сербов [344]. Нам неизвестно, поверили ли читатели английской газеты этой «утке», но вскоре после окончания Первой мировой войны никто в это массовое убийство уже не верил. В июне 1942 та же газета рассказала о 700 тыс. погибших от газа и в эту страшную сказку верят до сего дня. В отличие от лживых выдумок времен Первой мировой войны лживые выдумки Второй до сих пор в ходу, так как с ними связаны огромные финансово-политические интересы. Сразу после войны сионисты смекнули, что газовые камеры могут принести материальную выгоду. В 1952 – 92 ФРГ выплатила Израилю, сионистским организациям и отдельным евреям 85,4 миллиарда марок (Шпигель. 1992, № 18). Голдман в «Еврейском парадоксе» замечает [345]:

«Без немецких компенсаций, которые были получены в первое десятилетие после основания Израиля, в нем не было бы и половины нынешней инфраструктуры: от немцев – все поезда, пароходы, электростанции и большая часть промышленности».

Гораздо важнее денежной выгоды – безграничная поддержка США, которая обеспечивается ссылкой на Освенцим и Треблинку. Расплачиваются за это палестинцы – главные жертвы молоха холокоста. Кроме того легенда о холокосте дает Израилю прекрасное орудие для сплочения всех евреев. Еврейское общество в Израиле разъедается глубокими внутренними противоречиями. Все больше израильтян равнодушно относится к религии своих предков; процессы секуляризации, типичные для западного общества, затрагивают и еврейское государство.

Непроходимая пропасть отделяет сторонников компромисса от приверженцев жесткой линии в отношении палестинцев. Не надо забывать и о напряженных отношениях между европейскими и восточными евреями. Только одно объединяет всех жидов, верующих и неверующих, «голубей» и «ястребов», ашкенази и сефардов – это страшное воспоминание о шоа, твердая решимость никогда не позволить, чтобы их гнали как стадо на убой. Холокост сделался псевдорелигией, в которую верит даже самый отпетый

еврей-атеист, а газовые камеры Освенцима – священной скинией. Если исчезнет холокост, исчезнет единственная связь, объединяющая всех евреев планеты.

Однако и это не является решающим аргументом, чтобы сохранять ложь в интересах израильского руководства В день, когда рассеется обман, в Израиле, а также в Германии и Австрии пробьет роковой час. Евреи, а вместе с ними немцы и австрийцы, спросят своих руководителей, зачем вы нам лгали изо дня в день? Никогда нельзя будет восполнить утрату доверия, которая затронет всю израильскую и еврейскую элиту: политиков, журналистов, писателей, учителей, историков и раввинов. Станет ли после этого израильская армия сражаться столь же самоотверженно, как в предшествующих войнах? Так что конец легенды для израильского государства может оказаться гораздо опаснее арабских танков и ракет. Израильское руководство в данной ситуации страшно-фатальными узами повязано с германским. Обе правящие элиты погрязли во лжи, выхода из которой нет. Они всеми силами отчаянно пытаются предотвратить разоблачение лжи или отсрочить его хотя бы на 20, 15, 10 лет! Однако после появления экспертизы Лейхтера в апреле 1988 года оба клана лжи – еврейский и немецкий – приблизились к опасной черте и молох холокоста, возможно, рухнет уже в этом или следующем десятилетии точно также, как рухнула в ноябре 1989 года берлинская стена, которая тоже была задумана на века.

Когда видишь, сколь потрясающе абсурден миф о холокосте с его бесконечными несуразностями, то спрашиваешь себя в недоумении: как могли верить люди всего мира, что все это будет несокрушимо вовеки? Удивительно уже то, что их дурачили целых полвека, и кто знает, не пояись Рассинье, чьи книги несмотря на их несовершенство, дали толчок дальнейшим исследованиям, учить бы школьникам будущих столетий страшные легенды о миллионах погибших от газа в качестве твердо установленного исторического факта, как учат они походы Наполеона или дату высадки человека на Луне.

Конец мифа о холокосте обернется страшной катастрофой для международного сионистского движения, которое имеет огромное политическое влияние, особенно в США.

Пол Финдли, который 22 года представлял штат Иллинойс в американском конгрессе, рассказывает в своей книге «Отвага говорить» (есть немецкий перевод под заглавием «Израильское лобби»), как сионистское лобби: Американский комитет по общественным связям с Израилем, Антидиффамационная лига, Американский еврейский комитет и другие группы расправляются с любым неудобным им политиком, проводят расовую дискриминацию американских граждан арабского происхождения и проталкивают любой заказ Израиля на поставки оружия и технологии, хотя израильская политика резко противоречит американским интересам. Подобным образом торпедируется разумный ближневосточный курс,

предусматривающий, наряду с гарантиями Израилю, вывод израильских войск из оккупированных в 1967 году территорий и создание палестинского государства. Больше всего от этой политики страдают палестинцы, которые ютятся в переполненных лагерях в плохих условиях и подвергаются всяческим унижениям – даже за ненасильственное сопротивление они рискуют несколькими годами тюрьмы и высылкой. Палестинцы – главная жертва выдуманных сионистами газовых камер, так как холокост – самый большой козырь у лоббистов!

Когда в 1979 году предстояло обсуждение предложения Картера о продаже Израилю современных самолетов Ф-15, конгрессменам раздали роман «Холокост», а пресса и телевидение неделями мусолили эту тему. К книге было приложено письмо Комитета по связям с Израилем: «Это холодно-объективное повествование об уничтожении 6 млн. евреев /.../ вновь воочию демонстрирует опасения израильтян» [346]

И трюк достиг цели. В результате, даже умеренные арабы вынуждены отворачиваться от США. Придет, несомненно, время следующего нефтяного бойкота, появится еще один Саддам Хусейн и появится, безусловно, с атомной бомбой. Расплачиваться за все придется и европейцам, если не исчезнет ложь о холокосте, а с нею и власть лоббистов.

Сказанное о ФРГ относится в определенной мере и к Австрии и причины, по которым правящий слой в Австрии защищает ложь, те же, что и в Германии, поэтому отдельно останавливаться на Австрии не стоит. Репрессии против ревизионистов в Австрии несравнимо сильнее, чем в ФРГ. К 18 месяцам был приговорен Герд Гонсик в 1992 году, так как он оспаривал существование газовых камер.

Ну а почему германская элита: политики, историки, писатели, журналисты, священники, учителя и юристы столь отчаянно цепляется за газовые камеры? Разве не пристало немцам радоваться избавлению от «исторической вины»?

Почему результаты экспертизы Лейхтера не набраны крупными буквами на первых страницах немецких газет? Отчего руководящая и формирующая общественное мнение каста с мазохистской одержимостью противится оправданию Германии от обвинения в геноциде?

Выше было уже показано, почему Бонн вынужден брать на себя ответственность за холокост. ФРГ хотела бы выглядеть образцовым союзником США, одновременно демонстрируя своей молодежи пагубность национализма, хотя немецкие консерваторы вполне удовлетворились бы умеренной пропагандой в отношении холокоста и газовых камер. Пары упоминаний в месяц об Освенциме им хватило бы, но эта тема – монополия левых политиков и интеллектуалов, дабы загасить всякую искру патриотизма и национального самосознания, и потому трижды в день они талдычат народу об Освенциме. Консерваторы ничего не смогли предпринять против этой промывки мозгов,

ибо иначе бы их сразу же обвинили в «неонацизме», и им приходится ограничиваться регулярными предупреждениями – за преступлениями нацистов не забывать преступлений коммунистов.

Отступить консерваторам некуда. Они сильно замешаны в обмане и сидят с левыми в одной лодке. Когда правда истории победит, немецкий народ начнет задавать вопросы. Ежедневно в ушах политиков, начиная с ХДС и кончая «зелеными», будет греметь:

Почему еврейским организациям и Израилю вы выплатили из кармана налогоплательщиков 60 или 70 млрд. марок в качестве откупного за выдуманные газовые камеры? Ладно, забудем о материальных затратах. Но мы не можем простить, что за истекшие десятилетия вы не предприняли даже малейшей попытки, чтобы оправдать нас, а унижали нас и себя при покаянных паломничествах в Освенцим и Израиль и ритуалах самобичевания и плача. Отчего вы раньше не послали в Майданек и Освенцим какого-нибудь Лейхтера?

У судей и прокуроров спросят. Почему вы проводили в правовом государстве показательные процессы по сталинскому образцу? Не уйдут от вопросов учителя и священники. И вряд ли поможет отчаянный вопль: «Мы же об этом не знали!»

А журналисты? Разве после 1949 года можно было в Германии хоть один день " раскрыть газету или включить телевизор, чтобы не узнать об убийстве евреев? Что станет с немецкими репортерами и борзописцами, когда холокост околеет? Вот почему тележурналисты и просто журналисты от «Штерна» до «Бильд-цайтунг» и, разумеется, «Цайта» за газовые камеры будут биться до последнего, как львица за своего львенка.

А историки, щедро вознаграждаемые за то, что списывают друг у друга чепуху и фальсифицируют историю, превращая в преступников собственный народ? Кто захочет учиться истории у проф. Моммзена, слушать проф. Еккеля о характере немецкой вины, просить экспертизу у проф. Шефлера, прочесть даже строчку у проф. Бенца? Все их книги попадут туда, где им положено быть!

И нет ничего удивительного, что Бенц охотно цепляется за глупости Прессака и восхваляет их как «опровержение» экспертизы Лейхтера [347].

А писатели? Кто будет испытывать хоть каплю уважения к Понтеру Грассу, заявившему 13 февраля 1990 года [348]:

"Представив мой доклад с мрачным названием «Письмо в Освенцим» и подведя литературный итог, я в заключении хочу сравнить крах цивилизации в Освенциме и немецкое стремление к единству. Освенцим вопиет против всякого, кто в за твердую немецкую валюту хочет достичь единства в результате настроения, создаваемой этим настроением тенденции, торговой мощи немецкой экономики, Освенцим вопиет против даже бесспорного права народов на самоопределение, против всего, ибо мощная единая Германия, наряду с другими причинами, была одной из предпосылок свершившегося

ужаса.

Ни Пруссия, ни Бавария, ни даже Австрия сами по себе не создали и осуществили бы принципы и методы организованного геноцида; это смогла сделать единая Германия. И у нас есть все основания опасаться единства, способного к действию. Ничего, никакое идиллически живописуемое национальное чувство и никакие уверения в доброй воле не могут умалить или легкомысленно зачеркнуть опыт, который мы обрели в единой Германии как преступники и жертвы. Нам не пройти мимо Освенцима. Как бы нам не хотелось, мы не должны на это идти, так как Освенцим – это наше дело, это – несмываемое клеймо на нашей истории, хотя я мог бы назвать достижением данную им возможность самопознания. Ныне мы наконец-то знаем себя".

Кто будет это печатать, продавать или читать, когда каждый немец узнает имена Лейхтера и Рудольфа? Отстаивая газовые камеры, Грасс защищает самого себя, ибо знает, что в противном случае его речи окажутся там, где им место, вместе с «показаниями очевидцев» Врбы, Мюллера, Визенталя, Штейнера и Визеля и «научными исследованиями» Еккеля, Фридендера, Кларсфельда, Шефлера и Бенца.

В своем эпохальном романе Оруэлл предсказал государство, где толпа фальсификаторов день и ночь работает над искажением фактов ради возвеличивания своего народа. Оруэллу не хватило фантазии изобразить государство, где политики, историки, священники, юристы, литераторы и журналисты упорно работают над фальсификацией истории ради очернения собственного народа, с огромным усердием выковыывая для него цепи.

Перевоспитателям народа мало геноцида 6 миллионов евреев. Они изобрели геноцид 500 тыс. цыган. Об этом пишет Себастьян Гафнер.

«С 1941 года в оккупированных странах Восточной Европы началось, наряду с евреями, истребление цыган. Этот геноцид /.../ почти не был потом изучен в деталях. О нем много не говорили, когда он случился, и сегодня о нем тоже мало известно; известно лишь то, что он имел место».

Следовательно, в деле геноцида цыган доказательств нет, но несмотря на это известно, что он имел место! Сказка об истреблении цыган в Третьем рейхе вошла в огромное число книг. Михаил Краусник в книге «Здесь – цыгане» плетет о «скрытом геноциде», приводя доказательство этого скрытого холокоста.

Что это за доказательство? Да все те же записки Гёсса в краковской тюрьме! Без этой испытанной карты – Гёсса геноцид цыган рухнет также как геноцид евреев. В «Хисторише татзахен» № 23 Валенди подробно разбирает выдуманное истребление цыган. Само собой разумеется, этот номер журнала был запрещен в самом свободном за всю историю немецком государстве. «Шпигель» 1979, № 10 сожалеет об отсутствии документов относительно убийства 500 тыс. цыган: «Их мучения не запечатлены в книгах, ни в какой монографии нет описания их шествия в газовые камеры и на место казни». Ничего удивительного в этом нет, ибо данный геноцид – плод больного

воображения перевоспитателей немецкого народа.

Политическая и идеологическая элита Германии – за малым исключением – очутилась нынче в ловушке, выхода из которой нет. Ученым, техникам, инженерам, врачам и предпринимателям, конечно, нечего бояться разоблачения обмана, но политики всех мастей, историки нового времени и журналисты народом будут наказаны безграничным отвращением и бесконечным презрением, поскольку они его ежедневно шантажировали и унижали газовыми камерами Освенцима (а до 1960 года и Дахау).

Когда в бывшей Югославии творятся невероятные преступления, в Штутгарте, например, происходит суд над стариком, которого осуждают на пожизненное заключение за якобы за свершенное в последнюю войну убийство двух человек. И все это только на основании свидетельских показаний.

Есть, разумеется, возможность придать краху определенные рамки: президент или канцлер могли бы обратиться к населению по телевидению с взволнованной речью и сказать правду. Но подобный поступок требует мужества и нравственного величия, чего оба названных деятеля лишены. Поэтому Коли и Вейцзекеры идут прежним путем. Они запрещают книги, отдают ревизионистов под суд, продолжают выплачивать Израилю компенсацию, сажают в тюрьму 80-летнего старика за преступление, которое он совершил в тридцатилетнем возрасте, представляют Визеля на Нобелевскую премию мира и награждают Визенталя, автора басни о производстве мыла, золотой медалью Отто Гана за заслуги в деле взаимопонимания между народами. Они думают, что факты никогда не вскроются или вскроются лишь после их смерти, поскольку немецкие историки меньше всего заинтересованы в исторической истине, так как из-за шкурных интересов СМИ будут блюсти цензуру, так как все партии от ХДС до неокommunistов повязаны друг с другом, так как литераторы от Хохута до Грасса вряд станут пилить сук, на котором сидят. Все, однако, кончится плохо.

Конец легенды летальным не был бы для политической элиты демократического западного мира, но задел бы ее очень чувствительным образом. Пришлось бы переписывать историю, поскольку вскоре возник бы вопрос о вине во Второй мировой войне и наверняка выяснилось бы, что борьба велась не между добром и злом, а между двумя империалистическими блоками. Вера общественности в демократическую систему была бы заметно поколеблена – какая же это демократия, если она террором и цензурой поддерживает обман огромного масштаба? Особенно досталось бы левым, которые с великой для себя выгодой пользовались мифом холокоста – это сильнейший козырь в деле агитации за «мультикультурное общество», возникающее в результате массовой иммиграции из стран третьего мира.

Наконец, в продолжении лжи в высшей степени заинтересованы творцы

общественного мнения в западных демократиях за пределами Германии и Австрии В популярных газетах не позволено писать никому, кто сомневается в навязанном мнении относительно Третьего рейха и холокоста. Можно себе представить, как безнадежно будут однажды дискредитированы «мальчишки-чернильные пачкуны» (Шопенгауэр), исписавшие вороха бумаги о смерти шести миллионов! Неудивительно, почему цензура работает с чрезвычайной строгостью!

(Сведения взяты у Беннета и вполне возможно, что фильмов было не три, а целых пять).

А все эти писаки и творцы киночернухи, которые разжирели на холокосте? За 12 лет гитлеровского режима были сняты только три антиеврейских фильма: «Еврег Зюс», «Вечный жид» и еще один, утверждает ревизионист из Австралии Джон Беннеп (активист-либерал и защитник цветных иммигрантов)."

Тогда как до 1984 года было состряпано почти 400 антинемецких фильмов: от «Выбора Софии» до «Бразильских парней», от «Человека-марафона» до «Одесского дела», от «Холокоста» до «Ветров войны», если назвать самые известные. Однако в Голливуде уже наперед знают: Третий рейх и холокост, наверняка, послужат материалом еще для 400 фильмов такого же рода, поэтому приготовимся и просмотру. Еще долго, очень долго на экране будут маршировать толпы орущих «Хайль Гитлер!», убивающих, пытающих, грабящих и насилующих эсэсовцев во главе с Гитлером в роли Гольдштейна из Оруэлла, которого каждый день побеждают, разбивают и высмеивают, но прикончить не могут! И это на 20, 100 лет, навсегда! Что станет с кинопромышленностью, если рухнет холокост? Кто пойдет смотреть «Победу духа» Шимона Арамы, в основу которого положена новелла Шимона Арамы и Циона Хаена и который рекламировали следующим образом:

«1939 год. Саламо Арух – боксер с Балкан, чемпион в среднем весе. Когда нацисты оккупировали Грецию, он, его семья и друзья были арестованы и отправлены в Польшу. В лагерь смерти Освенцим. Соседей по деревне мучают, вешают, расстреливают или убивают газом, а у Саламо появляется шанс выжить. Чтобы забавлять офицеров-эсэсовцев, ему приходится боксировать с одним из заключенных. В схватке без определенного числа раундов. Победитель будет жить, чтобы снова состязаться. Саламо состязается, чтобы жить. Однако он постоянно задается вопросом: может ли он спасти отца, друзей, свою душу? Ибо всякий раз, когда Саламо одерживает победу, его соперник отправляется в газовую камеру!!!»

Но кто в будущем захочет смотреть такой фильм и 399 ему подобных, и еще 400 запланированных? Если исчезнет холокост и газовые камеры, кто будет читать мемуары Фани Фенелон, по которым Артур Миллер написал сценарий для фильма «Playing for time» и где есть строки:

«Граф Бобби с удовольствием подставляет свое лицо солнцу. Вероятно, он наслаждается приятными минутами. Он незаметно улыбается, довольный собой и миром – и своей работы. А почему бы и не ею? У всех хмурые и

озлобленные лица, но не у него. Разве ему легче? Носок сапога на его вытянутой ноге блестит и как зажигательное стекло притягивает солнечные лучи. Эсэсовцы расставляют оставшихся по пятеркам, после чего граф Бобби небрежно и непринужденно, с сигаретой во рту, отбирает людей, как ему заблагорассудится. Одних он отправляет в лагерный ад, других через трубу – в рай. Благородное занятие, занятие офицера-эсэсовца! ... Медленно движется мимо него процессия приговоренных к смерти стариков, детей и женщин. Мать подзывает своих птенцов: „Пошли, пошли, детки!“ Кто-то оглядывается на сумасшедшего и смеется. Когда же по платформе все прошли в газовую камеру, безумец остается один на один с умершими в вагоне, потом другие узники погрузят их на тачки и увезут».

А кто будет читать «Исход» и «Мила 18» Леона Уриса? Или книгу Леи Флейшман – «Это не моя страна. Еврейка уезжает из ФРГ», которую критика превознесла до небес и в которой автор беседует со своей бабушкой, переработанной на мыло:

«Представь себе, бабушка, меня спросили, согласна ли я с моим использованием? Спрашивал ли тебя эсэсовец, согласна ли была ты со своим использованием? Твои волосы пошли на изоляционные прокладки, жир – на мыло. В 1976 году твою внучку спрашивают на немецком канцелярите: согласна ли она с использованием? Спрашивать-то по-прежнему спрашивают, но не используют как прежде. Сегодня я по профессии учитель и меня используют как учительницу. Вчера ты была жертвой и поэтому тебя использовали на мыло».

Кто, скажите на милость, захочет потом читать эту книжку Флейшман? И кому интересны будут все эти «уцелевшие при холокосте», которые еще сегодня, промолчав полвека, берутся за перо и заводят в своих мемуарах старую песенку: «Я один спасся, чтобы рассказать вам, что случилось с другими!» Кто возьмет книгу «Перед лицом пламени» Труды Биргер, где написано следующее:

'Тем временем я так близко подошла к печам, что могла видеть лица заключенных-поляков, которые бросали в огонь живых людей Они хватили женщин за что попало и заталкивали их головой вперед /.../ А потом, увидев, что настал мой черед, я окаменела /.../ Затем я услышала голос, или это было во сне ? /.../ Там стоял комендант лагеря, лет 45-ти, невысокого роста /.../ Он проворчал: «Эту девушку отсюда унесите!». Поляки-уголовники положили меня на носилки, вместо того чтобы сжечь как остальных женщин..."

Биргер спаслась не только от огня, но и от воды:

«По какой-то причине командиром был повар-немец /.../ Вдруг он заорал: „Корабль перегружен. Жидов – в воду !" /.../ Ээки, поляки и литовцы, бросились выполнять его приказ /.../ Меня хотели бросить первой, так как я первой вышла из трюма. Я была на краю и, чтобы не упасть, уцепилась за стоящую за мной женщину. Взглянула вниз и увидела прозрачную, холодно-ледяную воду /.../ Я патетически воздела руки и воскликнула, как можно

громче: „Слушай, Израиль!“ /.../ Внезапно повар, отдававший приказы, остановился. „Что ты там орешь?“ /.../ Что-то заставило его передумать. Он крикнул: „Жиды остаются на борту!“ Он велел заключенным полякам и литовцам нас больше не теснить на край борта и таким образом никто из 30 оставшихся женщин не был сброшен в воду...»

Если рухнет холокост, то Биргер придется распрощаться с гонорарами, а ее литпомощнику – с обещанной долей. Не будет восторженных рецензий во «Франкфурте Альгемайне», лишатся гонораров рецензенты. Поэтому холокост не может умереть. По крайней мере, умереть вскоре.

Красная птица дунайской дельты

«Румынские орнитологи обнаружили в дунайской дельте птицу с красным оперением, которая вела себя непонятно. Из ее гнезда лиса каждый год крада яйца и вместо них подкладывала камни, которые ничего не замечавшая птица высидывала все лето. Чтобы спасти редкую породу, орнитологи прогнали лису. К их изумлению, птица, за которой они издали наблюдали в бинокль, впала в странное состояние: она разбила своим клювом яйца, сильно хлопала крыльями и исполняла безумный танец. Что с ней произошло? Какой темный инстинкт толкал птицу на саморазрушение? Почему она больше не хотела жить? Природа приговорила красную птицу к гибели и никому не дано отменить этот приговор».

Мартин Преда. Безумие.

Ныне, в конце XX века, мир переживает самое большое в истории переселение народов. Падение коммунизма привело к эмиграции с Востока на Запад – миллионы жителей Восточной Европы не хотят ждать, когда в их странах уровень жизни как-то уподобится западноевропейскому и устремляются в страны, где, по их мнению, царит райская жизнь. Еще больший размах носит переселение с Юга на Север, которое началась гораздо раньше. Оно обусловлено комплексом причин: диктаторские режимы, нарушение прав человека, притеснение национальных и религиозных меньшинств, смертоносные гражданские войны. Однако, несомненно, главная причина – экономическая, в первую очередь вызванная перенаселением.

Население Турции за 40 лет удвоилось и с каждым годом увеличивается на

миллион. В странах Магриба: Алжире и Марокко удвоение числа жителей произошло всего за три десятилетия. Индия демонстрирует хорошие темпы экономического развития, но это почти не улучшает жизнь народа, поскольку демографический взрыв поглощает результаты хозяйственного прогресса.

Последствия бесконтрольного роста населения – удручающие, разрушение окружающей среды, уничтожение лесов, увеличение площади пустынь, все более ожесточенная борьба за ресурсы, обнищание и, в конечном итоге, голодная смерть.

Могут ли индустриальные страны помочь, приняв часть населения третьего мира? Простой подсчет показывает абсурдность такого вопроса. Каждый год население Земли возрастает на 90 миллионов человек. Предположим, каждая швейцарская семья даст пристанище одинаковой по размеру семье из третьего мира. В результате, через 27 дней Швейцария была бы страшно перенаселена. Разумнее оказывать помощь этим странам, но она тогда будет успешной, если правительства данных стран примут меры для снижения прироста населения. Это удалось сделать в Таиланде, где без всякого принуждения, только путем эффективного просвещения, прирост сократился до одного процента. Если в других странах третьего мира этого не произойдет, то денежная помощь окажется бесплодной.

Ввиду безнадежного положения у себя на родине жители третьего мира все чаще избирают – если могут оплатить переезд, ибо совсем бедным путь закрыт – эмиграцию в промышленные государства Западной Европы и Северной Америки. Хотя въехать легальным путем они, как правило, не могут, но волшебное слово «убежище» отворяет границы и приносит социальное пособие.

Представитель неевропейской цивилизации: японец или китаец, наблюдая нашу иммиграционную политику, усомнится, пожалуй, в наших умственных способностях, поскольку эта политика, если она будет продолжаться, неизбежно приведет нас к самой великой и неотвратимой катастрофе. В такой плотно населенной стране, как Швейцария, среднегодовой прирост населения из-за легальной и нелегальной иммиграции достигает 60-70 тыс. человек. Это означает, что в центре страны – одной из наиболее населенных областей Европы – каждый год должен вырастать город, больший, чем Винтертур, занимающий пятое место среди швейцарских городов. И все меньше будет полей, увеличится нагрузка на окружающую среду, невероятно усилится жилищный кризис. Опасность такого развития становится драматичной еще и потому, что большая часть иммигрантов – люди чужой культуры.

Кто следит за событиями в мире, постоянно видит доказательства того, что люди разных культур не могут жить без трений. Мы слышим и читаем о бесконечных этнических конфликтах в бывшей Югославии, бывшем Советском Союзе, Ливане, Шри Ланке, во многих африканских странах. Мы знаем о страшном состоянии алжирских кварталов во Франции, турецких в Берлине, наблюдаем за взрывами расовой ненависти в США, где в гетто больших

городов вспыхивают давно совершенно неразрешимые конфликты, которые делаются все более жестокими. И несмотря на эти сигналы опасности мы впускаем все больше и больше иммигрантов, прекрасно зная, что в обозримом будущем это выйдет нам боком. Иммиграционная политика «демократий» означает войну для грядущих поколений.

Больное общество, которое ведет столь самоубийственную политику, терпит, чтобы коренное население рано или поздно превратилось в собственной стране в меньшинство, и видит, как наши города начинают походить на Гарлем и Лос-Анджелес.

У политиков, которые не мешают этому процессу, и у интеллигенции, которая его поддерживает, выдумав пропагандистское словечко «мультикультурное общество», можно найти два порока: утрату разума и потерю инстинкта самосохранения. Поведение государственных деятелей и идеологического клана в Швейцарии, Германии и Франции похоже на поведение красной птицы дунайской дельты, которую природа приговорила к смерти, ибо она одержима непонятной тягой к самоуничтожению.

Каким образом в такой стране, как Швейцария, целеустремленно поощряется вытеснение собственного населения, можно увидеть на примере известной автору турецкой семьи В семье работают отец и обе дочери; мать какое-то время работала посудомойкой в ресторане, но уволилась из-за боли в спине и получает 2 000 франков ежемесячного пособия по безработице. Чтобы добиться его, турчанке приходилось обращаться к рестораторам с письменными просьбами о работе, но она их формулировала так, что никто не захотел ее взять. Семейство владеет двумя домами в Турции, которые оно, естественно, сдает и копит деньги на покупку третьего. Швейцарский предприниматель, выплачивая в год 8 000 франков налога, предоставляет тем самым деньги на пособие упомянутой турчанке и на приобретение третьего дома в Турции. Молва о такой щедрости распространяется и скоро в Швейцарию придут еще два члена семьи. К чему приводит данная политика, видно, например, по факту, что в некоторых классах швейцарских школ три четверти школьников – иностранцы.

Если бы политика национального самоубийства ограничилась одной Швейцарией, то ее можно было бы объяснить бездарностью швейцарских политиков, однако сходные явления наблюдаются и в других европейских странах. В Италию, где миллионы живут в страшной нищете и высокоразвитый Север отделен пропастью от отсталого Юга, нелегально и при попустительстве правительства въехало за прошедшие годы 1-2 млн. африканцев. В ФРГ, где санация разоренных коммунистами восточных областей нуждается в каждой лишней марке, в 1992 году, по подсчетам социал-демократического политика из Пфорцхайма, на «азилантов» было выброшено 35 млрд. марок. Тысячи специалистов заняты рассмотрением просьб об убежище (лишь 5 % просителей признаются политэмигрантами), тем не менее большинство «азилантов» остается в Германии. При помощи огромного бюрократического

аппарата и миллиардных затрат боннское правительство осуществляет политику, неизбежно ведущую к появлению гетто в немецких городах и неразрешимым социально-этническим конфликтам.

Наряду с ростом иммиграции трудно ассимилируемых людей из чуждых цивилизаций вытеснение народов Европы стимулируется следующими мерами:

непрестанной шумихой СМИ и «работников культуры» (никто из них, конечно, не поселит у себя семью румынских цыган или продавца наркотиков из Нигерии) против «расизма» и «ненависти к иностранцам». При этом:

а) «расистом» или «ксенофобом» клеймится нежелающий, чтобы коренное население стало меньшинством в своей же стране,

б) в «расизме» виноваты лишь местные жители, а не иммигранты. По этой причине преступления местных жителей против иностранцев раздуваются как «расистские», а о преступлениях иммигрантов против местных жителей, напротив, говорится скупой либерализацией аборт по «социальным причинам», а не только по объективным: опасности для жизни матери, беременности после изнасилования или кровосмешения и т.д. снижением рождаемости из-за совершенно недостаточных пособий на детей, т.е. наказанием многодетных семей. Рождаемость в Италии, где всегда были большие семьи, сегодня одна из самых низких в мире, потому что большая часть семей не может содержать детей. В январе 1993 года пособия на детей в Германии были еще раз урезаны – деньги срочно нужны для вышеописанных целей! стремлением с помощью «антирасистских законов» объявить преступным сохранение национальной самобытности. Образцовый пример подает Франция, где, например, согласно принятому при Миттеране «закону Плевана» домовладелец приговаривается к штрафу в 6000 франков за слова «желателен католик и француз» в объявлении о сдаче квартиры. Соответствующие законы готовятся в других странах Европы. В каждом подобном законе, разумеется, есть пункт против «отрицания геноцида и преступлений против человечности» или нечто подобное, хотя законодатели не имели в виду изнасилования в Боснии или убийства в Судане, а совсем другое...

Как астроном, видя возмущения на орбите планеты, вычисляет невидимое ему небесное тело, так и внимательно наблюдающий за логически необъяснимой политикой некоторых западных демократий может распознать руку невидимых наднациональных сил, цель которых – разрушение национальных государств и национальных культур, а также создание «единого мира» с его всемирной унифицированной культурой из Мак-Дональдсов, Микки Маусов, мыльных опер, наркотиков, преступности, бидонвилей, порнографии, фильмов о холокосте и «антирасистской» идеологии.

Естественными союзниками указанной наднациональной власти являются левые и их задача – создание «мультикультурного общества». Для укрощения «центристов» и «правых демократов» есть много способов, самые простые и

дешевые из них – размахивание дубинкой Освенцима и шантаж смертоносным словом «расизм». Расист – это человек, считающий, что не всякий турок и африканец имеет право жить в Германии, Швейцарии и Франции, а на что способны расисты, мы же знаем по Третьему рейху!

В стратегии разрушителей национальных государств и национальных культур ложь о холокосте занимает центральное и незыблемое место. Она – яд, парализующий сопротивление европейских народов против их вытеснения. Немцев эта ложь заразила первыми. Как пишет Визель в «Легендах нашего времени»:

«В сердце каждого еврея должен сохраняться уголок ненависти, здоровой, мужской ненависти ко всему, что воплощает немец и что является его сутью. Все иное – это предательство мертвых».

Кстати, Визель получил Нобелевскую премию мира и по просьбе 83 депутатов бундестага. По словам депутатов, его награждение очень помогло бы всем, кто активно выступает за примирение.

Да, перевоспитание принесло свои плоды. Национал-социалисты превратились в национал-мазохистов.

От немцев раковая опухоль самобичевания перекинулась на другие западные народы. Мы все повинны в холокосте, так как никто и пальцем не шевельнул для спасения евреев от газовых камер. Мы все родились виноватыми!

Успехи ревизионистских штудий заметно осложнили задачу людей, озабоченных сохранением Великой лжи. Паразитирующие на лжи знают, что обман нужно сохранить во всех странах мира, ибо если хоть в одном государстве ревизионисты добьются успеха, то игра будет кончена – границами информацию не удержишь. По этой причине ревизионисты и впредь должны везде оставаться незначительным и изолированным меньшинством. Если в какой-либо стране дюжины две историков, "едущих политиков или журналистов скажут «лжи нет», то начнется открытая Дискуссия, смертельная для клана лжецов. Вот отчего они прибегают к единственному Доступным им средствам: лживой пропаганде и запугиванию.

Вскоре после окончания первой мировой войны никто больше не верил страшным сказкам о канадских солдатах, распятых на церковных воротах, об искалеченных бельгийских девочках и о французских младенцах, которых немцы бросали в воздух, а потом принимали на штыки. Выполнив задачу, через полтора года лопнула ложь об инкубаторах в Кувейте. Напротив, после Второй мировой войны пропаганда ужасов не ослабела, а сделалась агрессивнее. Сперва истерия дошла до апогея в 1960-е годы в связи с процессом Эйхманна и освенцимским процессом во Франкфурте. Потом еще больший психоз СМИ развернули в начале 1979 года при демонстрации во всем мире художественного фильма «Холокост». Атмосфера тех месяцев предугадана в следующих отрывках из «1984 года» Оруэлла:

"Подготовка к неделе ненависти шла полным ходом и служащие во всех

министерствах работали сверхурочно. Было организовано все: демонстрации, собрания, военные парады, доклады, выставки восковых персон, кинопросмотры, программы на телевидении; строились трибуны, делались чучела, составлялись лозунги, писались песни, распускались слухи и стряпались фотографии...

Маленькая скрюченная от ненависти фигура одной ладонью держала микрофон, а другую, казавшуюся огромной на конце костистой руки, угрожающе, как лапу, выбросила в воздух. Его голос, металлический от динамиков, оглушительно выкрикивал список страшных преступлений, убийств, депортаций, грабежей, изнасилований, пыток заключенных, лживой пропаганды, неоправданных нападений, нарушений договоров. Почти невозможно было его слушать и не стать в конце концов убежденным и охваченным гневом. Народное возмущение вскипало поминутно и голос оратора тонул в диких, животных воплях, безудержно вырывавшихся из тысяч глоток".

Поскольку пропаганда по Освенциму началась в полной мере лишь после раскрытия обмана с газовыми камерами в Дахау, то демонстрация по всему свету фильма о холокосте и параллельное с ним промывание мозгов пришлось на неудачное время. В конце 1978 – начале 1979 годов Фориссон в двух статьях в «Монде» изложил аргументацию ревизионистов (третью статью, где приводилось «единственное доказательство» в пользу существования газовых камер, газета не напечатала) и одновременно вышла книга «Миф об Освенциме» Штеглиха. Теперь, после экспертизы Лейхтера и Рудольфа, Великая ложь окончательно опровергнута и ее стратегам приходится непрерывно усиливать пропаганду. В наступающие годы СМИ изо дня в день будут проигрывать одну и ту же пластинку: холокост, Освенцим, газовые камеры, шесть миллионов; холокост, Освенцим, газовые камеры, шесть миллионов, пока каждый это не усвоит также, как день своего рождения. Вскоре шведские и бельгийские ревизионисты ощутят, вероятно, на себе преимущества свободного и правового государства в той же мере, как их ощутили уже французские, немецкие, швейцарские и австрийские, а того, кто все же не замолчит, ждет опасность погибнуть в автомобильной катастрофе или пасть жертвой покушения – противозаконного, но вполне понятного из-за причиненных страданий – со стороны уцелевших при холокосте, инициатора которого полиция просто не найдет, несмотря на все старания.

В газете «Нойе Цурхер цайтунг» от 9 февраля 1993 года рассказывается с наркоманах:

'Торговля по-прежнему прекрасно функционирует в четвертом и пятом районах /.../ Банды арабов и албанцев борются за раздел рынка. Из-за переполненных тюрем полиции часто приходится отпускать мелкую сошку. Из арестованных в декабре 63 торговцев наркотиками 60 были иностранцами".

Не лучше было бы посадить этих торговцев в ближайший самолет и выслать на родину? Нет, в один голос вопят наши политики, журналисты, священники

и интеллигенты. Если мы это сделаем, то высланных, возможно, будут преследовать по политическим мотивам и это будет по вине Швейцарии, во время Второй мировой войны не пропускавшей через границу евреев, которых потом ИСТРЕБЛЯЛИ ГАЗОМ!!! Политикам, журналистам, священникам и интеллигентам нет никакого дела, что в вокзальных туалетах подышают швейцарские юноши, которые сделали наркоманами эти торговцы. Эти юноши – жертвы молоха холокоста.

Дирк, мальчик из рабочей семьи в Гамбурге, – еще одна жертва этого молоха. В школе Дирк демонстрировал необычайное честолюбие, беспокоившее учителей. Быть честолюбивым, значит стремится быть лучше других. А быть лучше других – это элитарность. Элитарность равнозначна фашизму, а мы видели, к чему приводит фашистское мышление, – к ГАЗОВЫМ КАМЕРАМ!!! И Дирка стали лечить нейрорептиками. Сегодня он превратился в развалину.

Гудрун Энслин была веселой и живой девушкой. В школе и дома (ее отец был протестантским пастором) она слышала о газовых камерах Освенцима, мыле из евреев, об абажурах из еврейской кожи. В результате такого воспитания у нее возник такой страх перед «поколением Освенцима», что она стала террористкой. Она участвовала в терактах и в конце концов была арестована. В октябре 1977 года Гудрун повесилась в камере особого отделения тюрьмы в Штаммхайме. Так завершилась жизнь, достойная лучшего. Энслин – тоже жертва молоха холокоста.

Отныне для нас очевидна главнейшая причина, из-за которой ложь о холокосте нужно преодолеть: мы должны ее победить не только из-за нее самой, поскольку ужасная ложь отравляет весь мир, а потому, что нельзя построить Европу равноправных народов, если один из них ежедневно поносятся из-за выдуманного геноцида в газовых камерах. Мы должны ее преодолеть и побороть, так как она делает больным все европейское общество и ведет его в конце концов к гибели.

В Музее холокоста в Лос-Анджелесе демонстрируется фотография зэка-еврея в разных ракурсах Он обвиняет Черчилля, Рузвельта, Сталина, Папу, которые-де ничего не делали, когда Гитлер гнал евреев миллионами в газовые камеры. Он указывает и на нас.

Грядущее падение идола

"Однажды президент Линкольн сказал:
«Можно какое-то время обманывать всех;
часть людей можно обманывать все время, но
нельзя всех обманывать все время». Нашим
специалистам по пропаганде следует над этим
призадуматься ".

Наум Goldman. Еврейский парадокс.

Ясно, кому нужна ложь и кто заинтересован в том, чтобы как можно дольше оттягивать приход правды. Но что делать с теми, кто знает или по крайней мере догадывается, что нас обманывают, и, несмотря на это, молчит, хотя не заинтересован в поддержании лжи? Почему они, качая головой, реагируют, не возмущаясь, на ревизионизм, как и непосвященные, не пытаюсь хотя бы понять аргументацию ревизионистов?

Человек, выросший после 1945 года в западном обществе слышал об истреблении жидов все время, начиная с детства: в школе, церкви, дома, от СМИ. И не удивительно, что всякое сомнение в холокосте кажется столь же абсурдным, как вопрос: а была ли Вторая мировая война? Одна мысль, что могла появиться ложь столь грандиозного масштаба, должно изначально казаться абсурдом, пока человек не займется проблемой основательно и не подвергнет критическому анализу аргументы ревизионистов. После этого логически мыслящий человек непременно сделает вывод, что его всю жизнь обманывали. Человек без логики, познакомившись с экспертизой Лейхтера, вычислениями Сэннинга и работами Фориссона, Батца, Штеглиха, волен продолжать верить в холокост, также как верить, что один плюс один равняется трем. К сожалению, очень немногие люди знают названные труды, но даже у знакомых с ними слишком сильно сказывается долголетнее промывание мозгов. Я вспоминаю одну довольно интеллигентную, знающую языки женщину, которая на присылку доклада Лейхтера ответила «Психологией фашизма». Несмотря на весь свой ум эта женщина была не в состоянии понять, что опровергнуть техническую экспертизу можно лишь другой технической экспертизой, а не писаниной душекопателей. В данном случае религия противостоит науке, как в свое время противостояли Лютер и Коперник.

Самым мощным союзником лжи о холокосте можно считать обычную человеческую трусость. Почему немецкий историк Гельмут Дивальд, о котором известно, что в газовые камеры он не верит, не признает в открытую ревизионизм, а отделяется пустыми фразами, вроде того, что в отношении Освенцима еще «много неясно»? Да потому, что Дивальд знает, что ему светит! Процитированные слова уже доставили ему много неприятностей, вызвали гневные нападки прессы, злобные выпады со стороны Голо Манна и трудности с издателем, а что его ждет, если он назовет вещи своими именами?! Резолюции протеста из Израиля, волнение в бундестаге, море нападков в «Штерне», «Бильде», «Шпигеле», «Франкфурте», «Альгемайне», разнос в «Цайте», выговор от Центрального совета евреев, истерика на телевидении, далее анонимки с угрозами, телефонные звонки ночью и, наконец, суды. Можно ли после этого упрекать Дивальда, Армина Молера, Эрнста Нольте или Райнера Цительмана в том, что они не хотят стать героями?

Почему, выражая симпатии в частных беседах, никто из коллег Фориссона

открыто не вступился за него? Из-за страха, животного страха перед прессой, студентами-леваками, еврейскими организациями, правосудием; страха потерять место и оставить семью без куска хлеба! Почему жену Фориссона выгнали из церковного хора в Виши? Потому что регенту жида дали ясно понять, что антисемит и нацист – не только отрицатель газовой камеры, но и тот, кто его терпит около себя, а также жена отрицателя. Регенту было, конечно, довольно неприятно говорить жене Фориссона об увольнении, но в конце концов своя рубашка ближе к телу.

Больше, чем капиталы миллионеров-сионистов, сохранению самого гнусного обмана всех времен способствуют внушаемость, умственная лень и трусость. И еще одно последнее существенное замечание:

Мы все верим, что живем в открытом, свободном от запретов обществе, в котором взрослые граждане имеют полную информацию. Когда же рухнет ложь о холокосте, думающий человек невольно спросит себя: можно ли обвинять в идиотском слабоумии «министерство правды» в кошмарном полицейском государстве Оруэлла, когда свободная пресса свободного мира десятилетиями занимается этим день за днем? Выйди Гитлер победителем из войны с народами, разве фальсифицировал бы он историю бесстыднее, чем его демократические соперники? Обманывали бы нас при фашистской или коммунистической диктатуре наглее, чем при самой либеральной в истории системе? Жители ГДР по крайней мере знали, что им лгут! **Посему крах легенды о холокосте вызовет неслыханное, немое изумление – колоссальное мошенничество не при тоталитарном правлении, а при либеральной демократии прекрасно защищала цензура, о которой мало кто знал.** И кое у кого может возникнуть мысль, что это за общество, где возможен подобный обман?

Мы не раз подчеркивали, что заразившая мир страшная ложь придумана евреями. Однако следует быть справедливым и вспомнить тех немногих мужественных евреев, которые выступили или продолжают выступать против этой лжи: Стефэна Пинтера (США), Доммерго де Полякко (Франция), Эсфирь Гросман (Израиль), Дэвида Коула (США) и горстку других, прежде всего родившегося в Польше Юзефа Гинсбурга, писавшего под псевдонимом Гидеон Бург и умершего в 1990 году в преклонном возрасте. Бургу пришлось сильно поплатиться за свою деятельность по раскрытию исторической правды и установлению взаимопонимания между народами: его презирали единоверцы, могилу его жены осквернили хулиганы, книгу «Майданек во веки веков?» отметила и заклеила западногерманская юстиция В этой книге Бург рассказывает на своеобразном немецком языке (его родным был идиш):

«Во время моей учебы во Вроцлаве в сионистской образовательной школе для пропагандистов, где показывали сделанное из евреев мыло и учили теориям о газовых камерах и геноциде, я обратил внимание на одного молодого человека, отличавшегося мужественной честностью. Позже я встретил его в Гильдесгейме во время раздачи листовок. Он жаловался, что

ему уже дважды возвращали заполненные анкеты и грозили помешать эмиграции в США, если он „подробно“ не расскажет о своей работе в газовых камерах. Р.В., которому исполнилось уже 30 лет, говорил мне со слезами, что не может лгать, когда речь идет о гоях. Заповедь из Исх. 20:16 запрещает ему как благоверному иудею: „Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего“. Он рассказывал мне, что заведовал дезинфекционной камерой в Биркенау, а потом в Майданеке. Уже тогда у него были трудности с его еврейскими начальниками, поскольку он во время дезинфекции он не желал участвовать в краже пожитков. От Р.В. требовали в анкетах вместо вшей писать людей, а вместо оставшихся тюков одежды – свидетелей».

Да, так делается наша история. Правда, эпоха Великой лжи медленно идет к концу, время лжецов истекает.

Предоставим еще раз слово Фориссону :

'Гешефт на шоа будет процветать и дальше. Везде будут открываться новые музеи холокоста, а вузы и университеты заполнит в будущем пропаганда холокоста. Концлагеря сделаются таким же аттракционом, как Диснейленды, /.../ туристские бюро будут рассчитывать прибыль, которую принесут эти места, где вообще нечего смотреть и где поэтому пустоту заполняет символика. Чем меньше можно там увидеть своими глазами, тем больше люди опираются на собственную фантазию. Треблинка в этом отношении идеальное место. Там все символично: вход в лагерь, его границы, железнодорожная ветка, разгрузочная платформа, дорога к «газовым камерам», «костры под открытым небом» /.../ В Западной и Восточной Германии и Австрии нет уже ни одного школьника, солдата или полицейского, который не посетил бы концлагерь один или несколько раз, чтобы лицезреть там ужасы национал-социализма и самому убедиться, сколь неизмеримо гуманнее существующие «демократические» режимы. Невозможно представить правительство, которое бы добровольно отказалось от подобной примитивной формы идеологического воспитания.

У Израиля и Всемирного еврейского конгресса нет причин ослаблять усилия по развитию религии холокоста. Евреи-мультимиллионеры: барон Ротшильд во Франции, Роберт Максвелл в Англии, Карло де Бенедетти в Италии, Руперт Мердок в Австралии, Арманд Хаммер в Америке и Москве, Эдгар Бронфман в США и Канаде станут, вероятно, собирать все больше и больше денег (весьма проблематично, что они дадут свои), чтобы противодействовать скептикам-ревизионистам. Личное состояние Бронфмана, президента Всемирного еврейского конгресса и короля виски, оценивается в 3,6 миллиарда долларов. У ревизионистов нет таких финансовых возможностей. Посему было бы неразумно строить иллюзии относительно шансов ревизионистов на успех в обществе, где пресса контролируется названными магнатами /.../

Ревизионистам еще долго придется работать в условиях подполья и опасности. Их история похожа на историю Возрождения, когда одновременно и произвольно в разных концах Европы началась борьба с суевериями /.../

Сомнение взяло верх над верой. Отрекаясь от догм, предпочтение отдали разуму. Своим духом ревизионизм ставит под вопрос систему религиозных и политических запретов. И поэтому /.../ он является самым великим интеллектуальным вызовом в конце нашего столетия".

Эти строки написаны в 1987 году, т.е. до появления экспертизы Лейхтера. Тогда, действительно, могло казаться, что ревизионистам суждено еще долго трудиться в подполье и опасности. Однако с того времени многое изменилось, многое пришло в движение. Сколь долго будет длиться ложь, сколь долго школьникам будут представлять страшные, пытками вырванные признания Гёсса как неопровержимое доказательство геноцида?

Когда в эпоху Возрождения стал распространяться свет разума, церковь ответила на это усилением процессов над ведьмами, достигшими апогея в XV – XVII веках." Когда в XIX веке усилилось влияние атеистической философии Фейербаха и Шопенгауэра, была провозглашена папская непогрешимость. Сегодня, усиливая репрессии и назойливую пропаганду холокоста, сходным образом реагирует на прогресс ревизионистов клан фальсификаторов истории, идя рука об руку с властями некоторых «свободных демократий».

В качестве образца пропаганды приведем телепрограмму от 4-10 марта 1993 года по газете «Юдише рундшау»:

4.3. Протест женщин в Третьем рейхе

Холокост. ч. 2

6.3. Старейшина лагеря Бухенвальд

Беседа с Грегором Табори (об Освенциме)

Никлаус Франк – сын убийцы (Ганс Франк был генерал-губернатором Польши)

8.3. История одного (еврейского) Дома мод в Берлине, ч. 2

Молодежь при Гитлере

10.3. В подвалах гестапо

«Родина, отнятая Гитлером» – портрет супругов-евреев.

Дело Герлиха. Герлих уже до 1933 года боролся с национал-социализмом. В том же номере газеты известные кинорежиссеры рассказывают о своих планах: Спилберг «обязался сохранить репутацию лагеря уничтожения в Освенциме, ставшего важнейшим местом памяти о холокосте, и не строить повторение газовой камеры, после чего Всемирный еврейский конгресс снял возражения против фильма».

Гаврас собирается «поставить фильм о Рудольфе Гессе, /.../ который как военный преступник несет ответственность за гибель 2,5 миллионов человек». И так далее.

Без сомнения, благодаря пропаганде, цензуре и террору удастся на несколько лет продлить жизнь лжи; у лжецов есть средства массовой информации и деньги, а также мощнейшие союзники – людская внушаемость, лень мысли и трусость.

Они однако смогут лишь оттянуть, но не предотвратить прорыв

исторической правды. Власть придерживающим еще никогда не удавалось долго подавлять ненавистную правду, идеи Коперника победили несмотря на инквизицию.

С научной точки зрения исход борьбы давно предрешен. Доказательства приведены, книги написаны, остается уточнить детали, которыми можно будет заняться, когда ложь перестанет быть государственной повинностью.

Клан лжецов готовится к последней битве, исход которой заранее известен. Он цепляется за все более неразумные приемы: во Франции год тюрьмы грозит любому, кто усомнится в непогрешимости Нюрнбергского трибунала; в Австрии могут засадить на десять лет уверенного в незыблемости законов природы в 1941-45 гг.; одновременно усиливается пропаганда холокоста, строятся музеи, один за другим снимаются фильмы о несчастных евреях; управляемые СМИ подают Освенцим в завтрак, обед и ужин, со злобой нападают на любого, кто при помощи «псевдонаучных аргументов» оспаривает существование газовых камер, лишь намекая публике, каковы эти «аргументы»; заваливают нас невероятным числом пропагандистских передач и статей о «неонацизме», «правом радикализме», «расизме» и «ксенофобии». Следует предположить, что в будущем эта канонада против неизвестного противника, невидимого для подавляющего большинства общественности, примет безумные размеры.

Сколько долго будут еще существовать барьеры, действовать цензура, а лжецы смогут препятствовать общественной дискуссии? Для них смертельно опасен малейший повод к такой дискуссии, потому что, раз начавшись, дискуссия очень трудно будет вновь остановить. Ревизионисты подложили под идолов холокоста бомбу с фитилем и нужно лишь, чтобы кто-нибудь его запалил. Раз фитиль горит, то страшные истуканы рухнут через несколько лет. И их крах потрясет мир.

Базель, 3 апреля 1993 года

Иллюстрация 11.

Подлинный холокост - Дрезден, разрушенный незадолго до конца войны без всякой военной необходимости (из книги "Бегство и изгнание" Грубе и Рихтера).

Дополнение

В ответ на технические и научные аргументы ревизионистов мировые средства массовой информации осенью 1993 года с ликующими воплями выбросили на рынок книгу «Крематории Освенцима» французского аптекаря

Жана-Клода Прессака. «Наконец-то мы знаем, как с технической стороны происходил процесс уничтожения» гремел общий хор, хотя в общем и целом речь идет о примитивно-дешевом отвлекающем маневре. Прессак приводит огромное число доказательств (никем не оспариваемого) наличия в Освенциме крематориев, полагая, что читатель по своей глупости примет их за газовые камеры!

Прессак уже в 1989 году напечатал об Освенциме книгу, огромную по формату (30x42 см) и очень ценную для ревизионистов, ибо в ней имелось большое число труднодоступных или вообще недоступных документов. Из этого труда ревизионисты узнали о поставках угля в Освенцим и на этой основе могли сделать выводы о максимальном количестве кремированных. Многие предполагают, что Прессак, долго трудившийся вместе с Фориссоном, пробрался как агент в лагерь экстерминистов, чтобы снабдить ревизионистов боеприпасами, используя средства своего спонсора еврея Кларсфельда и его жены. Фориссон это энергично отрицает, считая Прессака несколько ненормальным человеком.

Прессак не обнаружил никаких доказательств существования в Освенциме газовых камер по уничтожению людей, а нашел лишь «39 уголовных улики». В своей работе, опубликованной спустя четыре года, он сводит эти улики к нескольким, объявляя единственным и якобы «окончательным» доказательством немецкое деловое письмо о заказе газоанализаторов, что вполне объяснимо, так как в Освенциме блох, вшей и клопов ежедневно травил газом и анализаторы требовались для измерения содержания синильной кислоты в дезинфекционных камерах.

К каким недостойным приемам прибегает Прессак в своей работе, тщательно проанализировал Фориссон в своей книге «Ответ Прессаку», вышедшей в конце 1993 года. Приведем всего один пример. Прессак пишет о визите Гимmlера в Освенцим в июле 1942 года: «Далее он осмотрел общую зону лагеря и Биркенау (документ 19). Потом он присутствовал при „селекции“ транспорта с голландскими евреями, а также при газации нетрудоспособных в бункере №2. Наконец, он отправился на завод Буна в Моновице, где в это время шла огромная стройка» (прим. 142).

Приведенные документ 19 и примечание 142 относятся к доказанным историческим фактам: Гимmlер, действительно, инспектировал Освенцим и завод Буна в Моновице, тогда как остальные факты придуманы самим Прессаком. Поместив их между двумя доказанными фактами, он создает впечатление, что и газация нетрудоспособных в бункере № 2 является историческим фактом. Так работает фальсификатор и ВСЕ газеты «свободного мира» восхваляют его как большого ученого!

Укажем также на сокращение числа жертв, которое предпринял Прессак. В его опусе 1989 года говорится, что в Освенциме было убито только газом 1-1,5 млн. человек. Во французском издании второй книги говорится о 775-800 тыс. жертв (в том числе и умерших по естественным причинам), в немецком

переводе, который вышел всего семь месяцев спустя, общее число жертв (включая и умерших естественной смертью) сокращено до 631-711 тыс. человек. Возможно, в одной из своих будущих книг Прессах укажет подлинное количество жертв Освенцима: 150-170 тыс., среди которых не было ни одного погибшего в крематории. Разумеется, и в этом случае священная цифра в 6 млн. убитых евреев останется неизменной. Даже если от этой цифры отнять несколько миллионов, она все равно останется без изменений, ибо такова математика холокоста.

The Crucifixion of Jews Must Stop!

By MARTIN H. GLYNN

(Former Governor of the State of N. Y.)

Six million men and women call to us for help, and eight hundred thousand little children cry for bread.

These children, these men and women are our fellowmembers of the human family, with the same claim on life as we, the same susceptibility to the winter's cold, the same propensity to death before the fangs of hunger. Within them reside the limitless possibilities for the advancement of the human race as naturally would reside in six million human beings. We may not be their keepers for we ought to be their helpers.

In the face of death, in the throes of starvation there is no place for mental distinctions of creed, no place for physical differentiations of race. In this catastrophe, when six million human beings are being driven toward the grave by a cruel and relentless fate, only the most idealistic promptings of human nature should sway the heart and move the hand.

Six million men and women are dying from lack of the necessities of life; eight hundred thousand children cry for bread. And this fate is upon them through no fault of their own, through no transgression of the laws of God or man, but through the awful tyranny of war and a bigoted lust for Jewish blood.

In this threatened holocaust of human life, forgotten are the niceties of philosophical distinctions, forgotten are the dis-

WELSHEN

... ..

Иллюстрация 7.

О "холокосте" 6 миллионов евреев американская еврейская газета писала уже в 1919 году. Эта цифра повторялась еще не менее семи раз. К какому месту в Талмуде она восходит?

From across the sea six million men and women call to us for help, and eight hundred thousand little children cry for bread.

These children, these men and women are our fellow-members of the human family, with the same claim on life as we, the same susceptibility to the winter's cold, the same propensity to death before the fangs of hunger. Within them reside the limitable possibilities for the advancement of the human race as naturally would reside in six million human beings. *We may not be their keepers but we ought to be their helpers.*

In the face of death, in the throes of starvation there is no place for mental distinctions of creed, no place for physical differentiations of race. In this catastrophe, when six million human beings are being whiffed toward the grave by a cruel and relentless fate, only the most idealistic promptings of human nature should sway the heart and move the hand.

Six million men and women are dying from lack of the necessities of life, eight hundred thousand children cry for bread. And this fate is upon them through no fault of their own, through no transgression of the laws of God or man; but through the awful tyranny of war and a bigoted lust for Jewish blood.

In this threatened holocaust of human life, forgotten are the niceties of philosophical distinction, forgotten are the dif-

Список литературы

Примечание: с учетом множества языков, FineReader вполне мог допустить ошибки в распознавании, а мне лень выверять по буквам. (Warrax)

Журналы:

Revue d'Histoire Revisiotmiste (RHR). Из-за репрессий перестал выходить после шестого номера

Journal of Historical Review (JHR). Box 2739, Newport Beach. Ca. 92659, USA

Historische Tatsachen (HT). Postfach 1643, D-4973 Vlotho / Weser

Нюрнбергские документы:

Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militargerichtshof. (Reprint), Delphin-Verlag, München-Zürich, 1984

Книги:

Arad Y., Gutman Y., Margalioth A. Documents on the Holocaust Yad Vashem, Pergamon Press, 1987

Aretz Emil. Hexeneinmaleins einer Lüge. Hamburg, Vrl. Hohe Warte, 1976

Aroneanu Eugene. Camps de concentracion. Paris, 1945

Auschwitz in den Augen der SS. Katowice, 1981

Aynat E. Los protocolos de Auschwitz. Una fuente historica? Alicante, 1990

Aynat E. Estudios sobre el Holocausto. Valencia, 1994

Backes U., Jesse E., Zitelman R. Die Schatten der Vergangenheit Mimchen, Propylaen, 1990

Ball John. Air Photo Evidence. Auschwitz, Treblinka etc. Delta, (B.C.), Canada

Benz Wolfgang (Hrsg). Rechtsextremismus in der Bundesrepublik. Frankfurt a/M, Fischer Vrl, 1989

Benz Wolfgang (Hrsg). Dimension des Volkermordes. Oldenburg, 1991

Birger Trudi. I in Angesichts des Feuers. Munchen, Piper-Vrl. 1990

Black Edwin. The Transfer Agreement. New York-London, 1984

Buber-Neumann Margarethe. Als Gefangene bei Stalin und Hitler Busse-Seewald, 1985

Burg J.G. Schuld und Schicksal. Preussisch-Ohlendorf, Vrl. Schutz, 1990

Burg J.G. Majdanek in alle Ewigkeit? Miinchen, Eder-Vrl. 1979

Butler Rupert. Legions of Death. London, 1983

Butz Arthur. The hoax of the Twentieth Century. Brighton, 1977

Chelain Andre. Faut-il fusilier Henri Roques? С текстом диссертации Роке

«Признания Герштейна». Paris, 1986

Christophersen Thies. Die Auschwitz-Lüge. Lausanne, 1978

Corino Carl (Hrsg) Gefälscht! Betrug in Politik, Literatur, Kunst und Musik. Hamburg. Ro-ro-ro, 1992

Dawidowicz Lucy. The War against the Jews. London, Penguin Books. 1987

Donat Alexander (ed). The Death Camp Treblinka. New York, 1979

Faurisson Robert. Memoire en defense. Paris, La Vieille Taupe, 1980

Faurisson Robert. Reponse a Pierre Vidal-Naquet. Paris, 1982

Faurisson Robert. A prominent false witness: Elie Wiesel. Brighton, s. a.

Faurisson R. Reponse a Jean-Claude Pressac. Colombes Cedex, s. a.

Favez Jean-Claude. Das IKRK und das 3. Reich. War der Holocaust aufzuhalten? Zurich, 1989

Fenelon Fania. Das Madchenorchester im Auschwitz. Munchen, dtv, 1991

Findley Paul. Die Israel-Lobby. Tubingen, Vrl. Grabert, 1992

Frey Gerhard (Hrsg). Vorsicht, Fälschung! Munchen, FZ-Vrl. 1991

Gauss Ernst (Hrsg). Vorlesungen iiber Zeitgeschichte. Tubingen, 1993

Gauss E. (Hrsg). Gmndlagen zur Zeitgeschichte. Tubingen, 1994

Gilbert Martin. Auschwitz und die Alliierten. Munchen, 1982

Goldmann Nahum. Das jiidische Paradox. Zurich, Europ. Vrl. 1978

Goldmann Nahum. Mein Leben. Berlin, Vrl. A. Langen, 1981

Grabert Wigbert (Hrsg). Geschichtsbetrachtung als Wagnis. Tubingen, Vrl. Grabert, 1984

Graf Jiirgen. Der Holocaust auf dem Priifstand. Basel, 1993

Graf J. Auschwitz: Tatergestandnisse und Augenzeugen des Holocaust. Wurenlos (Schweiz), 1994

Grass Giinter. Schreiben nach Auschwitz. Hamburg, Vrl. Luchterhand, 1990

Harwood Richard. Did six million really die? Brighton, 1988

Haffner Sebastian. Anmerkungen zu Hitler. Frankfurt a/M, Fischer-Vrl. 1981

Heydecker J., Leeb J. Der Nurnberger Prozess. Munchen, Kiepenheuer & Witsch, 1985

Hilberg R. Die Vernichtung der europaischen Juden. 3 Bd. Frankfurt a/M, Fischer-Vrl. 1990

Hinsley F.H. British Intelligence in the Second World War. New York, 1981

Hitler Adolf. Mein Kampf. Munchen, 1933

Hocbhuth Rolf. Der Stellvertreter. Hamburg, Rowohlt Vrl., 1990

Hohne Heinz. Der Orden unter dem Totenkopf. Munchen, Gondrom Vrl., 1990

Honsik Gerd. Freispruch fur Hitler? Wien, 1988

Hoss Rudolf. Kommandant in Auschwitz. Munchen, dtv, 1983

Irving David. Hitlers Krieg. Vrl. Herbig, 1986

Jackel E., Rohwer J. (Hrsg). Der Mord an den Juden im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, DVA, 1985

Kammerer Rudiger, Solms Arnim. Wissenschaftlicher Erdrutsch durch das Rudolf-Gutachten Brighton (England), s.a.

- Kautsky Benedikt. Teufel und Verdammte. Zurich, Vrl Buchergilde Gutenbe 1946
- Kern Erich. Meineid gegen Deutschland. Preussisch-Ohlendorf, 1971
- Klein Marc. Observations et reflections sur les camps de concentration nazis. Caen, 1948
- Klieger Bernard. Der Weg, den wir gingen. Bruxelles-Ixelles, 1961
- Kogon Eugen. Der SS-Staat Munchen, Kindler-Vrl. 1974
- Kogon E., Langbein H., Riickerl A. Nationalsozialistische Massentdtungen durch Giftgas. Frankfurt a/M, Fischer Vrl. 1989
- Krausnik M. Die Zigeuner sind da! Arena-Vrl 1981
- Landmann Salcia. Jugendunruhen. Zurich, 1983
- Langbein Hermann. Der Auschwitz-Prozess. Zurich, Europa-Vrl., 1965
- Lanzmann Claude. Slioa Munchen, dtv, 1988
- Laqueur Walter. Was niemand wissen wollte. Munchen, Ullstein-Vrl. 1982
- Le Bon Gustave. Psychologic des foules. Paris, 1983
- Lenski Robert. The Holocaust on Trial. Decatur (USA), 1990
- Leuchter Fred. The Leuchter Report. London, 1989. Сокращенный немецкий перевод, запрещенный в ФРГ, – НТ, № 36
- Mattogno Carlo. II rapporto Gerstein. Anatomia di un falso. Monfalcone, 1985
- Mattogno C. The end of a legend. // JHR, 1994
- Mayer Arno. Der Knegals Kreuzzug. Hamburg, Rowohlt, 1989
- Miiller Filip. Sonderbehandlung. Frankfurt a/M, Vrl. Steinhausen, 1979
- Nicosia Francis. The Third Reich & the Palestine Question. Austin (USA), 1985
- Nyiszli Miklos. Jenseits der Menschlichkeit. Dietz-Vrl., 1992
- Orwell George. 1984
Munchen, Ullstein-Vrl. 1989
- Piper Franciszek. Ilu ludzi zginelo w KL Auschwitz? Oswiecim, 1992 Poliakov
- Leon. Breviaire de la haine. Paris, 1986
- Preda Marin. Delirul Bucarest, 1975
- Pressac Jean-Claude. Auschwitz Technique & Operation of the Gas Chambers. NewYork, 1989
- Pressac J.-C. Die krcmatonen von Auschwitz. Piper-Vrl., 1994
- Puiitingam Franz u.a. Blausauregaskammern zur Fleckfieberabwehr. Berlin, 1943
- Rassinier Paul. Le mensonge d'Ulysse. Pans, La Vieille Taupe, 1950
- Rassinier Paul. Le veritable proces Eichuann on les vainqueurs incorrigibles. Paris, La Vieille Taupe. 1962
- Rassinier Paul. Le drame des juifs europeens. Paris, La Vieille Taupe, 1964
- Reitlinger Gerald. Die Endlosung. Berlin, 1983
- Rosh Lea, Jackel Eberhard. Der Tod ist ein Meister aus Deutschwand. Munchen Vrl. Hoffmann & Campe. 1991
- Rudolf Germar. GuUicb'en uber die Bildung und Nachweisbarkeit von Cyanidverbindungen in den "Gaskammerif von Auschwitz Brighton (England), s a
- Riickerl Adalbert. Nationalsozialistische Vernichtungslager im Spiegel deutscher Strafprozesse Munchen, dtv. 1977

- Rullmann Hans Peler. Dei Fall Demjanjuk Sonnentnih 1987
Sanning Walter. Die Auflbsung. Tübingen. Vrl Grabert. 1983
Schaub Bernhard. Adlei und Rose Bnigg (Schweiz)
Scheffler Wolfgang. Judenverfolguug in> DriUen Reich. Hamburg, Vil
Colloquium, 1964
Schloss Eva. Evas Gesctuchte MimcUen, Heyne-Vrl., 1991
Sereny-Honeyman Gitta. Алп Abgrund. Eiue Gewissenforschung. Miincheu,
Ullstein-Vrl. 1980
Smith Bradley. Confessions of a Holocaust Revisionist. Los Angeles, 1988
Staglich Wilhelm. Die westdeutsche Justiz und die sogenannten NS-
Gewaltverbrechen. Kollund (Denmark), Krilik-Vrl. 1977
Staglich Wilhelm. Der Auschwitz-Mythos. Tübingen, Vrl. Grabert, 1979
Steiner Jean-Francois. Treblinka. Die Revolte eines Vernichtungslager. Hamburg,
Stalling-Vrl. 1966
Szende Stefan. Der letzte Jude aus Polen. Zurich-New York, 1945
Thion Serge. Verite historique ou verite politique? Paris, La Vieille Taupe, 1980
Vidal-Naquet Pierre. Les assassins de la memoire. Paris, 1991
Vogt Arthur. Der Holocaust-Legende oder Realitat? // Der Revisionistenstreit.
Kollund (Denmark), 1992
Vrba Rudolf. I cannot forgive. Toronto, 1964
Walendy Udo. Bilddokumente fur die Geschichtsschreibung? Vlotho/Weser, 1973
Weckert Ingrid. Feuerzeichen. Tübingen, Vrl. Grabert, 1990
Wellers Georges. Les chambres a gaz ont existe. Paris, 1981
Westphal H.K., Kretschmer W., Konrad Ch., Scholz R. Die ZEIT lugt! Bad
Kissingen, s. a.
Wiesel EHe, La nuit. Paris, 1958
Wiesel Elie. Die Nacht zu begraben, Elischa. Munchen, Ullstein-Vrl. 1990
Wiesel Elie. Paroles d'etranger. Paris, Seuil, 1982
Wiesenthal Simon. KZ Mauthausen. Wien, Ibis-Vrl. 1946
Wiesenthal Simon. Recht, nicht Rache. Munchen, Ullstein-Vrl. 1991
Wormser-Migot Olga. Le systeme concentrationnaire nazi. Paris, PUF, 1968